

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2013 ГОДУ. ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ПРАВООПОРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№1 (28) / 2021

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)

БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент

ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юридических наук, профессор

ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор

ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юридических наук, доцент

ГУСАК В. А. доктор юридических наук

ЗУЕВ С. В. доктор юридических наук, доцент

КИРЕЕВ В. В. доктор юридических наук, доцент

КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук

ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор

МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор

ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент

САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор

СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор

СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юридических наук, профессор

ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юридических наук, доцент

ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук

БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор

КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор

ТАНАЕВА З. Р. доктор педагогических наук, доцент

МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУРМИСТРОВА С. А. кандидат юридических наук, доцент

ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук

ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент

КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент

МАЙОРОВ А. В. кандидат юридических наук, доцент

МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент

ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент

ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент

ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент

МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент

СЕМЕНОВ А. И. кандидат исторических наук, доцент

ДЕККЕРТ Д. В. кандидат педагогических наук

КАЗАРЦЕВА Г. А. кандидат пед. наук, доцент

СУХОРОУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,

ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.

Подписной индекс **И94267**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.

Тел.: +7 (908) 570-73-15

E-mail: pravoporyadok74@bk.ru

Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**

Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 27.03.2021.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,95.

Тираж 150 экз. Заказ № 412.

Отпечатано в издательстве

Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 15.04.2021.

Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2021.

В НОМЕРЕ

Общие вопросы теории права. История правопорядка

Махрова Т. К.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА 6

Административное право и процесс

Денисенко В. В., Майорова Е. Н.

ПОКАЗАТЕЛИ И МЕТОДИКА ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И УСЛОВИЙ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ 13

Майоров В. И., Квасов В. Б.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ПРОЕКТА ЗАКОНА
«О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ»:
ОБОСНОВАНИЕ, СТРАТЕГИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ 19

Майорова Е. Н.

ИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ВЫДВОРЕНИИ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 33

Уголовное право

Суверов С. Е.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА
ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ,
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ 41

Сумачев А. В., Бызова И. Г.

ПРОФИЛАКТИКА ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ 47

Тесленко Е. С.

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ
СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ РОССИИ 51

Уголовный процесс

Киселева К. А.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ
В РАЙОННЫХ И ГОРОДСКИХ СУДАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ 58

Рудаков Б. В.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ) ДАННЫХ
В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 65

Теория и практика противодействия преступности

Кобец П. Н.

ГЕНЕЗИС ОПАСНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ —
БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА И МЕРЫ ПО ЕГО ПРОФИЛАКТИКЕ 72

Майоров А. В., Великий А. А.

ОТТЕНОК ПАНДЕМИИ (COVID-19)
В КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 79

Меньшикова А. Г., Забродина В. В.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА
И ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА ПО ПРИЗНАКУ ПРЕДМЕТА 85

Радостева Ю. В.

ЖЕРТВА И ПРОСТРАНСТВО 90

Правозащитная и правоохранительная деятельность

Поспеев К. Ю.

ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ СОБСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ОТ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ 94

Прокурорский надзор

Хохрякова Э. А.

ВИНОВНОСТЬ ЛИЦА В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РЕШЕНИИ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА 98

Профессиональная подготовка

Туркаева Л. В.

ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ 102

Росенко Н. И.

ПРИНЦИП КУЛЬТУРНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА
В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ 109

Отзывы и рецензии

Винникова Р. В.

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ АЛИЕВА Ш. М. НА ТЕМУ:
«ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ
ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ» 114

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 116

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ
В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВООПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА» 120

CONTENTS

General questions of the Theory of Law. History of Legal Order

T. K. Makhrova

HISTORICAL FOUNDATIONS AND CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS OF THE FOREIGN THEORY OF ADMINISTRATIVE LAW	7
--	---

Administrative Law and Procedure

V. V. Denisenko, Ye. N. Mayorova

INDICATORS AND METHODOLOGY FOR NON-DEPARTMENTAL ASSESSMENT OF THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND THEIR FUNCTIONING CONDITIONS	13
--	----

V. I. Mayorov, V. B. Kvasov

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE DRAFT LAW “ABOUT THE STATE SECURITY ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION”: JUSTIFICATION, STRATEGY, PROSPECTS	20
---	----

Ye. N. Mayorova

ENFORCEMENT OF THE ORDER ON THE FORCED EXPULSION OF FOREIGN NATIONALS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC	33
--	----

Criminal Law

S. Ye. Suverov

INTERACTION OF THE PRACTICE OF USING THE LABOR OF PERSONS SERVING PUNISHMENT AND THE CRIMINAL LEGAL INSTITUTE OF RECONCILIATION	41
---	----

A. V. Sumachev, I. G. Byzova

PREVENTING TERRORIST IDEOLOGY AMONG YOUNG PEOPLE	47
--	----

Ye. S. Teslenko

PREVENTION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS AMONG STUDENTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF RUSSIA	51
---	----

Criminal Proceeding

K. A. Kiseleva

PROBLEMS OF JURY TRIAL IMPLEMENTATION IN DISTRICT AND CITY COURTS OF SMALL TOWNS	58
---	----

B. V. Rudakov

ON THE ISSUE OF THE USE OF DIGITAL (ELECTRONIC) DATA IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES	65
---	----

Theory and Practice of Combating Crime

P. N. Kobets

THE GENESIS OF A DANGEROUS TYPE OF TERRORIST THREAT — BIOLOGICAL TERRORISM AND MEASURES TO PREVENT IT	72
--	----

<i>A. V. Mayorov, A. A. Velikiy</i>	
A SHADE OF PANDEMIC (COVID-19) IN THE CRIMINALIZATION OF RUSSIAN SOCIETY	79
<i>A. G. Menshikova, V. V. Zabrodina</i>	
TO THE QUESTION OF DISTINCTION OF FRAUD AND COUNTERFEITING ON AN OBJECT	85
<i>Yu. V. Radosteva</i>	
VICTIM AND SPACE	90

Human Rights and Law Enforcement

<i>K. Yu. Pospiev</i>	
THE PROBLEM OF PROTECTING THE INTERNAL AFFAIRS BODIES' OWN FACILITIES FROM UNMANNED AERIAL VEHICLES	94

Prosecutorial Supervision

<i>E. A. Khokhryakova</i>	
THE GUILT OF A PERSON IN A PROCEDURAL DECISION ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH THE APPOINTMENT OF A COURT FINE	98

Professional training

<i>L. V. Turkaeva</i>	
TRENDS IN MODERNIZATION OF THE MODERN SYSTEM OF HIGHER LEGAL EDUCATION IN RUSSIA AS A NECESSARY CONDITION FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF FUTURE LAWYERS	102
<i>N. I. Rosenko</i>	
THE PRINCIPLE OF CULTURAL DETERMINISM IN THE SYSTEM OF FORMATION OF ECONOMIC AND LEGAL CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS	109

Comments. Reviews

<i>R. V. Vinnikova</i>	
REVIEW ON THE ABSTRACT OF THE THESIS OF SH. M. ALIEV ON THE THEME: "LEGAL CONSEQUENCES OF THE BEGINNING AND THE END OF ARMED CONFLICTS"	114
INFORMATION ABOUT AUTHORS	116
RULES OF SUBMITTING OF MANUSCRIPTS OF ARTICLES IN SCIENTIFIC AND PRACTICAL MAGAZINE LEGAL ORDER: HISTORY, THEORY, PRACTICE	120

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА

УДК 340

С. 6–12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Махрова Т. К.

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: lotto@list.ru.

Аннотация. В статье рассматривается исторический процесс формирования и трансформации доктринального понимания предметной области, методов, структуры административного права как правовой отрасли, наиболее интегрированной в сложную междисциплинарную систему, определяющую цели, принципы и содержание государственного управления.

При всем многообразии исторических вариантов развития государственности анализ основных вех этой истории обнаруживает движение в сторону относительной унификации идеологических основ административно-правового регулирования. Представляется возможным предположить, что сутью этого процесса является адаптация механизма государственного управления к требованиям «общественного договора» как основополагающего концепта естественно-правовой теории.

«Полицейский» образ государства, складывавшийся на протяжении Нового времени, вытесняется пониманием государства в его взаимодействии с обществом как «правового», «социального», «сервисного». На рубеже XX–XXI веков государство как поставщик государственных услуг все чаще воспринимается потребителем, без учета двустороннего характера «общественного договора». При этом изначальная договорная передача государству права на принуждение и, особенно, применение насилия выхолащивается из общественного восприятия «текста» договора. С другой стороны, государство в условиях усложнения управленческих задач предпочитает не акцентировать внимания на «неотчуждаемом праве народа на сопротивление». В переходную эпоху цифровизации и образа жизни общества, и функционирования государства возникает необходимость «рационализации» государства с учетом масштаба новых задач. Означает ли это и необходимость «редактировать» положения договора общества с государством? Ответ такое «рациональное» государство может искать именно в поле соприкосновения предметов регулирования отраслей публичного права, прежде всего конституционного и административного.

Ключевые слова: камералистика, полицейское право, теория административного права, правовое государство, социальное государство, теория общественного договора.

Для цитирования: Махрова, Т. К. Исторические основания и концептуальные трансформации зарубежной теории административного права / Т. К. Махрова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 6–12.

HISTORICAL FOUNDATIONS AND CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS OF THE FOREIGN THEORY OF ADMINISTRATIVE LAW

T. K. Makhrova

South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: lotto@list.ru.

Abstract. The article examines the historical process of the formation and transformation of the doctrinal understanding of the subject area, methods, structure of administrative law as a legal branch, most integrated into a complex interdisciplinary system that determines the goals, principles and content of public administration.

With all the variety of historical options for the development of statehood, an analysis of the main milestones in this history reveals a movement towards a relative unification of the ideological foundations of administrative and legal regulation. It seems possible to assume that the essence of this process is the adaptation of the mechanism of public administration to the requirements of the “social contract” as the fundamental concept of natural law theory.

The “police” image of the state, which has evolved over the course of the New Age, is being supplanted by the understanding of the state in its interaction with society as “legal”, “social”, “service”. At the turn of the XX–XXI centuries, the state as a provider of public services is increasingly perceived as a consumer, without taking into account the bilateral nature of the “social contract”. At the same time, the initial contractual transfer to the state of the right to coercion and, especially, the use of violence is emasculated from the public perception of the “text” of the contract. On the other hand, the state, in the face of increasing complexity of administrative tasks, prefers not to focus on the “inalienable right of the people to resist”. In the transitional era of digitalization and the way of life of society and the functioning of the state, there is a need to “rationalize” the state, taking into account the scale of new tasks. Does this also mean the need to “edit” the provisions of the agreement between society and the state? Such a “rational” state can look for the answer precisely in the field of contact between the subjects of regulation of the branches of public law, primarily constitutional and administrative.

Keywords: cameralistics, police law, theory of administrative law, constitutional state, welfare state, theory of social contract.

For citation: Makhrova, T. K. Historical Foundations and Conceptual Transformations of the Foreign Theory of Administrative Law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 6–12. (In Russ.)

Введение

Двадцатый век в истории развития правовых систем стран мира можно без преувеличения назвать веком административного права. Актуализация вопросов государственного вмешательства во все сферы жизни общества, оптимизации границ такого вмешательства и эффективности государственного управления характеризует этот период исторического развития всех ведущих государственно-правовых систем. Именно в XX столетии реализуются многие концептуальные построения в политико-правовой и экономической теории, которые созревали на протяжении Нового времени. Идейным основанием для большинства административных реформ конца XX и начала XXI века становится выработанный к этому времени относительно общий подход к определению административного права как

совокупности правовых норм, регулирующих публичную администрацию и различные формы контроля ее деятельности в интересах согласования публичного и частного интереса, защиты прав и свобод человека.

Исторически государственное управление долгое время строилось на основе обычая, ритуала, традиции и не сразу превратилось в институт, урегулированный правом. До появления административного права управление государством регулировалось общеправовыми нормами. Формирование института государственной администрации и административного права как отрасли национального права и интернациональной науки происходит в Новое время, и начинается уже в условиях абсолютной монархии. Этот процесс по мере своего развития иллюстрирует и движение в сторону понимания государства

как «правового», «социального», «сервисного». Формируется вектор концептуальных трансформаций, объединяющий подходы к нормотворчеству и правоприменению в сфере административно-правового регулирования. Смысловые вехи этого исторического процесса представляют интерес для изучения, которое проведено с опорой на исследования отечественными авторами ряда известных политико-правовых текстов.

Описание исследования

В Западной Европе — в Австрии, Германии, Франции — в XVII — первой половине XVIII века растет потребность в финансовом обеспечении государственных нужд, развивается комплексное знание о правилах ведения камерального хозяйства — камералистика (от лат. *camera* — «дворцовая казна»). Первоначально это наука и о финансах, и об управлении государственным хозяйством, содержании двора, чиновничества и армии. И о деятельности полицейской (от греч. *polis* — античный город-государство), если понимать такую деятельность в широком смысле как деятельность по внутреннему управлению городским хозяйством с тщательной регламентацией общественных отношений в целях содействия общему благу — благосостоянию и благочинию, в стремлении государства облагодетельствовать своих подданных, пусть даже и принудительно. Абсолютный монарх мог управлять государством, не опираясь на закон, поэтому камералистику сложно рассматривать как правовую науку. Она имела скорее описательный характер, но вместе с тем устанавливала правила функционирования государственных учреждений в определенной сфере управления, штаты чиновников, их обязанности, жалование. Рекомендовала, в частности, сокращение придворных штатов и роскоши и даже формулировала — например, в известной работе Георга Обрехта «Пять различных секретов политики при определении на службу, содержании и увеличении хорошей полиции» (1617) — проекты «всеобщей программы управления» с учетом особенностей взаимоотношений индивидов с государством [8, с. 34].

Административное право рождается как часть такой комплексной науки о государственном управлении. Отраслевая дифференциация ее связана с появлением во второй половине XVIII века так называемой «новой» камералистики, внутри которой идет процесс формирования самостоятельных наук государственного управления, полицейского права и административного права. Внутреннее государственное управление, за исключением

финансовой сферы, теперь идентифицируется с термином «полиция», а трактаты по вопросам структуры, организации, совершенствования деятельности административных служб по обеспечению общественного порядка, благосостояния и безопасности именуется полицейской наукой (или полицейским правом, не ограничивающим, как мы уже отметили, полицейскую деятельность только правоохранительной функцией). Истоки формирования науки полицейского права на базе полицейского законодательства связывают с публикацией в 1707–1738 гг. четырехтомного «Трактата о полиции» французского чиновника Николая Деламара, чьим именем впоследствии будет названа Национальная школа полиции Франции. Он определял роль полиции в системе государственного управления как административного ведомства, в ведении которого находится широкий круг вопросов благочиния и благосостояния подданных: безопасность, здоровье, гигиена, продовольствие, торговля, нравы, религия, пути сообщения [4, с. 29].

Во второй половине XVIII и на протяжении XIX века в Германии, Франции, где уже сложились устойчивые административные системы и потребность их нормативной регламентации, появляются исследования, имеющие более систематизированный и концептуальный характер. В Пруссии это многочисленные труды Иоганна фон Юсти («Основные начала полицейской науки, изложенные в рациональной системе, основанной на конечной цели полиции», 1756; и др.), развивавшего концепцию государства как особого социально-политического института — посредника, приводящего к согласию разъединенных в процессе экономической конкуренции субъектов в интересах общего блага [6, с. 62–79]. Подчеркнем здесь идею о том, что полиция как совокупность учреждений государственной власти должна, помимо прочего, «охранять, увеличивать и разумно использовать» общее имущество государства, являющееся необходимым средством обеспечения общественного счастья и благосостояния.

Продолжал рассматривать полицию не как специализированный охранительный орган, а как общую администрацию с созидательным потенциалом на основе методов государственного принуждения Генрих фон Берг («Руководство по немецкому полицейскому праву», 1799–1806 гг.). Берг более подробно анализировал содержательную сторону деятельности государственной администрации, одним из первых поставил вопрос о границах принудительной деятельности «полиции безопасности» и «полиции благосостояния», предложив,

таким образом, использовавшуюся в XIX в. классификацию. Последователь Берга, немецкий правовед Роберт фон Моль, ставший родоначальником теории правового государства («Наука о полиции как учение о правовом государстве», 1832–1834 гг.), продемонстрировал в теории стремление сузить сферу и определить границы принудительной деятельности государства без разделения полиции безопасности и полиции благосостояния [4, с. 30–31].

Моль разделил понятия государство и общество, признав государство независимо от формы осуществления власти лишь средством для достижения различных жизненных целей и для ограждения прав граждан. Он считал, что между государственным правом и политикой должно быть помещено учение о государственной нравственности, поскольку государство «должно быть лучше, чем общество». Полиция в этой системе становилась учреждением, имеющим целью удалять внешние препятствия на пути к всестороннему развитию человеческих способностей, которые собственными силами отдельного лица не могут устранить, предупреждать опасности, исходящие как от злой воли людей, так и от сил природы. Моль выделил «правовую полицию» (или «предупредительную юстицию»), задачей которой является предупреждение и пресечение правонарушений методами принудительного характера; задача восстановления нарушенных прав отнесена им к «восстановительной юстиции».

Переход от государства полицейского к государству правовому потребовал и пересмотра термина «полицейское право», распространению термина «административное право». Широкая трактовка полицейского права и полиции как общей администрации уступает место необходимости обосновать ограничение предмета, функций, методов полицейской деятельности сферой охраны безопасности. Полиция перестает отождествляться с общей администрацией.

Это разделение способствовало отраслевой дифференциации, в результате которой полицейская деятельность и полицейское право ограничивается правоохранительной составляющей, обеспечивающей поддержание общественного порядка и общественной безопасности. Административное право как самостоятельная отрасль публичного права регулирует осуществление административной (исполнительной) власти и ее отношения с частными лицами. На рубеже XIX–XX веков полицейское право и административное право меняются местами: первое становится частью второго, а второе, бывшее ранее частью первого,

включает его в свой состав [1, с. 7]. Одновременно происходит отграничение административного права от государственного права.

Франция одной из первых в Европе начала реализацию на практике идеи разделения властей и признала неподсудность администрации общим судам [9, с. 146–147]. Здесь административное право уже в начале XIX века было представлено образовательным курсом общественного и административного права, открытым на юридическом факультете Парижа в 1819 году профессором Жозефом-Мари де Жерандо, автором трактата «Основания французского административного права» (1830). Промежуточный итог систематизации науки французского административного права подвел Ансельм Батби («Трактат о публичном и административном праве», 1885). Он связал государственное управление с теорией разделения властей, определил функцию исполнительной власти (исполнение законов, оказание положительных публичных услуг гражданам, препятствие совершению зла силами полиции), ее разделение на «правительственную» (высшее политическое руководство) и «административную» (практическое осуществление власти, доверенной правительству).

В рамках общественного договора, в соответствии с теорией Ж.-Ж. Руссо, государство как «условная личность», жизнь которой заключается в союзе ее членов, заботится об общем благе [5, с. 73]. Обсуждается вопрос о том, какое направление в административной деятельности важнее — по обеспечению безопасности или благосостояния? Французский правовед Жозеф Бартеlemi различает два ее вида — «обязательную» (в сфере обороны и охраны общественного порядка) и «факультативную» (в сфере управления хозяйством). В сторону государственного патернализма и создания социального государства, берущего на себя ответственность за благосостояние граждан, решение этого вопроса направит немецкий философ и правовед Лоренц фон Штейн («Теория государственного управления», 1865–1884). Этот посыл найдет дальнейшее развитие в немецкой доктрине XX века у Эрнста Форстхоффа («Публичная администрация как субъект, предоставляющий публичные услуги», 1938) [3].

Отметим, что политико-административная дихотомия (раздвоение исполнительной власти, разделение политической «головы» и управленческих «рук», «инициативы» и «действия») в теории представлена не только французским, но и американским подходом. Сама постановка проблемы восходила к книге Шарля де Монтескье «О духе законов» и активно

обсуждалась французскими административистами в XIX веке как проблема баланса между политикой и управлением на основе административного права, которое регулирует взаимодействие в сфере исполнения законов и между чиновниками, и между чиновниками и гражданами. С одной стороны, «правительственная» власть стоит выше «административной», последняя занимает подчиненное положение. На это указывает и семантический анализ термина «администрация»: латинское *administrare* («служить для») представляет собой форму от корня *minus*, указывающего на подчиненное положение. Это, однако, не должно, по мнению французского юриста Александра Вивьена («Очерки об администрации», 1845) исключать наделения администрации правом издания подзаконных актов.

Американский подход представляет политик, президент США Вудро Вильсон («Наука государственного управления», 1887), рассматривавший политику и администрирование как разные функции государства. Государственное управление должно находиться вне политической сферы и рассматриваться как область делового управления, защищенного от давления политиков, и применения публичного права. Так в последней четверти XIX в. в исследовании проблем государственного управления и его правового регулирования начинает формироваться поливариантное по подходам, принципам (с учетом национальных экономических, культурно-исторических особенностей государств), междисциплинарное по методам исследовательское направление, известное как *Public administration*. Оно базируется «на пересечении нескольких исследовательских полей» — политики, экономики, социологии, права, менеджмента — и акцентирует свое внимание на актуальных методологических и прикладных исследованиях с целью повышения эффективности государственного управления, как экономической, так и социальной [2, с. 62–63].

Как целостная область научного знания со своим предметным полем и способностью отвечать на запросы времени *Public administration* становится особенно актуальной во второй половине XX века. Именно в этот период во многих странах начинается активное реформирование системы государственного управления и государственного сектора экономики. Принципиальной основой этих реформ становится демократизация, децентрализация и деконцентрация, превращение государства в поставщика государственных услуг, соизмерение целесообразности и эффективности при принятии оптимального управленческого

решения и другие базовые идеи, зрелость которых теперь проверяется на практике.

Так, востребованной в рамках менеджериального подхода становится и идея «сервисного государства», выступающего «поставщиком» публичных услуг, но государства не тоталитарного, а демократического. В 1930-е годы немецкий правовед Эрнст Форстхофф предсказал изменения в понимании роли государства и административного права в связи с развитием научно-технического прогресса, вытеснения традиционного сельского образа жизни, растущей зависимостью человека от государства и расширением государственного вмешательства во все сферы жизни общества (независимо от модели экономической системы). Государство в этой парадигме «тотальности» с неизбежной необходимостью заботится о существовании человека (его «жизненном обеспечении») и осуществляет предоставление публичных услуг («позитивное управление»). В 1950-е гг. эта модель была несколько демократизирована автором введением в нее активного гражданина, взаимодействующего с государством в процессе решения насущных проблем (в рамках «взаимного участия») [3, с. 237–242].

В противовес старой бюрократической культуре управления административные реформы поставили своей целью трансформацию философии и культуры государственного управления в соответствии с культурой бизнеса, внедрение в государственный сектор духа предприимчивости, инициативы, заботы о клиенте. Но демократизация управления не означает достижения равенства сторон в административном правоотношении, поэтому современная доктрина — и американская, и европейская — рассматривает административное право как право защиты гражданина от произвола администрации, признает верховенство прав человека и гражданина и особую значимость разнообразия форм взаимного контроля ветвей власти.

Актуальность правового подхода подчеркивает известный американский специалист в области административного права, государственного управления, кадровой политики в государственном секторе политолог Дэвид Розенблюм («Теория публичного управления и разделение властей», 1983). В его концепции триединого подхода к государственному управлению (закон, политика, управление) подчеркивается значимость правового подхода (административного права, административной юстиции). Совокупность всех трех подходов может быть противоречива в среде действия конституционного принципа разделения властей и соотноситься с разными ведомствами, но

неизбежна, так как современная исполнительная власть может принимать решения трех типов — и исполнительного, и законодательного, и судебного. Было бы странно, с точки зрения автора, разделять государственное управление и политику. Верховенство закона (юридический подход) становится решающим фактором взаимодействия всех трех подходов [7, с. 571–588].

Вывод

При сохранении культурно-исторических и политико-правовых различий в развитии государственности стран мира вероятной представляется тенденция движения в сторону выработки относительно единой концепции административно-правового регулирования под влиянием осмысления тех трансформаций, которое переживает общество в определенную историческую эпоху. Процессы экономической интеграции при сохранении национальных государств, столкновение общества и государства с вызовами новой цифровой среды обитания при нарастании проблем в среде природной стимулирую поиск наиболее эффективных способов правового регулирования. Тенденция к интеграции сложившихся в теории административного права подходов лишь подчеркивает единство природы и роли института государства в жизни любого общества. Наступление новой цифровой эпохи с возможностями анализа больших данных и междисциплинарного научного знания унификации теоретических и правотворческих подходов способствует. Не случайно появление или редактирование

норм в национальном законодательстве нередко мотивируется наличием зарубежного опыта решения проблем с помощью правового регулирования. Эти факторы будут влиять и на возможную корректировку методологических основ будущих административных реформ.

Заключение

Таким образом, административное право как отрасль в структуре национального права и как юридическая наука (объективно стремящаяся к интернациональности) в процессе дифференциации научного знания становится областью вполне самостоятельной, обладающей собственным предметом и методом. Исторические этапы этого развития имели особенности, связанные со спецификой национальной государственности и принадлежности к условной совокупности государств (правовой семье). Так, европейская континентальная традиция выделяет этапы этого развития как движение от недифференцированной камеральной науки через опирающуюся на более четкое управленческое целеполагание полицейскую — к юридической науке административного права. Однако сам объект изучения — общественные отношения в сфере государственного управления во всем их многообразии и значимости решаемых задач — заставляет и теорию, и практику административно-правового регулирования неизбежно развивается в тесной связи с комплексом обществоведческих и гуманитарных научных дисциплин, рационально используя зарубежный опыт такого регулирования.

Список литературы

1. Бельский, К. С. Полицейское право. — Москва : Дело и сервис, 2004. — 816 с.
2. Волчкова, Л. Т. Public administration: становление и развитие как новой научной и учебной дисциплины / Л. Т. Волчкова, Г. А. Меньшикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. — 2013. — Вып. 1. — С. 62–68.
3. Керстен, Й. Эволюция концепта «обеспечение существования» в работах Эрнста Форстхоффа (реферат) / Й. Керстен // Современное государство: политико-правовые и экономические исследования : сб. науч. трудов / отв. ред. Е. В. Алферова. — Москва : ИНИОН РАН, 2010. — С. 237–242.
4. Малиновская, В. М. Генезис западноевропейской науки административного права / В. М. Малиновская // Вопросы российского и международного права. — 2017. — Т. 7, № 5А. — С. 27–36.
5. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебно-методическое пособие / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2014. — 720 с.
6. Расков, Д. Е. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века / Д. Е. Расков // Terra Economicus. — 2019. — № 17 (4). — С. 62–79.
7. Розенблюм, Д. Х. Теория государственного управления и принцип разделения властей / Д. Х. Розенблюм // Классики теории государственного управления: американская школа / ред. Дж. Шафритц, А. Хайд. Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 571–588.
8. Славинская, О. А. Теория общественных расходов и ее приложение к гуманитарному сектору экономики : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : дис. ... канд. экон. наук / Славинская Ольга Александровна. — Москва, 2020. — 145 с.
9. Талапина, Э. В. Административное право Франции сегодня / Э. В. Талапина // Ежегодник сравнительного правоведения. — Москва : НОРМА, 2004. — С. 136–151.

References

1. Belskiy, K. S. Politseyskoe pravo. — Moskva : Delo i servis, 2004. — 816 s.
2. Volchkova, L. T. Public administration: stanovlenie i razvitie kak novoy nauchnoy i uchebnoy distsipliny / L. T. Volchkova, G. A. Menshikova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. — 2013. — Vyp. 1. — S. 62–68.
3. Kersten, Y. Evolyutsiya kontsepta «obespechenie sushchestvovaniya» v rabotakh Ernsta Forstkhoffa (referat) / Y. Kersten // Sovremennoe gosudarstvo: politiko-pravovye i ekonomicheskie issledovaniya : sb. nauch. trudov / otv. red. Ye. V. Alferova. — Moskva : INION RAN, 2010. — S. 237–242.
4. Malinovskaya, V. M. Genezis zapadnoevropeyskoy nauki administrativnogo prava / V. M. Malinovskaya // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2017. — T. 7, № 5A. — S. 27–36.
5. Marchenko, M. N. Teoriya gosudarstva i prava : uchebno-metodicheskoe posobie / M. N. Marchenko, Ye. M. Deryabina. — 2-e izd. — Moskva : Prospekt, 2014. — 720 s.
6. Raskov, D. Ye. Kameralizm knig: perevody Yusti v Rossii XVIII veka / D. Ye. Raskov // Terra Economicus. — 2019. — № 17 (4). — S. 62–79.
7. Rozenblyum, D. Kh. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya i printsip razdeleniya vlastey / D. Kh. Rozenblyum // Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola / red. Dzh. Shafritts, A. Khayd. Moskva : Izd-vo MGU, 2003. — S. 571–588.
8. Slavinskaya, O. A. Teoriya obshchestvennykh raskhodov i ee prilozhenie k gumanitarnomu sektoru ekonomiki : spetsialnost 08.00.01 «Ekonomicheskaya teoriya» : dis. ... kand. ekon. nauk / Slavinskaya Olga Aleksandrovna. — Moskva, 2020. — 145 s.
9. Talapina, E. V. Administrativnoe pravo Frantsii segodnya / E. V. Talapina // Yezhegodnik sravnitel'nogo pravovedeniya. — Moskva : NORMA, 2004. — S. 136–151.

Дата поступления статьи: 23.02.2021.

ПОКАЗАТЕЛИ И МЕТОДИКА ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И УСЛОВИЙ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Денисенко В. В.

*Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: profdenisenko@mail.ru.*

Майорова Е. Н.

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: major.a@mail.ru.*

Аннотация. В статье содержится ретроспективный анализ подходов МВД России к системе показателей оценки деятельности органов внутренних дел, содержащихся в ведомственных нормативных правовых актах, принятых в последние два десятилетия. Показан генезис позиций, направленных на совершенствование показателей оценки деятельности органов внутренних дел. Раскрывается содержание показателей, используемых при ведомственной и вневедомственной оценках деятельности территориальных органов внутренних дел.

Центральное место в статье отведено исследованию показателей и методики вневедомственной оценки деятельности органов внутренних дел и условий их функционирования.

Ключевые слова: территориальные органы внутренних дел, совершенствование оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, показатели ведомственной статистической оценки, показатели вневедомственной оценки безопасности граждан и деятельности территориальных органов внутренних дел.

Для цитирования: Денисенко, В. В. О показателях и методике вневедомственной оценки деятельности органов внутренних дел и условий их функционирования / В. В. Денисенко, Е. Н. Майорова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 13–18.

INDICATORS AND METHODOLOGY FOR NON-DEPARTMENTAL ASSESSMENT OF THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND THEIR FUNCTIONING CONDITIONS

V. V. Denisenko

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Krasnodar, Russian Federation
E-mail: profdenisenko@mail.ru.*

Ye. N. Mayorova

*Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: major.a@mail.ru.*

Abstract. The article contains a retrospective analysis of the approaches of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the system of indicators for assessing the activities of the internal affairs bodies contained in the departmental normative legal acts adopted in the last two decades. The genesis of the positions aimed at improving the indicators of assessing the activities of the internal affairs bodies is shown. The content of indicators used in departmental and non-departmental assessments of the activities of territorial bodies of internal affairs is revealed.

The central place in the article is devoted to the study of indicators and methods of non-departmental assessment of the activities of internal affairs bodies and the conditions for their functioning.

Keywords: territorial bodies of internal affairs, improvement of operational and service activities of internal affairs bodies, indicators of departmental statistical assessment, indicators of non-departmental assessment of the security of citizens and the activities of territorial bodies of internal affairs.

For citation: Denisenko, V. V., Mayorova, Ye. N. Indicators and Methodology for Non-Departmental Assessment of the Activities of Internal Affairs Bodies and their Functioning Conditions. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 13–18. (In Russ.)

Введение

На протяжении последних лет МВД России неоднократно вносило изменения в систему показателей оценки деятельности органов внутренних дел. За последние двадцать лет эти вопросы регламентировались приказами МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150 «О введении систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования»¹, от 5 августа 2005 г. № 650 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте»², от 29 июня 2011 г. № 735 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел»³, от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁴, от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных

органов Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁵.

После распада СССР правоохранительные органы продолжали руководствоваться сложившимися в 1960–1970 гг. критериями оценки эффективности своей деятельности, ключевое место в которых занимал общий процент раскрываемости преступлений. Для повышения показателей эффективности стала формироваться практика сокрытия преступлений от регистрационного учёта» [2, с. 31]. В результате наблюдался рост латентной преступности, обострение криминогенной обстановки, ослабление законности и правосознания граждан.

Описание исследования

Для изменения негативных тенденций МВД России в 2001 г. поставило задачу разработки новой системы оценки деятельности ОВД, которая получила оформление в приказе МВД России от 23 ноября 2002 г. № 1150 «О введении систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования».

От новой системы оценки требовалось вернуть общественное доверие полиции, улучшить имидж органов внутренних дел и их сотрудников, переориентировать работу полиции на реальную защиту прав и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных посягательств, поддержание правопорядка и общественной безопасности.

Общая система оценки деятельности сотрудников ОВД строилась по направлениям:

1. Учет и регистрация заявлений и сообщений о преступлениях.
2. Профилактика, предотвращение и пресечение преступлений.
3. Выявление преступлений.

⁵ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 декабря 2013 года № 1040 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

¹ О введении систем оценки деятельности органов внутренних дел, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования : приказ МВД России от 23 ноября 2002 года № 1150 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

² Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте : приказ МВД России от 5 августа 2005 года № 650 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел : приказ МВД России от 29 июня 2011 года № 735 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

⁴ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД от 26 декабря 2011 года № 1310 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

4. Раскрытие преступлений.
5. Предварительное следствие.
6. Дознание.
7. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.
8. Обращения граждан.

По каждому из указанных направлений были определены свои специфические критерии, показатели и индикаторы.

При этом для подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования предусматривались отдельные системы оценки со своими критериями.

Приоритет отдавался ведомственной оценке, рассматривающей количественные показатели на основе имеющейся статистической отчетности. Методика оценки заключалась в сравнении данных за текущий период с аналогичным показателем прошлого года и в зависимости от динамики индикатора определении его положительного или отрицательного значения.

Однако вскоре был принят новый приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте» (далее — приказ № 650), в котором критерии оценки деятельности ОВД претерпели некоторую трансформацию. К ним были отнесены:

- 1) рассмотрение обращений и заявлений граждан, иной информации о преступлениях и административных правонарушениях;
- 2) пресечение и предотвращение преступлений и административных правонарушений;
- 3) выявление преступлений и административных правонарушений;
- 4) раскрытие преступлений и административных правонарушений;
- 5) результаты работы органов предварительного следствия;
- 6) результаты работы органов дознания;
- 7) состояние общественного порядка и общественной безопасности на обслуживаемой территории¹.

В сравнении с ранее действовавшей системой оценки в приказе № 650 был упразднен такой критерий, как «процент раскрываемости

преступлений», а на первый план было выдвинуто «количество тяжких и особо тяжких преступлений в сравнении с общим количеством совершенных преступлений».

Общая оценка положений рассматриваемого приказа показывает их функциональную направленность на повышение доверия граждан к полиции, которое является необходимым условием повышения эффективности правоохранительной деятельности, а также усиление контроля за деятельностью ОВД.

Тем не менее в приказе № 650 сохранялась тенденция оценивания работы полиции с позиций учета аналогичного показателя прошлого года (АППГ). Следствием этого являлось снижение ее продуктивности, поскольку сотрудники территориальных органов МВД России ставили в приоритет лишь некоторое превышение АППГ, при этом у них отсутствовал стимул дальнейшего улучшения показателей, ведь в дальнейшем их было бы необходимо повышать в еще большем объеме [1].

Реформа полиции, проведенная в 2011 г., потребовала и пересмотра подходов к оценке эффективности данной структуры, в результате чего был принят приказ МВД от 29 июня 2011 г. № 735 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел». Однако следует отметить, что годом ранее в рассматриваемой области был издан еще один нормативный правовой акт, действовавший достаточно недолго, но принесший ряд важных новелл в систему оценки деятельности ОВД — приказ МВД России от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования».

Разработчиками данного приказа был провозглашен уход от «палочной» системы оценивания и валовых показателей, на смену которым пришло изучение общественного мнения о деятельности полиции. При этом стоит акцентировать внимание на закреплении в приказе использования в оценке деятельности ОВД именно вневедомственных источников социологической информации о результатах опросов общественного мнения.

Общественное мнение стало одним из критериев оценки деятельности органов внутренних дел, состоящим из трех блоков (показателей). Первые два показателя рассчитывались в рамках оценки уверенности граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов: учитывались доля положительных оценок в числе опрошенных граждан и доля обратившихся в органы внутренних

¹ Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте : приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650. (документ утратил силу).

дел граждан от числа подвергнувшихся противоправным посягательствам. Третий показатель составляла удовлетворенность граждан мерами, принятыми органом внутренних дел по их заявлениям и сообщениям о правонарушениях: учитывалась доля положительных оценок со стороны респондентов¹.

Что касается приказа МВД от 29 июня 2011 г. № 735 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел», он во многом дублировал положения приказа № 650 и нес в себе каких-то принципиально новых норм. Отчасти именно поэтому его действие продлилось недолго, и в этом же году его сменил следующий приказ МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России» (далее — приказ № 1310).

Новый приказ заимствовал ряд положений из приказа МВД России от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования» и в целом демонстрировал смену подхода к оценке деятельности ОВД.

Одной из основной новаций стало упразднение «аналогичного показателя прошлого года», неэффективность использования которого была доказана многолетней практикой и обоснована в заключениях экспертов, научных работах.

Также в приказе № 1310 устанавливался комплексный характер оценки; итоговая комплексная оценка деятельности территориальных органов МВД России состояла из:

- оценки эффективности деятельности по ведомственным показателям;
- оценки деятельности по результатам исследования общественного мнения, а также оценки информирования государственных и муниципальных органов, граждан о результатах деятельности;
- оценки эффективности деятельности территориальных органов МВД России в ходе инспекторских, контрольных, целевых и иных выездов, изучения информационно-аналитических материалов, полученных в рамках осуществления зонального контроля².

¹ Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел РФ, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования : приказ МВД России от 19 января 2010 г. № 25 // Информационный портал правовой помощи. URL: <http://market-mg.narod.ru/pr25-2010.htm> (дата обращения: 20.02.2021).

² Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 26 декабря 2011 г. № 1310 (документ утратил силу).

Реформирование системы МВД России было направлено на установление тесного взаимодействия полиции с формирующимися в стране институтами гражданского общества, повышение уровня общественного доверия и поддержки граждан. Это привело к тому, что важнейшими критериями эффективности деятельности правоохранительных органов стали не только количественные, но и качественные характеристики. К их числу относятся уровень удовлетворенности населения работой органов внутренних дел в целом, отдельных подразделений и сотрудников, мера доверия к ним, степень готовности граждан оказывать поддержку и содействие им в работе и др. Именно мнение населения зачастую становится определяющим критерием оценки не только деятельности правоохранительных органов, но и уровня развития правовой системы государства и общества в целом [4, с. 10].

Возвращаясь к приказу № 1310, следует отметить, что основной его посыл состоял в исключении «палочной» системы оценки деятельности ОВД с переориентацией работы территориальных органов МВД России на достижение не таких показателей, которые превышают прошлогодние, а таких, которые не ниже, нежели у других территориальных органов.

Наконец, последним актом в рассматриваемой сфере, действующим и в настоящее время, стал приказ МВД от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России» (далее — приказ № 1040).

Согласно этому приказу, оценка деятельности территориального органа МВД России складывается из:

1. Вневедомственной оценки его деятельности, основанной на использовании социологической и иной информации, отражающей мнение населения о деятельности территориального органа МВД России.

2. Ведомственной оценки, включающей в себя экспертную оценку и оценку результатов деятельности территориального органа МВД России по статистическим показателям.

Впервые именно вневедомственная оценка деятельности органов внутренних дел указана на первом месте. Показатели вневедомственной оценки безопасности граждан и деятельности министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам РФ включают несколько блоков. Во-первых, это данные социологических исследований (опросов), в которых учитываются положительные оценки граждан по уровню доверия к ОВД, их уверенности

в защищенности от преступных посягательств, общей оценке эффективности деятельности полиции по защите интересов граждан, а также уровень виктимизации, который определяется долей граждан, подвергшихся противоправным посягательствам от числа опрошенных. Во-вторых, рассматривается количество жалоб, поступивших в адрес территориального ОВД и его руководства (на 100 тыс. населения). В-третьих, значимую роль в оценке играют материалы, посвященные деятельности ОВД, размещенные в СМИ и сети Интернет — учитывается доля материалов негативного содержания от общего количества материалов. В-четвертых, определяется уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг, оказываемых органами внутренних дел.

В свою очередь ведомственная оценка, как отмечено выше, объединяет статистическую и экспертную оценку. В пункте 5.2.2.1 приказа № 1040 перечислены основные направления, результат деятельности по которым является основой для формирования показателя статистической оценки. Эти направления коррелируют с основными направлениями деятельности полиции, сформулированными в ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Тем не менее среди направлений также указаны: контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия; контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной детективной (сыскальной) и охранной деятельности; охрана имущества и объектов, в том числе на договорной основе. Данные функции ранее осуществлялись подразделениями вневедомственной охраны и лицензионно-разрешительной деятельности, находящимися в ведении МВД России, однако после создания в 2016 г. Росгвардии были переданы новому ведомству. Поэтому считаем необходимым исключить их из приказа № 1040.

Наряду со статистической, ведомственная оценка деятельности ОВД включает экспертную оценку, которая формируется по трем основным критериям:

1) результативность выполнения территориальным органом МВД России возложенных полномочий по соответствующему направлению деятельности (структурного подразделения территориального органа МВД России);

2) обеспечение прав и законных интересов граждан, состояние законности и служебной дисциплины среди личного состава соответствующего структурного подразделения территориальных органов МВД России;

3) соответствие организации деятельности территориального органа МВД России складывающейся оперативной обстановке¹.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что, несмотря на определенный прогресс, действующая система оценки также имеет свои недостатки. Так, несмотря на то, что аналогичный показатель прошлого года не является статистической характеристикой, внимательное изучение приказа № 1040 позволяет определить наличие зависимости критериев оценки деятельности ОВД от аналогичных показателей за прошлый год.

По-прежнему большое внимание уделяется ведомственной оценке ориентированной, по большей части, на количественные показатели и обслуживающей ведомственные интересы.

Справедлива позиция многих ученых, выступающих с критикой существующих систем оценки, суть которой заключается в том, что оценивается не сам результат деятельности ОВД, а имеющаяся в отношении этого результата отчетность, сопоставление которой с фактическим результатом никто не проводит. Вследствие этого «какие бы новые критерии в этом случае не выбирались, без глубокой и всесторонней аналитической оценки результатов, по итогу приходят к тем же сопоставлениям «палочек» [3; 5; 6].

Заключение

Таким образом, в результате трансформаций систем оценки деятельности ОВД за последние 20 лет стал преобладать комплексный подход, включающий рассмотрение как ведомственных, так и вневедомственных критериев. Вневедомственная оценка постепенно приобрела лидирующие позиции в рамках построения партнерской модели взаимоотношений полиции и общества. Осуществление деятельности ОВД на основе закрепленных в Законе «О полиции» принципов открытости и публичности, общественного доверия и поддержки граждан требует повышения внимания к вопросам взаимодействия с населением, формирования положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел. В подобных условиях именно вневедомственная оценка деятельности органов внутренних дел наиболее объективно отражает уровень эффективности деятельности полиции по защите прав и законных интересов общества и государства, поддержанию общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России : приказ МВД от 31.12.2013 г. № 1040 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/77670729/> (дата обращения: 20.02.2021).

Список литературы

1. Барсуков, С. И. Комментарий к Федеральному закону от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / С. И. Барсуков, А. Н. Борисов. — Москва : Деловой двор, 2014. — 424 с.
2. Бунов, Е. Г. Социальная эффективность деятельности органов внутренних дел в условиях реформирования системы управления МВД России : специальность 22.00.08 «Социология управления» : дис. ... канд. соц. наук / Бунов Егор Георгиевич. — Москва, 2014. — 250 с.
3. Коноплева, А. А. Оценка эффективности деятельности органов внутренних дел в механизме их реформирования / А. А. Коноплева // ЭГО: Экономика. Государство. Общество : [электронный журнал]. — URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2014/03/17> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Майоров, В. И. Повышение уровня доверия к деятельности полиции как направление реформы органов внутренних дел / В. И. Майоров // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. Д. Сорокина (Санкт-Петербург, 22 марта 2012 г.) : в 2 частях. — 2012. — С. 10–14.
5. Новичкова, Е. Е. Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел / Е. Е. Новичкова, М. М. Шахмаев // Вестник Уральского финансово-юридического института. — 2018. — № 4 (14). — С. 65–71.
6. Рыбак, А. В. Оценка эффективности деятельности следственных подразделений на основе применения методов системной динамики / А. В. Рыбак // Научный портал МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 99–103.

References

1. Barsukov, S. I. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 30 noyabrya 2011 g. № 342-FZ «O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye акты Rossiyskoy Federatsii» (postateynyy) / S. I. Barsukov, A. N. Borisov. — Moskva : Delovoy dvor, 2014. — 424 s.
2. Bunov, Ye. G. Sotsialnaya effektivnost deyatel'nosti organov vnutrennikh del v usloviyakh reformirovaniya sistemy upravleniya MVD Rossii : spetsialnost 22.00.08 «Sotsiologiya upravleniya» : dis. ... kand. sots. nauk / Bunov Yegor Georgievich. — Moskva, 2014. — 250 s.
3. Konopleva, A. A. Otsenka effektivnosti deyatel'nosti organov vnutrennikh del v mekhanizme ikh reformirovaniya / A. A. Konopleva // EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo : [elektronnyy zhurnal]. — URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2014/03/17> (data obrashcheniya: 20.02.2021).
4. Mayorov, V. I. Povyshenie urovnya doveryiya k deyatel'nosti politzii kak napravlenie reformy organov vnutrennikh del / V. I. Mayorov // Aktualnye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava : materialy ezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii V. D. Sorokina (Sankt-Peterburg, 22 marta 2012 g.) : v 2 chastyakh. — 2012. — S. 10–14.
5. Novichkova, Ye. Ye. Voprosy otsenki deyatel'nosti organov vnutrennikh del / Ye. Ye. Novichkova, M. M. Shakhmaev // Vestnik Uralskogo finansovo-yuridicheskogo instituta. — 2018. — № 4 (14). — S. 65–71.
6. Rybak, A. V. Otsenka effektivnosti deyatel'nosti sledstvennykh podrazdeleniy na osnove primeneniya metodov sistemnoy dinamiki / A. V. Rybak // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2016. — № 3 (35). — S. 99–103.

Дата поступления статьи: 17.03.2021.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ ПРОЕКТА ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ»: ОБОСНОВАНИЕ, СТРАТЕГИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Майоров В. И.

*Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников органов внутренних дел МВД России
г. Тюмень, Российская Федерация
E-mail: 1955715@rambler.ru.*

Квасов В. Б.

*Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников органов внутренних дел МВД России
г. Тюмень, Российская Федерация
E-mail: VladKwasov@yandex.ru.*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем правового регулирования государственной охранной деятельности в Российской Федерации. Указано на отсутствие концептуальных основ осуществления данного вида охранной деятельности, которая в настоящее время регулируется массивом разрозненных нормативных правовых актов, содержащих пробелы и противоречия. Цель: на основе анализа законодательства, регулирующего осуществление государственной охранной деятельности в России, и материалов правоприменительной практики обосновать потребность в разработке проекта нового закона, упорядочивающего отношения в данной сфере. Методы анализа: в исследовании были использованы метод формально-юридического анализа текстов нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный метод, метод правового моделирования и др. Результаты: охарактеризовано состояние правового регулирования государственной охранной деятельности в России, указаны основные недостатки данного регулирования, разработана концепция проекта закона «О государственной охранной деятельности в РФ». Вывод: законодательство в любой сфере должно отвечать признакам системности и непротиворечивости, быть согласованным с современными социально-экономическими потребностями, в связи с чем разработка и принятие Федерального закона «О государственной охранной деятельности в РФ» является ключевым этапом совершенствования охранного законодательства, направленным на обеспечение должного уровня защищенности важных объектов.

Ключевые слова: государственная охранная деятельность; концепция; законопроект; правовое регулирование; ведомственная охрана; Росгвардия; юридические лица с особыми уставными задачами.

Для цитирования: Майоров, В. И. Разработка концепции проекта закона «О государственной охранной деятельности в РФ»: обоснование, стратегия, перспективы / В. И. Майоров, В. Б. Квасов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 19–32.

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE DRAFT LAW “ABOUT THE STATE SECURITY ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION”: JUSTIFICATION, STRATEGY, PROSPECTS

V. I. Mayorov

*Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Tyumen, Russian Federation
E-mail: 1955715@rambler.ru.*

V. B. Kvasov

*Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Tyumen, Russian Federation
E-mail: VladKvasov@yandex.ru.*

Abstract. The article is devoted to the study of the state's security activity legal regulation problems. It is pointed out that there is no conceptual basis for the performance of this type of security activity, which is currently regulated by an array of disparate regulatory legal acts containing gaps and contradictions. Objective: based on the analysis of the legislation regulating the state security activities in Russia and the materials of legal practice, to justify the need to develop a draft new law regulating relations in this area. Methods of analysis: the study used the method of formal legal analysis of the texts of normative legal acts, the comparative legal method, the system method, the method of legal modeling, etc. Results: the state of legal regulation of state security activities in Russia is characterized, the main shortcomings of this regulation are indicated, the concept of the draft law “About The State Security Activity in the Russian Federation” is developed. Conclusion: legislation in any field should meet the signs of consistency and coherency, be coordinated with modern socio-economic needs, and therefore the development and adoption of the federal law “About The State Security Activity in the Russian Federation” is a key stage in improving security legislation aimed at ensuring the proper level of protection of important objects.

Keywords: state security activity; concept; draft law; legal regulation; departmental security; Rosgvardiya; legal entities with special statutory tasks.

For citation: Mayorov, V. I., Kvasov, V. B. Development of the Concept of the Draft Law “About the State Security Activity in the Russian Federation”: Justification, Strategy, Prospects. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 19–32. (In Russ.)

Введение

Специфика охранной деятельности в Российской Федерации заключается в том, что определенные категории важных объектов подлежат исключительно государственной охране, частная охранная деятельность на них не распространяется. Перечень данных объектов представлен в Постановлении Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности». Тем не менее легальная дефиниция «государственной охранной деятельности» отсутствует, и само понятие не употребляется в действующем законодательстве.

Вместе с тем анализ правового регулирования охранной деятельности позволяет выделить среди существующих участников рынка охранных услуг ряд субъектов, чей административно-правовой статус обладает своей спецификой: расширенные права и полномочия, в том числе по применению физической

силы, спецсредств и оружия, особые задачи, указанные в федеральных законах, право осуществлять охрану объектов из Перечня объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется, и многое другое. Данные субъекты осуществляют государственную охранную деятельность и в большинстве своем находятся в ведении соответствующих органов исполнительной власти или функционируют в виде государственных предприятий. Правовые основы их деятельности закреплены, как правило, в отдельных (по видам — ведомственная, государственная) или профильных законодательных и иных нормативных правовых актах. При этом данные нормативные акты не образуют собой четкую систему, их положения могут иметь противоречивое или двойственное толкование, что усугубляется наличием отличных друг от друга требований, предъявляемым к различным субъектам государственной охранной деятельности,

и существующих для них ограничений. Многие нормативные правовые акты были разработаны достаточно давно и не отвечают современным потребностям общества и государства в сфере охранных услуг. Кроме того, происходит постепенное размывание критериев отнесения тех или иных субъектов охранной деятельности к государственному и частному видам охраны.

Вышеперечисленное обуславливает необходимость разработки системообразующего закона о государственной охранной деятельности, которую, по нашему мнению, следует начать с создания концепции данного закона.

Слово «концепция» происходит от лат. *conceptio* — понятие, понимание, замысел. Среди ученых отсутствует единое мнение по поводу того, что представляет собой концепция проекта закона. Данное понятие может рассматриваться как некий документ [15], процесс [10], прием юридической техники [1], но большинство авторов едино во мнении, что разработка верной концепции законопроекта является важным этапом в законотворчестве, оказывающим значительное влияние на качество будущего закона.

Недостаточно высокое качество принимаемых в последнее время законов, наличие в них пробелов и противоречий во многом обусловлены игнорированием этапа разработки концепции проекта закона. Как отмечают правоведы, «не секрет, что при анализе значительной части уже разработанных законопроектов не удается выявить ни новых прав и обязанностей, ни собственного предмета регулирования, ни оригинальных предписаний» [4, с. 387].

Именно для этого необходимы концепции законопроектов: в них заранее раскрываются и становятся доступными обществу основные параметры будущего закона, предпринимаются попытки сформулировать новеллы, показать специфику и оригинальность будущего акта, динамику прав и обязанностей субъектов соответствующих правоотношений. В связи с чем нами предпринята попытка разработать концепцию проекта федерального закона «О государственной охранной деятельности в РФ», наиболее важные положения которой будут изложены в данной статье.

Понятие и система государственной охранной деятельности

Проблематика реализации государственной охранной деятельности недостаточно изучена в юридической литературе. Более популярной темой исследования является правовое регулирование частной охранной деятельности, имеющей более четкие нормативно-правовые

основы [2; 8; 11; 16]. Государственная охрана характеризуется в основном через деятельность ее субъектов [3; 5; 7; 9; 12; 13]. При этом подобные исследования носят фрагментарный характер и достаточно быстро утрачивают актуальность ввиду высокой динамичности развития административного законодательства. Вследствие этого проведенное нами исследование в большей степени основано на анализе текстов нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие правоотношения, а также материалов правоприменительной практики.

Для начала необходимо определить понятие и сущность государственной охранной деятельности, состав субъектов, ее осуществляющих.

Как было сказано выше, в действующем законодательстве отсутствует определение понятия «государственная охранная деятельность». При этом длительное время в правовых актах и документах использовалось понятие «государственная охрана» в значении синонимичном рассматриваемому понятию — как совокупность всех государственных органов и организаций, осуществляющих охранную деятельность, однако позже из-за двойственного толкования государственной охраны, определение которой также имеется в Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (далее — Закон «О государственной охране»)¹, в законодательство были внесены изменения. Прежде всего они коснулись названия Перечня объектов, подлежащих государственной охране, замененного на «Перечень объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется»². В данный Перечень включены объекты, безопасность которых важна для государства, ввиду их особого статуса³, поэтому охрана таких объектов является прерогативой государственных охранных структур.

¹ О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Согласно ст. 1 данного закона гос. охрана — это деятельность по обеспечению безопасности объектов государственной охраны и защите охраняемых объектов, выполняемая в целях безопасного и беспрепятственного осуществления гос. власти в Российской Федерации и исполнения международных обязательств Российской Федерации, осуществляемая на основе совокупности правовых, организационных, охранных, режимных, оперативно-розыскных, технических, информационных и иных мер (дата обращения: 17.12.2020).

² Вопросы частной детективной (сыскальной) и частной охранной деятельности : постановление Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

³ Опр. Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 1863-О-О // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

Содержание Перечня и субъекты охраны при этом не изменились, вследствие чего путем построения цепочки логических заключений мы можем определить следующее: если на объекты не распространяется частная охранная деятельность, значит, распространяется государственная охранная деятельность (поскольку на рынке охранных услуг в РФ существуют частные и государственные структуры); ранее объекты назывались «подлежащими государственной охране», следовательно, государственная охрана и государственная охранная деятельность в данном случае имеют идентичное значение. В подобном значении «государственная охрана» и «объект, подлежащий государственной охране» фигурируют во многих документах и в настоящее время, несмотря на изменения законодательства¹. Но следует учесть, что такое значение понятие государственной охраны имеет в широком смысле, тогда как в Законе «О государственной охране», регулирующем деятельность Федеральной службы охраны РФ, оно употребляется в узком смысле.

Государственная охранная деятельность имеет принципиальные отличия от частной охранной деятельности. Последняя возникла в России относительно недавно — после распада СССР, тогда как многие субъекты государственной охраны были образованы в Советском Союзе еще в первой половине XX века. В связи с этим отсутствие закона о государственной охранной деятельности, имеющей многолетнюю историю функционирования, является значительным упущением.

Государственная охранная деятельность осуществляется специализированными субъектами, наделенными соответствующими полномочиями.

Характеризуя сферу охранных услуг в целом, обозначим существующие субъекты охраны, а также законы, регулирующие их деятельность:

1. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»):

— вневедомственная охрана (за исключением статей 5, 8 и 9 распространяется Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране», далее — Закон «О ведомственной охране»);

¹ См., например: Решение № 08-01-201 по жалобе ФГУП «Охрана» Росгвардии на действия аукционной комиссии Кемеровского областного суда // ФАС : База решений и правовых актов : [сайт]. — URL: <http://solutions.fas.gov.ru/to/novosibirskoe-ufas-rossii/08-01-201-c3599f67-2b70-4cb4-a1e1-d39187e3c62b> (дата обращения: 04.02.2021).

— специализированные подразделения по охране важных государственных объектов и специальных грузов (за исключением статей 5, 8 и 9 Закон «О ведомственной охране»);

— ФГУП «Охрана» Росгвардии (за исключением статей 5, 8 и 9 Закон «О ведомственной охране»).

2. Федеральная служба охраны РФ (Закон «О государственной охране»).

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации (Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»):

— подразделения полиции по охране дипломатических представительств.

4. Юридические лица с особыми уставными задачами. Предприятия и организации, на которые законодательством Российской Федерации возложены функции, связанные с использованием и применением служебного оружия, являются юридическими лицами с особыми уставными задачами (ст. 4 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»):

— частные охранные организации (Закон «О частной охранной деятельности»);

— ведомственная охрана (Закон «О ведомственной охране»), право на создание которой имеют:

а) федеральные органы исполнительной власти: МЧС России, Минобороны России (в составе воинских частей), Минтранс России, Минфин России, Росжелдор, Росрезерв; Минкультуры России и Минстрой России имеют право, но ведомственная охрана не создана. Ведомственная охрана Минпромторга России, Минцифры России, Минсельхоза России, Минэнерго России была присоединена к ФГУП «Охрана» Росгвардии в 2017–2020 гг.;

б) организации: ГК «Росатом», ГК «Ростех», ГК «Роскосмос», ПАО «Газпром», ПАО «Транснефть», ПАО «НК «Роснефть»; АК «Алроса».

5. Иные юридические лица с особыми уставными задачами (имеют право на получение оружия для охранной деятельности в соответствии со статьей 12 Закона «Об оружии» для выполнения обязанностей, закрепленных профильным федеральным законом): Центральный Банк России; Объединение «РОСИНКАС»; Сбербанк; ФГУП «Главный центр специальной связи»; ФГУП «Почта» России; МИД России; территориальные органы и организации Росгидромета; органы и учреждения, осуществляющие лесную охрану; подразделения транспортной безопасности, службы авиационной безопасности; органы охотничьего надзора; надзора за особо охраняемыми природными территориями; надзора за использованием объектов животного мира и среды их обитания; рыболовства и сохранения

водных биоресурсов; организации геолого-разведки (добычи и переработки) полезных ископаемых, драгметаллов и камней (распространяются отдельные статьи Закона «О ведомственной охране»).

Таким образом, на рынке охранных услуг Российской Федерации присутствует значительное количество субъектов охраны, деятельность которых регулируется, как правило, отдельными или профильными нормативными правовыми актами. Так, например, статья 86.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» устанавливает, что «Российским объединением инкассации осуществляются функции по перевозке (транспортированию) денежных средств и ценностей (в том числе по инкассации наличных денег), по обеспечению безопасности объектов Банка России, охране мест хранения денежных средств, ценностей и драгоценных металлов. На работников Российского объединения инкассации, осуществляющих указанные в части первой настоящей статьи функции, распространяются права и обязанности работников ведомственной охраны, предусмотренные статьями 6, 7, 11–18 и 20 Федерального закона от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ «О ведомственной охране»¹. Кроме указанного профильного закона, предметом которого являются отнюдь не правоотношения по оказанию охранных услуг, полномочия Объединения «РОСИНКАС» по охране объектов больше нигде не закреплены, и что вызывает больше всего вопросов — не находят они отражения даже в самом Законе «О ведомственной охране», статьи которого распространяются на работников данного юридического лица.

В развитие существующих федеральных законов постоянно принимаются законодательные и иные нормативные акты, совокупность которых характеризуется бессистемностью и хаотичностью правового регулирования, наличием многочисленных пробелов и противоречий.

При этом зачастую весьма сложно определить, относится тот или иной субъект к государственной или к частной охране, прежде всего это касается юридических лиц с особыми уставными задачами. Не вызывает сомнений принадлежность к государственной охране субъектов, перечисленных в первых трех пунктах, а также ведомственной охраны, существующей в виде государственных предприятий

или в составе воинских частей (Министерство обороны РФ). Однако нельзя сказать того же о ведомственной охране, создаваемой в виде частных охранных организаций, и юридических лицах с особыми уставными задачами, находящихся в частной собственности.

Современное состояние правового регулирования государственной охранной деятельности: основные проблемы

Если соотносить конкретные виды государственной охранной деятельности с существующими в данной сфере законами, то анализ деятельности ФСО России и регулирующего ее нормативного правового акта позволяет утверждать, что положения Закона «О государственной охране» достаточно четко устанавливают основы административно-правового статуса государственной охраны ФСО России, направлены на правовое регулирование деятельности только этого субъекта и не требуют каких-либо системных изменений. То же самое относится к подразделениям МВД России по охране дипломатических представительств, чья деятельность урегулирована Законом «О полиции».

По-иному обстоит дело с Законом «О ведомственной охране». Как следует из названия, данный нормативный правовой акт изначально определял правовое положение органов ведомственной охраны, однако позже его действие было распространено на вневедомственную охрану и ФГУП «Охрана», находящиеся в то время в сфере ведения МВД России. По замыслу законодателя такое решение носило временный характер, как это было указано в ст. 26 Закона «О ведомственной охране» — до принятия соответствующего закона, регулирующего деятельность вневедомственной охраны и образованного от нее предприятия. Тем не менее позже вневедомственная охрана и ФГУП «Охрана» были присоединены к Росгвардии, а в новой редакции Закона «О ведомственной охране» указано лишь, что его действие за исключением статей 5, 8 и 9 распространяется «на военизированные и сторожевые подразделения организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны». Из этого следует, что Закон «О ведомственной охране» в настоящее время

¹ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

регулирует деятельность всех, осуществляющих оказание охранных услуг подразделений и организаций Росгвардии: вневедомственной охраны, специализированных подразделений по охране важных государственных объектов и специальных грузов, ФГУП «Охрана».

Ряд исследователей, изучавших организационные и правовые проблемы обеспечения безопасности объектов силами вневедомственной охраны (И. А. Косицин, О. И. Маликова и др. [9; 14]), неоднократно высказывали мнение о необходимости создания отдельного федерального закона о вневедомственной охране. Однако за столько лет законодатель так и не решился разработать и принять такой нормативный правовой акт.

По нашему мнению, ситуация, когда один и тот же федеральный закон регулирует деятельность субъектов, относящихся к различным видам государственной охранной деятельности, обладающих различным правовым статусом, негативно сказывается на эффективности такого правового регулирования. Несомненно, многие положения Закона «О ведомственной охране» равным образом применимы как к ведомственной, так и к вневедомственной охране, тем не менее даже в самом названии закона четко отражено, какой именно вид охранной деятельности он регулирует.

С нашей точки зрения, передача вневедомственной охраны в ведение Росгвардии, повлекшая за собой процесс внесения изменений во многие нормативные акты, демонстрирует давно назревшую необходимость кардинального пересмотра законодательства как о вневедомственной охране, так и о государственной охране в целом.

Разработка ФЗ о вневедомственной охране в современных условиях уже не является достаточно востребованной, однако полагаем, что разработка и принятие Закона «О государственной охранной деятельности», в котором каждому из ее субъектов, в том числе вневедомственной охране, была бы уделена отдельная глава, позволит прояснить многие спорные моменты, касающиеся правового регулирования государственной охранной деятельности.

Помимо указанного системного недостатка в Законе «О ведомственной охране» имеется еще немало спорных положений, требующих корректировки.

Во-первых, в настоящее время правом создания ведомственной охраны обладают не только федеральные органы исполнительной власти, как это было изначально, но и организации вне зависимости от формы собственности.

Негосударственные организации, как правило, создают ведомственную охрану в форме частных охранных организаций. Деятельность частных охранных организаций (ЧОО) должна регулироваться Законом РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Однако если ЧОО получают статус ведомственной охраны, их деятельность начинает регулироваться Законом «О ведомственной охране», что вносит путаницу и неопределенность в правовое регулирование. При этом объекты, которые охраняют данные ЧОО, как правило, содержатся в Перечне объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется. Возникает логическое противоречие — ведь частные охранные организации и осуществляют частную охранную деятельность.

Данную проблему можно обозначить как размывание границ между частной охранной деятельностью и государственной. Она усугубляется тем, что изменениями в охранном законодательстве, осуществляемыми на протяжении последних нескольких лет, некоторые «юридические лица с особыми уставными задачами», существующие в форме негосударственных организаций и не обладающие статусом органов вневедомственной охраны, были наделены полномочиями сотрудников ведомственной охраны для более эффективного обеспечения охраны объектов.

Перечень данных юридических лиц не является постоянным и не закреплен в конкретном нормативном акте, в отличие от органов ведомственной охраны, что значительно усложняет контроль за их деятельностью. Практически любая организация, оказывающая охранные услуги, может быть наделена расширенными полномочиями в случае, например, заключения контракта на охрану железнодорожного вокзала. Это стало возможным вследствие введения следующих положений Федерального закона «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ¹:

— ст. 1: «подразделения транспортной безопасности — осуществляющие защиту объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства (в том числе на основании договора с субъектом транспортной инфраструктуры) подразделения ведомственной охраны федеральных органов исполнительной власти в области транспорта и (или) аккредитованные для этой цели в установленном порядке юридические лица»;

¹ О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

— п. 3 ст. 12.3: «работники подразделений транспортной безопасности после прохождения профессиональной подготовки и медицинского осмотра при выполнении должностных обязанностей имеют право на применение физической силы, специальных средств и служебного огнестрельного оружия в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ «О ведомственной охране».

Работники частных охранных организаций, занимающиеся обеспечением транспортной безопасности, фактически получают полномочия работников ведомственной охраны, которая является видом государственной охраны, что вносит дополнительную путаницу в правовое регулирование.

Кроме того, как уже говорилось выше, некоторые профильные нормативные правовые акты устанавливают, что ряд положений Закона «О ведомственной охране» распространяется на работников таких организаций, как Сбербанк, Объединение «РОСИНКАС» и др.

Можно резюмировать, что Закон «О ведомственной охране» регулирует полностью или в отдельных своих положениях деятельность большинства субъектов рынка охранных услуг в РФ. Причем, из его содержания следует лишь то, что данным законом урегулировано правовое положение ведомственной охраны и подразделений Росгвардии, занимающихся охраной объектов. О том, что отдельные статьи нормативного акта распространяются на другие субъекты охранной деятельности, в самом законе не упоминается. Очевидно, что подобное правовое регулирование не отличается корректностью или эффективностью и требует изменений, которые мы видим в замене Закона «О ведомственной охране» новым нормативным правовым актом — федеральным законом «О государственной охранной деятельности в РФ». В нем те государственные субъекты охранной деятельности, на которые распространяется действие положений Закона «О ведомственной охране», должны получить отдельное и полноценное регулирование их деятельности, четко определяющее административно-правовой статус каждого субъекта, существующие между ними сходства и различия.

Во-вторых, существенным недостатком Закона «О ведомственной охране» является наличие противоречивой нормы, различные толкования которой по-разному определяют полномочия ведомственной охраны по обеспечению безопасности объектов.

Согласно ст. 8 Закона «О ведомственной охране» ведомственная охрана осуществляет

защиту охраняемых объектов, являющихся государственной собственностью и (или) находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных государственных органов.

Также в указанной статье перечислены некоторые категории объектов, принадлежащих организациям, но их перечень является закрытым. Тем не менее законодатель добавил в статью норму, дающую понять, что ведомственная охрана может осуществляться и в отношении иных объектов: «защита охраняемых объектов иных форм собственности, находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных государственных органов, осуществляется в соответствии с заключенными договорами»¹. Данная норма может толковаться расширительно, что на практике вызывает наличие широкого спектра мнений касательно полномочий ведомственной охраны по охране объектов.

Ранее ФГУП «СВЯЗЬ-безопасность» (бывшая ведомственная охрана Минцифры России) считало возможным охранять любые объекты, в том числе негосударственной собственности, что было закреплено в уставе данной организации. На практике различные инстанции (УФАС, судебные органы) во многих случаях признавали право ФГУП «СВЯЗЬ-безопасность» охранять объекты за пределами его компетенции, причем трактовка полномочий предприятия также не являлась однозначной: в одних случаях признавалось его право охранять объекты как государственной, так и частной собственности (не находящиеся в ведении каких-либо органов власти), а также объекты, подлежащие государственной охране. В других случаях на основании еще одного варианта толкования ст. 8 Закона «О ведомственной охране» указывалось, что ведомственная охрана может осуществлять защиту любых объектов, являющихся государственной собственностью и (или) находящихся в сфере ведения соответствующих федеральных государственных органов (не только в компетенции Минцифры).

Росгвардия, осуществляющая функции регулятора в сфере ведомственной охраны с 2016 г., предпринимает попытки привести осуществление данного вида охраны в соответствие с законодательством. Однако возможность многозначного толкования правовых норм значительно затрудняет деятельность контрольно-надзорного ведомства, в силу того что многие субъекты имеют собственное понимание статуса ведомственной охраны. Так, судебные органы довольно часто принимают

¹ О ведомственной охране : Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

сторону Росгвардии: согласно позиции Верховного Суда РФ ФГУП «СВЯЗЬ-безопасность» имело право осуществлять охрану только тех объектов, которые находятся в сфере ведения Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти¹.

В то время как Федеральная антимонопольная служба полагает, что Росгвардия, указывая на отсутствие у ведомственной охраны права охранять объекты, которые находятся вне ведения создавшего ее органа власти, пытается ограничить конкуренцию в этой сфере, которую предприятия ведомственной охраны создают для ФГУП «Охрана» Росгвардии².

Позже данный конфликт был частично разрешен путем присоединения к Росгвардии ФГУП «СВЯЗЬ-безопасность», а также некоторых других предприятий ведомственной охраны — ФГУП «Ведомственная охрана» Минэнерго России, ФГУП «Ведомственная охрана Минсельхоза России». Тем не менее спорная правоприменительная практика продолжает сохраняться; теперь уже основным фигурантом дел выступает ведомственная охрана (УВО) Минтранса России. Так, по делу об охране Северного флотского военного суда после решения трех судов нижестоящих инстанций, не позволяющих охранять УВО Минтранса объекты, которые находятся вне сферы ведения этого министерства и подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти, Верховный Суд РФ в своем Определении постановил, что ведомственная охрана может охранять любую государственную собственность³.

Представляется, что для осуществления государственной охраны объектов приоритетное значение имеет не конкуренция между различными охранными структурами, а эффективность такой охраны, которая обусловлена, в частности, последовательностью

правового регулирования и четкостью в определении субъекта охраны. Конкуренция между государственными охранными структурами, по нашему мнению, неуместна в принципе, это свидетельствует о разобщенности действий различных органов власти, отсутствии единой политики в сфере государственной охраны.

На устранение рассматриваемого противоречия направлена законодательная инициатива Правительства РФ, которое внесло на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект № 1071485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О ведомственной охране“», которым предполагается уточнить категории охраняемых ведомственной охраной объектов, а также установить прямой запрет на охрану объектов, не включенных в утверждаемые в установленном порядке перечни охраняемых объектов⁴. В пояснительной записке к данному законопроекту отмечается, что «действующая редакция абзаца второго статьи 8 Федерального закона № 77-ФЗ порождает предпосылки к тому, что подразделения ведомственной охраны ряда федеральных государственных органов и организаций, в большинстве своем являющиеся коммерческими организациями, преследуя цели извлечения прибыли, принимают под защиту объекты, не относящиеся к сфере ведения соответствующего федерального государственного органа или организации»⁵. Безусловно, заключения создателей рассматриваемого проекта закона имеют под собой достаточные основания, однако, полагаем, что лишь одних точечных изменений Закона «О ведомственной охране» недостаточно для устранения всех существующих проблем правового регулирования государственной охранной деятельности.

Также немалое количество сложностей в правоприменительной практике связано с наличием у субъектов государственной охранной деятельности исключительного права охранять объекты, указанные в Перечне объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется (далее — Перечень), утвержденном постановлением Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности». При этом их компетенция по охране объектов четко не определена и зачастую сразу несколько

¹ Определение Верховного Суда РФ от 17 июля 2017 г. № 302-ЭС17-8484 по делу № А19-8214/2016 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17072017-n-302-es17-8484-po-delu-n-a19-82142016/>; Определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2017 г. № 304-КГ17-7041 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <http://sudact.ru/vsrif/doc/VjcyNL5e5tdb/> (дата обращения: 17.11.2020).

² По вопросу о заключении государственных контрактов на охрану зданий : письмо ФАС России от 13 октября 2017 г. № ИА/70852/17 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 11.12.2020).

³ Определение Судебной коллегии ВС РФ от 07 июня 2019 г. по делу № 56-1296/2018 // Картотека арбитражных дел : [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=A56-1296%2F2018> (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О ведомственной охране» : законопроект № 1071485-7 // Система обеспечения законодательной деятельности ФАС «Законотворчество» : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1071485-7> (дата обращения: 15.02.2021).

⁵ Там же.

субъектов государственной охранной деятельности могут претендовать на охрану того или иного объекта.

Заключение контрактов на оказание охранных услуг для государственных нужд происходит путем использования конкурсной системы закупок товаров и услуг, введенной Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее — Закон № 44-ФЗ). Исключение составляет охранная деятельность ФСО России, обеспечение которой является расходным обязательством РФ, а также деятельность иных субъектов государственной охраны, осуществляемая не по договорам.

В процессе закупки охранных услуг кроются свои сложности. Как отмечает специалист в сфере закупок, главный редактор журнала «ПРОГОСЗАКАЗ.РФ» О. Ю. Гурин, зачастую заказчик на этапе подготовки закупки «попросту не отдает себе отчета в том, что на занимаемые им объекты не распространяется частная охранная деятельность» [6, с. 70], приводя в качестве примера ряд судебных решений: постановление ФАС Поволжского округа от 18 мая 2015 г. по делу № А72-11245/2014, постановление ФАС Поволжского округа от 02 июля 2015 г. по делу № А49-10223/2014, постановление 8-го ААС от 21 января 2015 г. по делу № А81-1552/2014 и др.

Причиной этого служит то, что в вышеуказанном Перечне объекты в большинстве своем не конкретизированы, названы лишь в общей форме. Отнесение конкретного объекта к категории подлежащих государственной охране со стопроцентной вероятностью возможно лишь в случае, если объект включен в перечень объектов ведомственной или вневедомственной охраны [17]. Иначе сначала необходимо доказать, что объект относится к одной из категорий, указанных в Перечне, а затем требуется определение субъекта охраны, обладающего соответствующими полномочиями, с учетом существующих для него ограничений, которые сами субъекты охраны соблюдают далеко не всегда (как например, некоторые организации ведомственной охраны). В итоге возникает большое количество судебных споров о компетенции субъектов охранных услуг, в процессе которых суды нередко затрудняются прийти к единому решению¹.

¹ См., например: Постановление суда апелляционной инстанции по делу № А19-5396/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-4-arbitrazhnyj-apellyacionnyj-sud-s/judge-skazhutina-elena-nikolaevna-s/act-307385437/> (дата обращения: 15.01.2021).

Данный недостаток правового регулирования связан с отсутствием четких критериев отнесения объектов к подлежащим государственной охране и общей неоднозначностью обозначения объектов в Перечне объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется. Для определения того, какие объекты понимаются, например, под объектами по разработке и (или) производству средств защиты сведений, составляющих государственную тайну (п. 12 Перечня), или объектами по производству и хранению государственных наград, монет, денежных знаков и защищенной полиграфической продукции (п. 8 Перечня), требуется обращение к иным нормативным правовым актам, из содержания которых также не всегда можно точно определить значение искомых понятий.

Общая характеристика структуры и содержания законопроекта

Перечисленные недостатки правового регулирования носят системный характер, порождая большое количество связанных с ними проблем. Следовательно, для их решения необходимо комплексное совершенствование законодательства, которое должно начаться с разработки и принятия нормативного правового акта, регламентирующего деятельность всех государственных субъектов рынка охранных услуг. При этом каждому из субъектов должна быть посвящена отдельная глава закона, включающая в себя положения об особенностях организации, конкретной сфере деятельности, полномочиях по охране определенных объектов, которые должны быть четко разграничены между всеми субъектами государственной охраны. Объектам охраны следует уделить особое внимание, в том числе их соотношению с Перечнем объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется. Все объекты из указанного Перечня должны быть распределены между субъектами государственной охранной деятельности и указаны в соответствующих статьях об охраняемых объектах,

Полагаем, что оптимальным вариантом будет посвятить отдельные главы ведомственной охране; вневедомственной охране и специальным подразделениям по охране важных государственных объектов и специальных грузов войск национальной гвардии; юридическим лицам с особыми уставными задачами, среди которых особое положение занимает ФГУП «Охрана» Росгвардии, имеющее наиболее широкие полномочия. Следует отметить, что, поскольку проект закона носит название «О государственной охранной

деятельности», имеются в виду юридические лица, находящиеся в государственной собственности, или компании, у которых государство является основным акционером.

Деятельность частных охранных организаций должна регулироваться законом о частной охранной деятельности, а не профильными законами, не относящимися к охранному законодательству, но почему-то регулирующие отношения в этой сфере. По нашему мнению, неверным здесь является не только способ правового регулирования, представляется сомнительным и само содержание норм, наделяющих частных охранников правами и полномочиями сотрудников государственных служб. Данные структуры имеют многие отличия в их правовом статусе, основаниях деятельности (лицензии у ЧОО и нормативные правовые акты у субъектов государственной охраны), кадровом составе, ресурсной базе и уровне подготовки сотрудников. ЧОО нередко занижают цену контракта, чтобы выиграть его по системе закупок, что негативно сказывается на оснащенности и квалификации охранников и общем уровне защищенности объекта.

Кроме того, в системе конкурсных закупок товаров и услуг, несмотря на ее постоянное совершенствование, имеется немало возможностей для различного рода махинаций. Именно поэтому для всех важных объектов, входящих в Перечень объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется, должны быть четко определены субъекты охраны — не частные, а только государственные, в полном соответствии с названием данного Перечня. Следует исключить возможность определения субъекта охраны путем конкурсной системы и регламентировать для всех объектов, на которые частная охранная деятельность не распространяется, условия закупок охранных услуг у единственного подрядчика (исполнителя). Основания для заключения контракта без проведения конкурсных процедур для определения исполнителя указаны в ст. 93 Закона № 44-ФЗ¹. Возможность заключения контракта на оказание охранных услуг по данным основаниям существует и в настоящее время, однако она сопряжена с некоторыми трудностями, к тому же в силу общей неоднозначности охранного законодательства заказчики зачастую и не подозревают о наличии такой возможности.

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

Возвращаясь к законопроекту, также мы считаем, что нет необходимости включать в него главу, регламентирующую деятельность ФСО России. Данная структура обладает наибольшей спецификой среди всех субъектов государственной охранной деятельности, и отношения по осуществлению ведомством своих функций достаточно полно урегулированы действующим Законом «О государственной охране». Поэтому будет достаточно лишь внести небольшие изменения в указанный нормативный правовой акт, связанные с принятием закона «О государственной охранной деятельности», в частности, касающиеся разграничения понятия государственной охраны в широком и узком смысле.

В общих положениях разрабатываемого проекта закона следует дать определения ключевых понятий: государственная охранная деятельность, субъект государственной охранной деятельности (государственной охраны), ведомственная охрана, вневедомственная охрана, объект, подлежащий государственной охране.

Не углубляясь излишне в процесс составления определений, тем не менее сформулируем собственную дефиницию такого основополагающего понятия, как государственная охранная деятельность — это деятельность специально уполномоченных субъектов, осуществляемая в интересах государства с целью обеспечения состояния защищенности охраняемых объектов путем использования специальных правовых, организационных, технических и иных мер.

Также в общих положениях необходимо указать основные принципы и задачи государственной охранной деятельности.

В прочих главах закона должны быть закреплены общие для субъектов государственной охранной деятельности полномочия по применению оружия, силы и спецсредств; гарантии правовой и социальной защиты сотрудников; положения, регламентирующие особенности контроля за их деятельностью; отдельные статьи должны быть уделены ответственности работников и возможности обжалования их действий. Многие из указанных положений содержатся в Законе «О ведомственной охране», и, по нашему мнению, их вполне возможно перенести в новый закон с некоторыми корректировками. Исключение составляет контроль за деятельностью субъектов государственной охраны, который сегодня не является достаточно эффективным: при проведении проверок Росгвардия постоянно обнаруживает нарушения в деятельности юридических лиц с особыми уставными задачами. По итогам проверок выписываются

штрафы и предписания, которые проверяемые организации нередко оспаривают в суде, и ситуация остается практически без изменений.

В новом законе, по нашему мнению, необходимо закрепить основы контроля за деятельностью различных субъектов государственной охранной деятельности, которые могут иметь свою специфику для каждого субъекта. Конкретизировать механизм и порядок проведения контрольных мероприятий следует в приказах Росгвардии, разработанных с учетом последних изменений законодательства.

Идея, цель, предмет, последствия реализации проекта закона «О государственной охранной деятельности в РФ» и его место в системе действующего законодательства

Таким образом, *основной идеей* законопроекта «О государственной охранной деятельности в РФ» является установление системного и функционально полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении государственной охранной деятельности. В законе должны быть определены организационно-правовые основы создания и деятельности всех государственных субъектов охраны (за исключением ФСО России).

Целью законопроекта является обеспечение комплексной модернизации законодательства Российской Федерации в сфере государственной охранной деятельности.

Предметом правового регулирования являются общественные отношения, возникающие при осуществлении государственной охранной деятельности.

Также при разработке концепции проекта закона требуется определить его *место в системе действующего законодательства*.

Законопроект представляет собой проект нормативного правового акта, регламентирующего отношения в сфере государственной охранной деятельности и выполняющего роль системообразующего (базового) акта в данной сфере.

В соответствии с Классификатором правовых актов, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 511, проект закона «О государственной охранной деятельности в РФ» будет относиться к разделу «160.000.000 Безопасность и охрана правопорядка»¹. В связи с принятием

¹ О классификаторе правовых актов : Указ Президента РФ от 15.03.2000 г. № 511 (ред. от 28 июня 2005 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.12.2020).

законопроекта будут подлежать признанию утратившими силу Закон «О ведомственной охране», а также нормы федеральных законов, вносящие в него изменения.

Кроме того, для обеспечения связи и соподчиненности норм, сбалансированности системы законодательства в сфере охранных услуг с принятием проекта закона будут подлежать изменению отдельные нормативные правовые акты РФ, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере охранной деятельности:

— Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии»;

— Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»;

— профильные нормативные правовые акты: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи»; Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и др.

Принятие законопроекта позволит:

— разрешить многие правовые пробелы и противоречия в законодательстве о государственной охранной деятельности;

— разграничить функции соответствующих органов государственной власти и организаций по осуществлению охранных услуг;

— усилить контроль за деятельностью субъектов государственной охранной деятельности, в том числе контроль за оборотом используемого ими оружия;

— обеспечить формирование и проведение единой политики в сфере государственной охраны;

— привести осуществление государственной охранной деятельности в соответствии с современными социально-экономическими потребностями.

Заключение

В завершение следует отметить, что попытки совершенствования правового регулирования охранной деятельности предпринимаются со стороны различных структур, в том числе Росгвардии. Органом исполнительной власти разработана Концепция развития вневедомственной охраны на период 2018–2021 годов и далее до 2025 года (далее — Концепция), в которой в частности предлагается разработка единого (рамочного) закона, определяющего понятия, порядок и принципы организации и осуществления охранной

деятельности в Российской Федерации¹. Анализ содержания данной Концепции позволяет заключить, что в Росгвардии намерены объединить правовое регулирование всех осуществляемых данным органом власти или находящихся под его контролем видов охраны — ведомственной, вневедомственной, частной. При этом государственную охрану ФСО России, которая находится вне ведения Росгвардии, разработчики Концепции в свои планы не включили.

По нашему мнению, несмотря на наличие действительно актуальных замечаний относительно действующего законодательства, изложенная в Концепции идея создания нового закона направлена прежде всего на упрощение контроля Росгвардии за деятельностью различных субъектов охранной деятельности. Объединение в одном законе регулирования как государственной, так и частной охранной деятельности не будет эффективно в рамках существующей правовой системы. Государственная охранная деятельность имеет существенные отличия от частной, которые выражаются в многолетней истории функционирования, сложившихся принципах работы, расширенных полномочиях, особых задачах, наличии определенных важных объектов, подлежащих охране. Существует большое количество субъектов государственной охранной деятельности, обладающих различным административно-правовым статусом, и объединение нормативного регулирования их деятельности в одном законе и без того является весьма трудоемкой задачей.

Добавление положений о частных охранных структурах способно сделать закон излишне громоздким и запутанным, окончательно размыть границы между государственной

¹ Концепция развития вневедомственной охраны на период 2018–2021 годов и далее до 2025 года // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.02.2021).

и частной охраной, которые уже давно не являются достаточно четкими. Кроме того, действующее законодательство в одном нормативном акте регулирует осуществление как частной охранной, так и частной детективной деятельности, в связи с чем неясно, каким законом должна будет регулироваться в дальнейшем детективная деятельность при условии разработки и принятия общего закона об охранной деятельности в РФ, заменяющего существующие в данной сфере ФЗ.

Выше не раз указывалось, что рассмотренные нами основные проблемы правового регулирования государственной охранной деятельности носят системный характер. Соответственно, и решение данных проблем должно быть комплексным, изменения должны проводиться по большому количеству направлений. Одним из важнейших шагов на пути реформирования государственной охранной деятельности в России является разработка и принятие федерального закона о государственной охранной деятельности. Необходимость создания подобного нормативного правового акта назрела уже давно. Многочисленные недостатки современного охранного законодательства, порождающие проблемы как общего плана в виде неоднозначности понимания государственной охраны и подлежащих ей объектов, так и частного плана, например спор о полномочиях ведомственной охраны, требуют устранения.

При этом необходимо отметить, что многие аспекты правового регулирования государственной охранной деятельности требуют более детального изучения, а также обсуждения с участием всех заинтересованных сторон. Поэтому представленный вариант положений концепции законопроекта с нашей стороны является лишь попыткой обратить внимание на существующую проблему и побудить научное сообщество, субъектов законодательной инициативы начать поиск ее решения.

Список литературы

1. Баранов, В. М. Концепция законопроекта и ее роль в повышении эффективности принятия закона / В. М. Баранов // Оценка законов и эффективности их решения : материалы Международного семинара (Рязань, 16–17 декабря 2002 г.). — Москва : Издание Государственной Думы, 2003. С. 32–42.
2. Брагер, Д. К. Административно-правовая организация частной детективной и охранной деятельности : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Брагер Дмитрий Константинович. Хабаровск, 2002. — 23 с.
3. Воробьев, А. И. Организации и правовые основы деятельности подразделений вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации по обеспечению охраны имущества физических лиц : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Воробьев Андрей Иванович. — Псков, 2011. — 27 с.

4. Габов, А. В. Проект федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности / А. В. Габов, Н. В. Путило, О. В. Гутников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 38. — С. 385–399. — DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-385-399.
5. Горин, Е. В. Организация деятельности вневедомственной охраны в регионе : На материалах Московской области : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Горин Евгений Владимирович. — Москва, 2001. — 24 с.
6. Гурин, О. Ю. Закупки услуг по охране объектов, на которые не распространяется частная охранная деятельность / О. Ю. Гурин // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. — 2016. — № 5. — С. 52–79.
7. Дудин, Г. Е. Административно-правовая охрана собственности подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел МВД России : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Дудин Григорий Евгеньевич. — Москва, 2002. — 24 с.
8. Козлов, В. И. Административно-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Козлов Владимир Иванович. — Москва, 1999. 26 с.
9. Косицин, И. А. Правовые и организационные основы охраны особо важных объектов подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Косицин Игорь Алексеевич. — Омск, 2001. — 19 с.
10. Краснов, Ю. К. Законодательный процесс в Государственной Думе: пути совершенствования / Ю. К. Краснов. — Москва : Издание Государственной Думы, 2004. — 191 с.
11. Кузькин, В. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности частных охранных организаций в Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кузькин, Владимир Анатольевич. — Москва, 2011. — 24 с.
12. Леднев, В. А. Правовые и организационные основы деятельности вневедомственной охраны при органах внутренних дел по обеспечению имущественной безопасности : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Леднев Владимир Анатольевич. — Москва, 2002. — 26 с.
13. Максименко, А. В. Гражданско-правовое регулирование деятельности ОВД в сфере оказания услуг : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Максименко Александр Владимирович. — Санкт-Петербург, 2004. — 20 с.
14. Маликова, О. И. Административно-правовое регулирование охраны имущества в России : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Маликова Ольга Ивановна. — Москва, 2009. — 25 с.
15. Парамонов, А. Р. Законодательная техника : учебное пособие / А. Р. Парамонов ; под ред. Ф. Л. Шарова. — Москва : МИЭП, 2005. — 162 с.
16. Шаронов, С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Шаронов Сергей Александрович. — Волгоград, 2015. — 58 с.
17. Шкеля, О. В. Проблемы правового регулирования охраны объектов, подлежащих государственной охране / О. В. Шкеля // Общество и право. — 2018. — № 1 (63). — С. 80–86.

References

1. Baranov, V. M. Kontseptsiya zakonoproekta i ee rol v povyshenii effektivnosti prinyatiya zakona / V. M. Baranov // Otsenka zakonov i effektivnosti ikh resheniya : materialy Mezhdunarodnogo seminar (Ryazan, 16–17 dekabrya 2002 g.). — Moskva : Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, 2003. S. 32–42.
2. Brager, D. K. Administrativno-pravovaya organizatsiya chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatel'nosti : spetsialnost 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyy protsess» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Brager Dmitriy Konstantinovich. Khabarovsk, 2002. — 23 s.

3. Vorobev, A. I. Organizatsii i pravovye osnovy deyatel'nosti podrazdeleniy vnevedomstvennoy okhrany pri organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu okhrany imushchestva fizicheskikh lits : spetsialnost 12.00.11 «Sudebnaya deyatel'nost, prokurorskaya deyatel'nost, pravozashchitnaya i pravookhranitel'naya deyatel'nost» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Vorobev Andrey Ivanovich. — Pskov, 2011. — 27 s.
4. Gabov, A. V. Proekt federal'nogo zakona o nauke — novyy format pravovogo regulirovaniya nauchnoy i innovatsionnoy deyatel'nosti / A. V. Gabov, N. V. Putilo, O. V. Gutnikov // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2017. — Vyp. 38. — С. 385–399. — DOI 10.17072/1995-4190-2017-38-385-399.
5. Gorin, Ye. V. Organizatsiya deyatel'nosti vnevedomstvennoy okhrany v regione : Na materialakh Moskovskoy oblasti : spetsialnost 12.00.11 «Sudebnaya deyatel'nost, prokurorskaya deyatel'nost, pravozashchitnaya i pravookhranitel'naya deyatel'nost» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Gorin Yevgeniy Vladimirovich. — Moskva, 2001. — 24 s.
6. Gurin, O. Yu. Zakupki uslug po okhrane obektov, na kotorye ne rasprostranyaetsya chastnaya okhrannaya deyatel'nost / O. Yu. Gurin // PROGOSZAKAZ.RF. — 2016. — № 5. — S. 52–79.
7. Dudin, G. Ye. Administrativno-pravovaya okhrana sobstvennosti podrazdeleniyami vnevedomstvennoy okhrany pri organakh vnutrennikh del MVD Rossii : spetsialnost 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyy protsess» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Dudin Grigoriy Yevgenevich. — Moskva, 2002. — 24 s.
8. Kozlov, V. I. Administrativno-pravovoe regulirovanie chastnoy detektivnoy i okhrannoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii : spetsialnost 12.00.02 «Konstitutsionnoe pravo; konstitutsionnyy sudebnyy protsess; munitsipalnoe pravo» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Kozlov Vladimir Ivanovich. — Moskva, 1999. 26 s.
9. Kositsin, I. A. Pravovye i organizatsionnye osnovy okhrany osobo vazhnykh obektov podrazdeleniyami vnevedomstvennoy okhrany pri organakh vnutrennikh del : spetsialnost 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyy protsess» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Kositsin Igor Alekseevich. — Omsk, 2001. — 19 s.
10. Krasnov, Yu. K. Zakonodatel'nyy protsess v Gosudarstvennoy Dume: puti sovershenstvovaniya / Yu. K. Krasnov. — Moskva : Izdanie Gosudarstvennoy Dumy, 2004. — 191 s.
11. Kuzkin, V. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti chastnykh okhrannykh organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii : spetsialnost 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatelskoe pravo; semeynoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Kuzkin, Vladimir Anatolevich. — Moskva, 2011. — 24 s.
12. Lednev, V. A. Pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti vnevedomstvennoy okhrany pri organakh vnutrennikh del po obespecheniyu imushchestvennoy bezopasnosti : spetsialnost 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyy protsess» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Lednev Vladimir Anatolevich. — Moskva, 2002. — 26 s.
13. Maksimenko, A. V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti OVD v sfere okazaniya uslug : spetsialnost 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatelskoe pravo; semeynoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Maksimenko Aleksandr Vladimirovich. — Sankt-Peterburg, 2004. — 20 s.
14. Malikova, O. I. Administrativno-pravovoe regulirovanie okhrany imushchestva v Rossii : spetsialnost 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyy protsess» avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Malikova Olga Ivanovna. — Moskva, 2009. — 25 s.
15. Paramonov, A. R. Zakonodatel'naya tekhnika : uchebnoe posobie / A. R. Paramonov ; pod red. F. L. Sharova. — Moskva : MIEP, 2005. — 162 s.
16. Sharonov, S. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie okhrannoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii : spetsialnost 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatelskoe pravo; semeynoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / Sharonov Sergey Aleksandrovich. — Volgograd, 2015. — 58 s.
17. Shkelya, O. V. Problemy pravovogo regulirovaniya okhrany obektov, podlezhashchikh gosudarstvennoy okhrane / O. V. Shkelya // Obshchestvo i pravo. — 2018. — № 1 (63). — S. 80–86.

Дата поступления статьи: 04.03.2021.

ИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ВЫДВОРЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Майорова Е. Н.

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: major.a@mail.ru.

Аннотация. В период пандемии COVID-19 правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, находившихся в специализированных учреждениях и подвергнутых административному наказанию в форме принудительного выдворения за пределы территории Российской Федерации оказалось не урегулированным. Отсутствие установленных сроков, связанных с закрытием государственных границ, привело к необходимости пересмотра назначенных дополнительных наказаний, связанных с выдворением за пределы территории Российской Федерации.

Анализируя изменения законодательства на период введения ограничительных мер, автор приходит к выводу о том, что существующая в практике проблема, связанная с определением срока нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства в специализированных учреждениях на момент введения ограничений не была решена законодателем. Изучение правоприменительной практики позволило выявить сложившиеся подходы к разрешению ситуации по исполнению постановления о принудительном выдворении иностранных граждан за пределы территории Российской Федерации.

Автором был проведен анализ изменения миграционного законодательства в новых сложившихся условиях по отношению к иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые находились на территории Российской Федерации и были выявлены после введения ограничительных мер.

Ключевые слова: административное наказание, административное выдворение, исполнение постановления, пандемия, административная ответственность в период пандемии, миграционное законодательство.

Для цитирования: Майорова, Е. Н. Исполнение постановления о принудительном выдворении иностранных граждан в условия пандемии COVID-19 / Е. Н. Майорова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 33–40.

ENFORCEMENT OF THE ORDER ON THE FORCED EXPULSION OF FOREIGN NATIONALS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Ye. N. Mayorova

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: major.a@mail.ru.

Abstract. During the COVID-19 pandemic the legal status of foreign nationals and stateless persons who were in specialized institutions and subjected to administrative punishment in the form of forced expulsion from the territory of the Russian Federation was not regulated. The lack of established time limits related to the closure of state borders has led to the need to review the imposed additional penalties related to expulsion from the territory of the Russian Federation.

Analyzing legislative changes during the period when restrictive measures were introduced, the author concludes that the existing problem in practice associated with determining the period of stay of foreign nationals and stateless persons in specialized institutions at the time of the introduction of restrictions has not been resolved by the legislator. The study of law enforcement practice has revealed the current approaches to resolving the situation regarding the execution of decisions on the forcible deportation of foreign nationals from the territory of the Russian Federation.

The author analyzed changes in migration legislation in the new prevailing conditions in relation to foreign nationals and stateless persons who were in the territory of the Russian Federation and were identified after the introduction of restrictive measures.

Keywords: administrative punishment, administrative expulsion, enforcement, pandemic, administrative responsibility during the pandemic, migration legislation.

For citation: Mayorova, Ye. N. Enforcement of the Order on the Forced Expulsion of Foreign Nationals in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 33–40. (In Russ.)

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году затронула практически все сферы общественных отношений спровоцировав новые проблемы. Столкнувшись с новыми реалиями много сферы оказались к ним фактически не готовыми, при этом требовались быстрые и взвешенные решения для устранения возникших проблем. Казавшееся еще недавно относительно четко урегулированное миграционное законодательство также столкнулось с рядом сложностей его применения.

Проблемам правового регулирования миграционного законодательства, в том числе в части применения административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства посвящено достаточно много исследований. Учеными и исследователями были подняты проблемы в сфере: конституционных правоотношений, связанных с ограничением прав и свобод человека и гражданина; международных отношений, а также административного законодательства, его применения в условиях соблюдения особого режима [1; 2; 4; 5; 7; 9; 16; 18]. Без внимания не остались и сложности, возникшие в миграционном законодательстве [6; 8; 17]. Однако на наш взгляд не все вопросы правоприменительной практики были решены в указанных исследованиях. Анализируя нормативную правовую базу и правоприменительную практику по вопросам выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году мы выявили ряд проблем, которым и посвящено данное исследование.

Описание исследования

В конце марта 2020 года практически все страны мира закрыли свои государственные границы. В связи с объявленной Всемирной организацией здравоохранения пандемией новой коронавирусной инфекции и ускорением темпов ее распространения в 170 странах мира, включая Российскую Федерацию, а также введением отдельными государствами режима

чрезвычайной ситуации и запрета международного авиасообщения Поручением Правительства РФ от 26.03.2020¹ в Российской Федерации также были введены ограничения.

Распоряжением Правительства РФ от 16.03.2020 № 635-р² был временно ограничен въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе прибывающих с территории Республики Белоруссия, а также граждан Республики Белоруссия. При этом, был установлен исчерпывающий перечень иностранных граждан по отношению к которым указанное распоряжение не применялось. Вместе с тем нарастание угрозы предопределило более кардинальные решения, связанные с закрытием государственной границы.

В связи со сложившейся ситуацией Правительством Российской Федерации были приняты ряд постановлений и распоряжений, направленных на ограничение выезда за пределы Российской Федерации. Так, Росавиации было предписано обеспечить прекращение с 00 ч. 00 мин. 27 марта 2020 года регулярного и чартерного авиасообщения, осуществляемого из российских аэропортов в аэропорты иностранных государств и в обратном направлении, за исключением полетов, связанных с вывозом российских граждан на территорию Российской Федерации из иностранных государств в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (в соответствии со списками граждан, сформированными МИД России), а также полетов, осуществляемых по отдельным решениям Правительства

¹ О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве РФ по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : поручение Правительства РФ от 26.03.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348489/ (дата обращения: 12.01.2021).

² О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений : распоряжение Правительства РФ от 16.03.2020 № 635-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347693/ (дата обращения: 12.01.2021).

Российской Федерации¹. Той же датой Минтранс России совместно с ФСБ России, ФТС России и Роспотребнадзором с 00 часов 00 минут по московскому времени 30 марта 2020 г. указано «временно ограничить движение через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы»².

Постановка проблемы

Введённые ограничения поставили под вопрос возможности исполнения вступавших в силу постановлений, которыми иностранному гражданину назначено наказание в виде выдворения за пределы Российской Федерации, а так же исполнение постановлений о самостоятельном контролируемом выезде за пределы Российской Федерации.

В рассматриваемой ситуации обострилась проблема, которая уже давно и не раз обсуждалась как учеными-административистами, так и практиками — продолжительность содержания иностранного гражданина или лица без гражданства в специальном учреждении [6; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Поскольку действующее нормы ч. 5 ст. 3.10 и ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ³ не определяют, на какой срок выдворяемое лицо может быть помещено в специальное учреждение и может ли указанный срок быть продлен, помещение в специальные учреждения выдворяемых лиц является бессрочной мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В соответствии с ч. 1 ст. 27.19 КоАП РФ⁴ применение указанной меры продолжается до принудительного выдворения за пределы Российской Федерации.

¹ О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : поручение Правительства РФ от 26.03.2020 г.

² О временном ограничении движения через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы : распоряжение Правительства РФ от 27.03.2020 № 763-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748/ (дата обращения: 12.01.2021).

³ Кодекс РФ об административных правонарушениях : КоАП : от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.01.2021).

⁴ Там же.

Еще в 2017 году в постановлении от 23.05.2017 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе»⁵ Конституционный Суд РФ признал положения статей 31.7 и 31.9 КоАП РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 18, 22, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 62 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не позволяют разрешить в судебном порядке вопрос о правомерности дальнейшего содержания лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁶, при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии на момент рассмотрения данного вопроса фактической возможности исполнения постановления об административном выдворении этого лица за пределы Российской Федерации.

А также указал, что «федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — незамедлительно внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях изменения, направленные на обеспечение эффективного судебного контроля за сроками содержания подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации лиц без гражданства в специальных учреждениях, предусмотренных Федеральным законом „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“»⁷.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе : пост. Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217172/ (дата обращения: 12.01.2021).

⁶ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция). // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 12.01.2021).

⁷ По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе : пост. Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П.

Однако указанные изменения были внесены только Федеральным законом от 24.02.2021 № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства»¹, который вступит в законную силу 24.08.2021 года.

При этом правоприменители самостоятельно формировали подход к разрешению рассматриваемой ситуации. Так, Т. Е. Гурулева, анализируя вопросы судебного контроля за лишением права на свободу и личную неприкосновенность при рассмотрении судами дел в сфере миграции, изложила практику судов Тамбовской области выразившейся в «конкретизации в постановлении об административном выдворении с содержанием в специальном учреждении конкретного срока такого содержания». При необходимости продления этого срока судья по заявлению государственного органа или должностного лица, осуществляющего исполнение постановления об административном выдворении, исследовав действия данного органа по исполнению постановления, наличие объективных причин, препятствующих такому исполнению, продлевал сроки содержания иностранного гражданина или лица без гражданства в специальном учреждении либо отказывал в таком продлении [3, с. 58]. Указанный подход в условиях отсутствия изменения законодательства по данной проблеме, представляется целесообразным.

В сложившихся условиях пандемии, к которым оказались не подготовленными ни законодательство, ни государственные органы, с учетом закрытия границ требовалось принятие решений в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства в специальном учреждении.

Так, например, на период марта 2020 года только в Челябинской области в специальных учреждениях для иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации, находилось более 100 человек.

Возникшая ситуация, не позволяющая однозначно определить период, на который введены ограничительные мероприятия, предопределила необходимость принятия быстрых

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства : Федер. закон от 24.02.2021 № 22-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377632/ (дата обращения: 18.01.2021).

и объективных решений в отношении указанных лиц.

Конституционный Суд РФ указал, что «из ст. 22 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ч. 2 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ вытекает, что задержание иностранного гражданина или лица без гражданства на срок, необходимый для выдворения за пределы Российской Федерации, не должно восприниматься как основание для задержания на неопределенный срок даже тогда, когда решение вопроса о выдворении этого лица может затянуться вследствие того, что ни одно государство не соглашается его принять; в противном случае задержание как необходимая мера по обеспечению исполнения постановления об административном выдворении превращалось бы в самостоятельный вид наказания, не предусмотренный законодательством Российской Федерации и противоречащий ее Конституции»².

Решение проблемы

С учетом вышеизложенного постановления, а так же подхода, изложенного в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П³ судами Челябинской области, сложившейся ситуация была разрешена, путем вынесения решений, которыми постановления по делам об административных правонарушениях были изменены, путем исключения назначенного дополнительного административного наказания в виде выдворения за пределы Российской Федерации.

Принятие соответствующих решений был направлено на защиту прав свобод и личную неприкосновенность лиц помещённых в специальное учреждение иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации.

Указанный подход согласуется с позицией изложенной Европейским судом по правам

² По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура : пост. Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17936/ (дата обращения: 18.01.2021).

³ По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон „О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях“» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко : пост. Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/ (дата обращения: 18.01.2021).

человека в Постановлении от 18 апреля 2013 г. по делу «Азимов (Azimov) против России», даже если помещение в специальное учреждение осуществляется на основании судебного решения и преследует законную цель — принудительное выдворение иностранца или апатрида, продолжительность содержания в таком учреждении не должна превышать обоснованно необходимую для достижения преследуемой цели; назначение судом данной меры, ограничивающей свободу выдворяемого лица, без указания на конкретные сроки ее применения в совокупности с невозможностью пересмотра вопроса о правомерности содержания в специальном учреждении влекут непредсказуемое по времени, вплоть до истечения срока исполнения решения об административном выдворении, ограничение права на свободу и личную неприкосновенность; это, в свою очередь, придает содержанию в специальном учреждении карательный характер, неоправданно превращая его с точки зрения тяжести в гораздо более серьезную, чем наказание, целями исполнения которого она обусловлена, меру принуждения; при этом особенно уязвимо положение лиц без гражданства, которые для защиты своих прав и свобод не могут воспользоваться консульской помощью, обычно предоставляемой иностранцам дипломатическим персоналом страны гражданства; к тому же неясно, что по истечении двухлетнего срока произойдет с выдворяемым лицом, которое, согласно миграционному законодательству, безусловно, останется нелегалом и вновь будет подлежать высылке, а следовательно, и содержанию под стражей¹.

На федеральном уровне 18 апреля 2020 года в целях урегулирования правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, предупреждения дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), был принят Указ Президента РФ № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»².

¹ Пост. ЕСПЧ от 18 апреля 2013 г. по делу «Азимов (Azimov) против России» (жалоба № 67474/11) // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 3; Пост. ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Ким (Kim) против России» (жалоба № 44260/13) // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 2; Пост. ЕСПЧ от 26 февраля 2015 г. по делу «Халиков (Khalikov) против России» (жалоба № 66373/13) // Прецеденты ЕСПЧ. 2015. № 7. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/precedentnaya-praktika-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 18.02.2021).

² О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего

Согласно подп. «в» п. 1 Указа были урегулированы сроки добровольного выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации, путём их приостановления на период с 15 марта по 15 сентября 2020 года включительно.

Вместе с тем, вопрос об исполнении постановлений, которыми иностранному гражданину назначено наказание в виде выдворения за пределы Российской Федерации в форме принудительного и контролируемого перемещения, так и остался не урегулирован. Не получил он отражение и в изменениях, принятых Указом Президента РФ от 23 сентября 2020 года № 580 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»³.

Таким образом, законодатель оставил правоприменителю право урегулировать правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в рассматриваемый период в специальных учреждениях.

Так, например, решением судьи Московского городского суда от 20.04.2020 по делу № 7-4755/2020 «постановление судьи Коптевского районного суда г. Москвы от 18 марта 2020 года по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ, в отношении Ю. было изменено, из него исключено указание о назначении Ю. административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации. Ю. был освобожден из Центра временного содержания иностранных граждан ГУ МВД России по г. Москве»⁴.

распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 18.04.2020 № 274 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638/ (дата обращения: 18.02.2021).

³ О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»: Указ Президента Российской Федерации от 23.09.2020 г. № 580 // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45886> (дата обращения: 18.02.2021).

⁴ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-moskovskii-gorodskoi-sud-gorod-moskva/> (дата обращения: 18.02.2021).

Аналогичный подход изложен и в решениях судов других субъектов Российской Федерации.

Весьма интересным представляется подход, изложенный в Указе Президента РФ № 274 согласно которому «назначение административного наказания в виде выдворения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, в период с 15 марта по 15 сентября 2020 года включительно не принимаются». Из которого вытекает, что «даже по отношению к тем иностранным гражданам и лицам без гражданства, которые на момент введения ограничительных мероприятий нарушили положения миграционного законодательства, не могло быть применено административное наказание в виде выдворения за пределы Российской Федерации»¹. Фактически полгода при выявлении таких лиц им назначалось только основное административное наказание в виде административного штрафа.

Более взвешенный подход к урегулированию рассматриваемого вопроса мы видим в Указе Президента РФ от 23 сентября 2020 года № 580. В соответствии с подп. «б» п. 2 данного Указа «в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства не принимаются решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации»², тем самым у правоприменителя появилась возможность привлечения административной ответственности и назначения наказания в виде самостоятельного контролируемого выезда за пределы Российской Федерации. При этом был определен перечень иностранных граждан и лиц без гражданства, по отношению к которым как следует из прямого толкования указанной нормы, может быть применено и принудительное выдворение. К числу указанных лиц были отнесены лица, освобожденные из мест лишения свободы, или нарушившие законодательство о государственной границе Российской Федерации, или создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в том числе

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ от 18.04.2020 № 274.

² О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274. Указ Президента Российской Федерации от 23.09.2020 г. № 580.

выступающие за насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, или оказывающие содействие в совершении террористических (экстремистских) актов либо совершающие их, а равно иными действиями поддерживающие террористическую (экстремистскую) деятельность».

Заключение и выводы

Таким образом, на сегодняшний день, с учетом действующих ограничений, суды могут назначить административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства в форме контролируемого самостоятельного выезда иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации.

При этом необходимо учитывать, что в соответствии с подп. «в» ст. 2 Указа Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»³ в период с 15 марта по 15 декабря 2020 года включительно приостановлено течение сроков добровольного выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному можно отметить, что столкнувшись с новыми реалиями административное законодательство смогло трансформироваться, учесть возникшие пробелы и принять незамедлительные меры к их разрешению.

Вместе с тем, некоторые проблемы, которые были выявлены, в том числе учеными-административистами ранее, относительно сроков нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства в специализированных учреждениях остались открытыми, и более того потребовали принятия неординарных решений, в данном случае правоприменителями.

³ О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ от 18.04.2020 № 274.

Список литературы

1. Варламова, Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 6 (139). — С. 17–30.
2. Громько, А. А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13, № 5. — С. 6–19.
3. Гурулева, Т. Е. Вопросы судебного контроля за лишением права на свободу и личную неприкосновенность при рассмотрении судами дел в сфере миграции // Судья. — 2019. — № 10. — С. 56–61.
4. Дзидзоев, Р. М. Пандемия и вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Современное право. — 2020. — № 11. — С. 25–30.
5. Дорошенко, Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15, № 12. — С. 48–56.
6. Концевой, А. В. Вопросы совершенствования производства по делам о временном размещении иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащего реадмисии, в специальном учреждении по Проекту № 246960-6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Новый взгляд. Международный научный вестник. — 2014. — № 4. — С. 263–271.
7. Краева, Н. В. Изменения в административном российском законодательстве в период новой коронавирусной инфекции // Теория и практика общественного развития. — 2020. — № 12 (154). — С. 79–82.
8. Кренц, С. В. Административная ответственность незаконных мигрантов // Эпомен. — 2020. — № 35. — С. 148–154.
9. Лунгу, Е. В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям // Правоприменение. — 2020. — Т. 4, № 3. — С. 69–75.
10. Майорова, Е. Н. К вопросу об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства // Правопорядок: история, теория, практика. — 2015. — № 4 (7). — С. 51–55.
11. Майорова, Е. Н. Порядок рассмотрения судом дел об административных правонарушениях // Правопорядок: история, теория, практика. — 2014. — № 1 (2). — С. 11–13.
12. Майорова, Е. Н. Соблюдение права на уважение семейной жизни при назначении административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. — 2020. — № 1 (24). — С. 51–56.
13. Морозов, В. А. Материально-правовая характеристика административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 5. — С. 202–206.
14. Рыжакова, Ю. Н. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или апатрида. Пробелы в законодательстве и пути их решения // Государственная служба и кадры. — 2018. — № 4. — С. 236–237.
15. Стребков, В. Н. Совершенствование административной ответственности за нарушение законодательства в сфере трудовой миграции // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. — 2018. — № 4. — С. 66–70.
16. Цветков, А. В. О правовом закреплении отдельных мер административного характера в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в период введения ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации / А. В. Цветков, И. П. Чувальская // Актуальные проблемы административного права и процесса. — 2020. — № 3. — С. 19–22.
17. Чирков, Д. К. Актуальные проблемы правового положения трудящихся-мигрантов и беженцев в Российской Федерации / Д. К. Чирков, В. Д. Чирков // Миграционное право. — 2020. — № 3. — С. 16–20.
18. Юсупов, В. А. Административное законодательство России в период пандемии COVID-19 // Вестник Евразийской академии административных наук. — 2020. — № 3 (52). — С. 10–14.

References

1. Varlamova, N. V. Pandemiya COVID-19 kak vyzov konstitutsionnomu pravoporyadku // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2020. — № 6 (139). — S. 17–30.
2. Gromyko, A. A. Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy // Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. — 2020. — T. 13, № 5. — S. 6–19.
3. Guruleva, T. Ye. Voprosy sudebnogo kontrolya za lisheniem prava na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost pri rassmotrenii sudami del v sfere migratsii // Sudya. — 2019. — № 10. — S. 56–61.

4. Dzidzoev, R. M. Pandemiya i voprosy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii // *Sovremennoe pravo*. — 2020. — № 11. — S. 25–30.
5. Doroshenko, Ye. N. Konstitutsionno-pravovye osnovy ogranicheniya prav cheloveka v svyazi s pandemiy novoy koronavirusnoy infektsii // *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. — 2020. — T. 15, № 12. — S. 48–56.
6. Kontsevoy, A. V. Voprosy sovershenstvovaniya proizvodstva po delam o vremennom razmeshchenii inostrannogo grazhdanina ili litsa bez grazhdanstva, podlezhashchego readmisii, v spetsialnom uchrezhdenii po Proektu № 246960-6 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii // *Novyy vzglyad. Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik*. — 2014. — № 4. — S. 263–271.
7. Kraeva, N. V. Izmeneniya v administrativnom rossiyskom zakonodatelstve v period novoy koronavirusnoy infektsii // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. — 2020. — № 12 (154). — S. 79–82.
8. Krents, S. V. Administrativnaya otvetstvennost nezakonnykh migrantov // *Epomen*. — 2020. — № 35. — S. 148–154.
9. Lungu, Ye. V. Pandemiya COVID-19. Novyy vyzov konstitutsionnym pravootnosheniyam // *Pravoprimenenie*. — 2020. — T. 4, № 3. — S. 69–75.
10. Mayorova, Ye. N. K voprosu ob administrativnom vydvorenii inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. — 2015. — № 4 (7). — S. 51–55.
11. Mayorova, Ye. N. Poryadok rassmotreniya sudom del ob administrativnykh pravonarusheniyakh // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. — 2014. — № 1 (2). — S. 11–13.
12. Mayorova, Ye. N. Soblyudenie prava na uvazhenie semeynoy zhizni pri naznachanii administrativnogo vydvoreniya inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva za predely Rossiyskoy Federatsii // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. — 2020. — № 1 (24). — S. 51–56.
13. Morozov, V. A. Materialno-pravovaya kharakteristika administrativno-pravovogo statusa inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva, sodержashchikhsya v spetsialnykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. — 2020. — № 5. — S. 202–206.
14. Ryzhakova, Yu. N. Administrativnoe vydvorenie za predely Rossiyskoy Federatsii inostrannogo grazhdanina ili apatrida. Probely v zakonodatelstve i puti ikh resheniya // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. — 2018. — № 4. — S. 236–237.
15. Strebkov, V. N. Sovershenstvovanie administrativnoy otvetstvennosti za narushenie zakonodatelstva v sfere trudovoy migratsii // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. I. D. Putilina*. — 2018. — № 4. — S. 66–70.
16. Tsvetkov, A. V. O pravovom zakreplenii otdelnykh mer administrativnogo kharaktera v otnoshenii inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v period vvedeniya ogranicheniy, svyazannykh s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii COVID-19 v Rossiyskoy Federatsii / A. V. Tsvetkov, I. P. Chuvalskaya // *Aktualnye problemy administrativnogo prava i protsessa*. — 2020. — № 3. — S. 19–22.
17. Chirkov, D. K. Aktualnye problemy pravovogo polozheniya trudyashchikhsya-migrantov i bezhentsev v Rossiyskoy Federatsii / D. K. Chirkov, V. D. Chirkov // *Migratsionnoe pravo*. — 2020. — № 3. — S. 16–20.
18. Yusupov, V. A. Administrativnoe zakonodatelstvo Rossii v period pandemii COVID-19 // *Vestnik Yevraziyskoy akademii administrativnykh nauk*. — 2020. — № 3 (52). — S. 10–14.

Дата поступления статьи: 20.03.2021.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ

Суверов С. Е.

*Омская академия МВД России
г. Омск, Российская Федерация
E-mail: s.suverovse95@mail.ru.*

Аннотация. Уголовная политика государства определяется множеством разнообразных факторов, зависящих от потребностей социума на определенном этапе своего развития. Включение в уголовно-правовой инструментарий мер, применяемых взамен назначения лицу, совершившему преступление, наказания, было обосновано и в настоящее время они подлежат дальнейшему развитию, правовой корректировке. Среди данных мер в отечественном законодательстве особое внимание привлекает ст. 76 УК РФ, направленная на первостепенный учет потребностей потерпевшего лица. Между тем, исторический экскурс в отечественную уголовно-исполнительную систему, а также изучение состояния современного зарубежного тюремоведения демонстрируют, что все большую популярность набирают использование труда лиц, отбывающих наказания, и развитие частных тюрем, поскольку подобных механизмов экономически выгоден для государств и частных компаний. Тем не менее, видится, что, несмотря на определенные положительные аспекты от использования труда осужденных, они не смогут в полной мере заменить программы обозначенные меры.

Ключевые слова: частные тюрьмы, примирение с потерпевшим, использование труда, самокупаемость, освобождение от уголовной ответственности, отбывание наказания, уголовная политика.

Для цитирования: Суверов, С. Е. Взаимовлияние практики использования труда лиц, отбывающих наказание, и уголовно-правового института примирения / С. Е. Суверов // Правовый порядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 41–46.

INTERACTION OF THE PRACTICE OF USING THE LABOR OF PERSONS SERVING PUNISHMENT AND THE CRIMINAL LEGAL INSTITUTE OF RECONCILIATION

S. Ye. Suverov

*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation
E-mail: s.suverovse95@mail.ru.*

Abstract. The criminal policy of the state is determined by a variety of factors that depend on the needs of society at a certain stage of its development. The inclusion in the criminal legal toolkit of measures used instead of imposing punishment on the person who committed a crime was justified and at present they are subject to further development and legal adjustment. Among these measures in domestic legislation, particular attention is drawn to Art. 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at the primary consideration of the needs of the victim. Meanwhile, a historical excursion into the domestic penal system, as well as a study of the state of modern foreign prison science, demonstrate that the use of the labor of persons serving sentences and the development of private prisons are gaining popularity, since such a mechanism is economically beneficial for states and private companies. Nevertheless, it seems that, despite certain positive aspects from the use of prison labor, they will not be able to fully replace the program of the indicated measures.

Keywords: private prisons, reconciliation with the victim, use of labor, self-sufficiency, exemption from criminal liability, serving sentences, criminal policy.

For citation: Suverov, S. Ye. Interaction of the Practice of Using the Labor of Persons Serving Punishment and the Criminal Legal Institute of Reconciliation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 41–46. (In Russ.)

Введение

Происходящие изменения в различных сферах жизни общества непосредственным образом действуют на уголовное законодательство, что приводит к переосмыслению и трансформации ранее незыблемых правовых институтов. Так, обозначенный тезис может быть отнесен как к отказу от основополагающего принципа уголовного права — неотвратимости наказания, который в последующем был заменен неотвратимостью уголовной ответственности и неотвратимостью мер уголовно-правового принуждения соответственно, так и к пересмотру такого фундаментального института как наказание, поскольку последний стал неспособен в полной мере отвечать потребностям своего времени, что привело к развитию иных форм реагирования, альтернативных традиционному порядку судопроизводства (вместо осуждения, назначения лицу наказания и отбытия лицом наказания). Среди обозначенной концепции особо выделяются те меры, которые касаются учета потребностей потерпевшего от преступления лица, возможности восстановления нарушенных деянием общественных отношений. Как правило, исследователи включают их в программу «восстановительного правосудия» [9, с. 101].

Одной из ключевых норм, входящих в систему обозначенных альтернативных мер, отечественного уголовного закона является примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ), однако при ее реализации главным образом учитываются интересы персонифицированного лица (потерпевшего), поскольку это является необходимым требованием для применения нормы (факт состоявшегося примирения с потерпевшим, заглаживание причиненного ему вреда). В тоже время, несмотря на допущение определенных частных начал, уголовная сфера, прежде всего, является публичной, что предопределяет учет потребностей социума, государства в применении конкретных мер реагирования на совершение виновным преступления.

Вместе с тем, государства на различных этапах своего развития пытались определенными способами уменьшить траты, которые связаны с уголовным преследованием лиц, совершивших преступление. В данном случае

речь идет о использовании труда лиц, отбывающих наказание, для осуществления различных работ, строительства инфраструктурных объектов, производства какой-либо продукции и на иных видах деятельности. И, если применение такого подхода еще в XVIII в. могло быть обосновано уровнем правой культуры, сознания и общего развития иных сфер человеческого общежития, то допущение данного метода в настоящее время, по большому счету, зиждется на экономической рентабельности и привлекательности.

Полагаем, что определенная тенденция между развитием тех или иных правовых (уголовно-правовых) институтов и потребностями общества, государства, а также его социально-правовой модели, может быть обнаружена при изучении отечественного и зарубежного опыта использования труда лиц, отбывающих наказание. Изложенное ставит вопрос о том, могут ли эти положительные аспекты от использования труда лиц, отбывающих наказание, в сравнении с применением института примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) стать тем толчком, который расширит практику применения первого за счет сокращения реализации последнего.

Описание исследования

Труд заключенных в пенитенциарных системах как зарубежных стран, так и России, применялся достаточно давно. Государственные структуры и частный капитал привлекала дешевая рабочая сила, что давало возможность оперативно решать важные, стратегические задачи и получать значительную прибыль. С помощью осужденных происходила колонизация малообжитых территорий, куда вольнонаемные специалисты могли поехать лишь за крупное вознаграждение. Так, слабая заселенность и экономическая неразвитость бескрайних просторов Сибири беспокоили как царское, так и советское правительство. Освоение новых земель с помощью труда заключенных было привлекательно и опиралось на многочисленные международные примеры. Первыми переселенцами в далекую Австралию были обитатели английских тюрем [7, с. 4].

К тому же, принудительная трудовая деятельность являлась одной из мер искупления вины за совершенное преступное деяние.

Часть осужденных работала в разные периоды лишь за скудную еду, ночлег и дешевую одежду, другие получали небольшое денежное вознаграждение, из которого удерживались средства, направляемые в счет возмещения ущерба и за оплату предоставляемых услуг. Себестоимость использования труда заключенных была низкой.

Отечественный опыт

В дореволюционной России широко применялся труд заключенных, например, при строительстве Транссибирской магистрали. Как указывает В. В. Казаченок: «Использование труда осужденных начинает проследиваться с XVII в. при колонизации новых земель» [4, с. 41].

Прибыль, получаемая от лиц, находящихся в заключении, шла в государственную казну. В конце XIX в. осужденный имел право лишь на 40 % от вырученного дохода, а осужденный на каторжные работы — на 10 % от заработанных средств [2, с. 115].

В советский период после свертывания новой экономической политики в 1929 г. усилилась государственная карательная политика. В 1930 г. было образовано Главное Управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), который переводился на самоокупаемость. Принимались максимальные меры, направленные на удешевление содержания спецконтингента. Осужденные производили всю необходимую для себя продукцию (продукты питания, одежду и т. д.). Медицинский, управленческий, инженерно-технический персонал исправительно-трудовых учреждений комплектовался за счет уголовного элемента. Даже часть охраны (так называемая «самоохрана») состояла из заключенных.

Со второй половины 1930-х годов произошла замена вольнонаемных рабочих заключенными на строительстве основных дорог. Так, в приказе НКВД СССР от 1936 г. № 0012 указывалось, что в целях максимального удешевления стоимости строительства и капитального ремонта автогужевых работ должны быть организованы исправительно-трудовые колонии, укомплектованные лицами, осужденными на срок до трех лет [5, с. 70].

Во второй половине 40-х годов прошлого столетия из заработной платы осужденных стала удерживаться стоимость питания. Этот шаг объяснялся необходимостью исполнять исковые требования. Несмотря на это, не менее 10 % от заработной суммы должно было оставаться в распоряжении осужденных для приобретения предметов первой необходимости через торговую сеть [3, с. 19]. Цены в торговых точках, расположенных в местах

лишения свободы, в подавляющих случаях были завышены, что давало возможность получить дополнительную прибыль.

До 1946 г. в Советском Союзе содержание заключенных в ГУЛАГе покрывалось без расходов бюджета. В связи с ростом цен было принято решение за счет государственных средств содержать лишь заключенных-инвалидов, не способных к трудовой деятельности [1, с. 138].

В местах лишения свободы устанавливался производственный план, невыполнение которого грозило наказанием (вплоть до уголовного преследования) начальникам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и исправительно-трудовых колоний (ИТК). В результате жесткой эксплуатации, по сути бесплатной рабочей силы, людской ресурс быстро изнашивался. Это обуславливалось плохим питанием, отсутствием элементарных бытовых условий, нарушением санитарных норм.

Область применения трудовых ресурсов в местах заключения была весьма разнообразной. Так, в Ангарском ИТЛ заключенные были задействованы в строительстве железной дороги, в аграрном секторе и лесозаготовках. Планирование и контроль за производственной деятельностью значительно улучшали эффективность производства лагерных подразделений. В частности, план весеннего сева Ангарского ИТЛ за 1956 г. по 1 отделению был выполнен на 100,5 %. При плане 1065 га фактически было засеяно 1072 га [8, с. 400].

В сельхозе «Куйтун» (Иркутская область), структурном подразделении Ангарского ИТЛ МВД СССР, план по животноводству за 1949 г. был выполнен на 147,7 %, с производственной экономией в сумме 408 тыс. руб. Стоимость привеса одного центнера планировалась в 2077 руб., фактическая — в 2030 руб. По свиноводству план был выполнен на 104,6 %, с экономией средств в сумме 28 тыс. руб.¹

Поощрялись рационалистические предложения заключенных, что позволяло экономить ресурсы. В феврале 1959 г. от слесаря автобазы № 3, заключенного Горелкина, 3-го лаготделения Ангарского ИТЛ поступило предложение о переводе грузовых и тормозных барабанов лебедки автокрана на шариковые подшипники. В результате чего, значительно экономилась бронза, увеличивался срок службы шейки вала и рабочий ресурс механизмов. Горелкин был награжден премией в сумме 100 руб.²

¹ Информационный центр отдела архивной информации и реабилитации Главного Управления МВД России по Иркутской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 242. Л. 112–126.

² Информационный центр отдела архивной информации и реабилитации Главного Управления МВД России по Иркутской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 207. Л. 51.

Однако, эффективность производственной деятельности заключенных в советский период в значительной степени уменьшалась из-за большого объема приписок и управленческих ошибок. Отсутствие материальной мотивации у большинства осужденных подменялось угрозой наказания. Невыполнение производственного плана или отказ от работы грозили отправкой в карцер, получением штрафного пайка, что было смертельно опасно для ослабленных непомерным трудом и недоением заключенных.

После распада Советского Союза в 1991 г. была разрушена сложившаяся пенитенциарная система, удачно встроенная в экономическую модель социалистического государства. В настоящее время в России использование труда заключенных уже не носит столь массового характера.

Зарубежный опыт

Производственная деятельность с использованием спецконтингента имеет широкую практику применения и за рубежом. Например, во Франции в 2010 г. на оплачиваемые работы выводился 24 001 заключенный или 39,1 % от их общего числа. Генеральный контролер мест лишения свободы Жан-Мари Деларю отмечал, что «работодатели предлагали работающим заключенным самые разные заработные платы, но чаще всего это было ниже минимального размера оплаты» [6, с. 40–41].

В ряде зарубежных стран (США, Великобритания, Австралия, Германия, Франция, Австрия, Бразилия, Канада, Венгрия, Швеция, Норвегия, Эстония, ЮАР, Япония и др.) успешно функционируют частные тюрьмы (исправительные учреждения с частно-государственным партнерством). В частных тюрьмах США за режим и безопасность заключенных и всего учреждения отвечает коммерческая организация, которой выделяется определенная денежная сумма на содержание каждого отбывающего наказание.

Данная плата компенсирует расходы тюрьмы и позволяет получить прибыль. Экономически американские бизнес-тюрьмы рентабельны за счет грамотной организации труда заключенных, которые выполняют неквалифицированную работу или производственные задания в мастерских. Тюремная индустрия США производит: 100 % отдельной военной амуниции, военных касок, форменных ремней и портупей, бронежилетов, идентификационных карт, рубашек, брюк, палаток, рюкзаков и фляжек; 98 % монтажных инструментов; 46 % пуленепробиваемых жилетов; 36 % бытовой техники; 30 % наушников,

микрофонов, мегафонов; 21 % офисной мебели; авиационное, медицинское оборудование и др. [11, с. 268]

П. В. Тепляшин отмечает, что «частным и государственным посредническим фирмам в США был предоставлен карт-бланш по эксплуатации труда заключенных для получения прибыли» [10, с. 187].

Крупный капитал в зарубежных странах, чтобы не оказаться в зоне критики общественности по поводу эксплуатации осужденных, привлекая малооплачиваемый труд заключенных, нанимает их не напрямую, а через посредников (подрядчиков).

Уголовная политика

В реализации уголовной политики государств на различных этапах своего развития прослеживается определенная связь между использованием труда осужденных и допущением мер, связанных с отказом от уголовного преследования виновных (например, нормы о примирении с потерпевшим). В законодательстве РСФСР нормы последнего были закреплены во всех уголовно-процессуальных кодексах, распространяясь на институт частного обвинения, который включал в себя небольшое число составов преступлений, действовал ограниченно. Вероятно, более широкое использование данных норм, их включение в уголовно-материальный закон, отчасти было обосновано заинтересованностью государственных органов в применении труда заключенных для развития экономики страны. В тоже время, необходимо подчеркнуть, что определенные альтернативные меры наличествовали в уголовном законодательстве РСФСР (например, в УК РСФСР 1960 г. были предусмотрены следующие меры, применяющиеся взамен традиционного института уголовного наказания: передача лица на поруки; передача дела в товарищеский суд; применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, в последующем они были дополнены освобождением от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности), но в силу политической модели государства они были направлены, прежде всего, на общественное воздействие, а не на наделение виновного и потерпевшего инструментарием по самостоятельному решению уголовно-правового конфликта.

В дальнейшем, в ходе внедрения научно-технических разработок в советское народное хозяйство уменьшилась потребность в рабочих руках заключенных. Одной из причин постепенной переориентации экономики СССР

на вольнонаемную, более квалифицированную рабочую силу, стало повышение производительности труда. Например, механизация вывоза леса в СССР составляла в 1939 г. 23,9 %, а в 1950 г. она уже достигла 50,3 % [1, с. 77].

В настоящее время в экономике развитых капиталистических государствах широко применяется искусственный интеллект. Автоматизация и роботизация постепенно вытесняет человеческий труд. Использование рабочих рук осужденных в настоящее время становится уже не так привлекательно. Подобный фактор также может сказаться на более активном развитии программ, связанных с отказом от реального отбытия виновным наказания (включение видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества; расширение практики применения условного лишения свободы; увеличение мер, освобождающих от уголовной ответственности и наказания).

Заключение

Видится, что на проводимую государством уголовную политику оказывает влияние множество факторов, среди которых не последнее место занимает бюджетное финансирование осуществляемого уголовного преследования виновных, их содержания в местах лишения

свободы. Определенным выходом из такой ситуации служит использование труда лиц, отбывающих наказания, для производства различных работ как в государственных учреждениях, так и в частных.

Вместе с тем, считаем, что, несмотря на обозначенные положительные аспекты от применения такого подхода, на современном уровне развития общества он вряд ли способен существенным образом потеснить практику применения мер, альтернативных применению наказания, в т. ч. уголовно-правовой институт примирения с потерпевшим. Это связано с тем, что реализация обозначенного института позволяет в определенной степени: разгрузить следственно-судебную систему; освободить места в учреждениях системы ФСИН; снизить число лиц, имеющих судимость; повысить мотивацию виновных к заглаживанию причиненного потерпевшим вреда и достичь иных требуемых изменений. Более того, исходя из современных тенденций, можно говорить о постепенном увеличении сферы применения иных мер реагирования на факт совершения лицом преступления, чему примером могут являться постепенное расширение видов оснований освобождения от уголовной ответственности (например, ст. 76.1 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ).

Список литературы

1. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2008. — 320 с.
2. Евсеев, И. В. Истоки трудового использования заключенных в свете российской идеи «исправлять трудом» / И. В. Евсеев // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. — 2013. — № 1. — С. 111–122.
3. Исаков, В. М. Труд заключенных в исправительных учреждениях в послевоенные годы и его правовое обоснование / В. М. Исаков, Е. В. Мельник // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 1. — С. 16–21.
4. Казаченок, В. В. Организация использования труда заключенных в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии в XVIII — начале XX вв. / В. В. Казаченок // Вестник Кузбасского института. — 2012. — № 4. — С. 40–51.
5. Никифоров, А. А. Экономический аспект использования труда заключенных в системе ГУЛАГа / А. А. Никифоров // Человек: преступление и наказание. — 2009. — № 1. — С. 69–72.
6. Пиель, С. Как организуется труд заключенных во Франции / С. Пиель // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2013. — № 4 (131). — С. 40–41.
7. Суверов, Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг.: монография / Е. В. Суверов. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России. — 2016. — 124 с.
8. Суверов, Е. В. Сельхозпроизводство и деревообработка в Ангарском исправительно-трудовом лагере (1949–1959 гг.) / Е. В. Суверов // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Издательство Оттиск. — 2017. — С. 400–411.
9. Суверов, С. Е. Генезис нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности / Е. В. Суверов // Алтайский юридический вестник. — 2020. — № 4 (32). — С. 100–105.
10. Тепляшин, П. В. Очерк неолиберальной пенитенциарной политики Соединенных Штатов Америки / П. В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. — 2019. — № 4 (53). — С. 185–191.

11. Тимофеева, Е. А. Частные тюрьмы за рубежом: историко-правовые и экономические аспекты функционирования (США, Франция, Великобритания, Япония) / Е. А. Тимофеева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 267–271.

References

1. GULAG: ekonomika prinuditelnogo truda. — Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008. — 320 s.
2. Yevseev, I. V. Istoki trudovogo ispolzovaniya zaklyuchennykh v svete rossiyskoy idei «ispravlyat trudom» / I. V. Yevseev // Politicheskyy vektor-L. Kompleksnyye problemy sovremennoy politiki. — 2013. — № 1. — S. 111–122.
3. Isakov, V. M. Trud zaklyuchennykh v ispravitelnykh uchrezhdeniyakh v poslevoennyye gody i ego pravovoe obosnovanie / V. M. Isakov, Ye. V. Melnik // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2017. — № 1. — S. 16–21.
4. Kazachenok, V. V. Organizatsiya ispolzovaniya truda zaklyuchennykh v penitentsiarnyykh uchrezhdeniyakh Kazanskoy gubernii v XVIII — nachale XX vv. / V. V. Kazachenok // Vestnik Kuzbasskogo instituta. — 2012. — № 4. — S. 40–51.
5. Nikiforov, A. A. Ekonomicheskiy aspekt ispolzovaniya truda zaklyuchennykh v sisteme GULAGa / A. A. Nikiforov // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2009. — № 1. — S. 69–72.
6. Piel, S. Kak organizuyetsya trud zaklyuchennykh vo Frantsii / S. Piel // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. — 2013. — № 4 (131). — S. 40–41.
7. Suverov, Ye. V. Obrazovanie i funktsionirovanie Sibirskogo ispravitelno-trudovogo lagerya NKVD SSSR (Siblag) v 1929–1941 gg.: monografiya / Ye. V. Suverov. — Barnaul : Barnaulskiy yuridicheskoye institut MVD Rossii. — 2016. — 124 s.
8. Suverov, Ye. V. Selkhozproduktstvo i derevoobrabotka v Angarskom ispravitelno-trudovom lagere (1949–1959 gg.) / Ye. V. Suverov // Sibirskaya sсылка : sbornik nauchnykh statey. — Irkutsk : Izdatelstvo Ottisk. — 2017. — S. 400–411.
9. Suverov, S. Ye. Genezis normy o primirenii s poterpevshim kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti / Ye. V. Suverov // Altayskiy yuridicheskoye vestnik. — 2020. — № 4 (32). — S. 100–105.
10. Teplyashin, P. V. Oчерk neoliberalnoy penitentsiarnoy politiki Soedinennykh Shtatov Ameriki / P. V. Teplyashin // Vestnik Vladimirskego yuridicheskoye instituta. — 2019. — № 4 (53). — S. 185–191.
11. Timofeeva, Ye. A. Chastnyye tyurmy za rubezhom: istoriko-pravovyye i ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya (SShA, Frantsiya, Velikobritaniya, Yaponiya) / Ye. A. Timofeeva // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2018. — № 2 (42). — S. 267–271.

Дата поступления статьи: 14.01.2021.

ПРОФИЛАКТИКА ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Сумачев А. В.

*Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
E-mail: alekssumachev@mail.ru.*

Бызова И. Г.

*Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
E-mail: ingabyzova@mail.ru.*

Аннотация. В статье определяются меры профилактики идеологии терроризма на обще-социальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях. Акцентируется внимание на методах специально-криминологического предупреждения идеологии терроризма. Анализируется роль педагогических коллективов общеобразовательных школ, колледжей и вузов в системе профилактики идеологии терроризма. Указываются возможные формы внеклассной работы с учащимися, педагогами и родителями обучающихся, ориентированные на профилактику идеологии терроризма в молодежной среде.

Ключевые слова: терроризм, идеология терроризма, профилактика, уровни профилактики, образовательные учреждения.

Для цитирования: Сумачев, А. В. Профилактика идеологии терроризма в молодежной среде / А. В. Сумачев, И. Г. Бызова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 47–50.

PREVENTING TERRORIST IDEOLOGY AMONG YOUNG PEOPLE

A. V. Sumachev

*Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
E-mail: alekssumachev@mail.ru.*

I. G. Byzova

*Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
E-mail: ingabyzova@mail.ru.*

Abstract. The article defines measures to prevent the ideology of terrorism at the general social, special criminological and individual levels. The article focuses on the methods of special criminological prevention of the ideology of terrorism. The role of pedagogical collectives of general education schools, colleges and universities in the system of prevention of the ideology of terrorism is analyzed. The possible forms of extracurricular work with students, teachers and parents of students, focused on the prevention of the ideology of terrorism in the youth environment, are indicated.

Keywords: terrorism, ideology of terrorism, prevention, levels of prevention, educational institutions.

For citation: Sumachev, A. V., Byzova, I. G. Preventing Terrorist Ideology among Young People. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 47–50. (In Russ.)

Введение

Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О противодействии терроризму»¹ (далее — Закон № 35-ФЗ)

¹ Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

определяет терроризм не только как практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями посредством устрашения

населения и (или) иных форм противоправных насильственных действий, но и как «идеологию насилия» (п. 1 ст. 3 Закона № 35-ФЗ), используя в дальнейшем категорию «идеология терроризма» (п. 3 ч. 2 ст. 5.1, п. 2 ст. 5.2 Закона № 35-ФЗ).

Описание исследования

Предупреждение идеологии терроризма, равно как и любого иного социально-опасного явления, осуществляется на трех уровнях: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном.

Относительно предупреждения идеологии терроризма на общесоциальном уровне следует вести речь о государственной политике по нейтрализации идей терроризма в обществе. Деятельность эта включает в себя, прежде всего, разработку правовых основ противодействия идеологии терроризма. Прежде всего, здесь следует говорить о криминализации такого рода деяний. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) в рамках противодействия «идеологии терроризма» предусматривает уголовную ответственность за публичное оправдание либо пропаганду терроризма (ч. 1 ст. 205.2 УК РФ). В свою очередь, в данной статье «под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» (примечание 1 к ст. 205.2 УК РФ), а «под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности» (примечание 1.1 к ст. 205.2 УК РФ). Наличие данной нормы стоит признать в качестве действенной меры профилактики распространения идеологии терроризма.

Закон № 35-ФЗ в рамках реализации организационных основ противодействия идеологии терроризму предусматривает обязанность высших исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации принимать меры «по выявлению и устранению факторов, способствующих возникновению и распространению идеологии терроризма» (п. 3 ч. 2 ст. 5.1 Закона № 35-ФЗ), а для органов местного самоуправления — обязанность организации и проведения в муниципальных образованиях информационно-пропагандистских мероприятий «по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, а также по формированию у граждан

неприятия идеологии терроризма, в том числе путем распространения информационных материалов, печатной продукции, проведения разъяснительной работы и иных мероприятий» (п. 2 ст. 5.2 Закона № 35-ФЗ).

К специально-криминологическим методам предупреждения идеологии терроризма в рамках разработки правовых основ, необходимо указать на «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы»¹.

К специально-криминологическим методам предупреждения идеологии терроризма организационного плана следует относить соответствующей направленности мероприятия, осуществляемые педагогическими коллективами общеобразовательных школ, колледжей и вузов. Однако стоит заметить, что реформа системы образования не способствует повышению эффективности профилактической работы в отношении, так называемой, «группы риска» (юноши от 16 до 24 лет), то есть лиц склонных к проявлениям националистического экстремизма и крайних его форм — терроризма. Так, А. А. Бурков, анализируя возможности профилактики националистического экстремизма в образовательных учреждениях, пишет: «В результате изменений в российском образовании за последнее десятилетие школа все больше дает критически не отфильтрованные знания, учебные предметы лишаются воспитательного потенциала. Распространение тестовых форм проверки знаний в значительной степени сводит обучение к запоминанию единичных фактов, не связанных между собой и не систематизированных. Бессистемные знания менее подвержены критическому осмыслению, а значит, несут в себе меньший воспитательный потенциал» [1, с. 77]. И далее, он делает весьма категоричный вывод: «Сама система образования исключает воспитательный компонент из учебной деятельности» [1, с. 78].

В этой связи, акцент следует делать на внеклассной работе с учащимися, педагогами и родителями обучающихся. Работа эта может выражаться в проведении тематических занятий, ориентированных на профилактику идеологии терроризма; организации различных конкурсов (например, конкурсов тематических работ по противодействию терроризму); в чтении лекций сотрудниками полиции,

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // МЧС России : [сайт]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 25 февраля 2021 г.).

прокуратуры и преподавателями юридических вузов.

Относительно форм подготовки педагогов образовательных учреждений, а также государственных и муниципальных служащих по реализации задач в сфере предупреждения идеологии терроризма в молодежной среде следует указать на систему обучающих семинаров, проведение должных конференций различного уровня, курсов повышения квалификации, а также круглых столов в рамках межведомственного взаимодействия. В частности, 17–18 июня 2019 г. в г. Радужный Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Автономной некоммерческой организацией дополнительного профессионального образования «Нижевартровский профориентационный учебный центр» (АНО ДПО «НПУЦ») были организованы курсы повышения квалификации «Организация деятельности органов местного самоуправления по профилактике и предупреждению терроризма и националистического экстремизма» с последующей выдачей соответствующего сертификата. Далее, АНО ДПО «НПУЦ» курсы повышения квалификации «Профилактика терроризма и экстремизма» были проведены 12 августа 2019 г. в г. Нижневартовске Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Кроме того, в Югорском государственном университете практикуется проведение научных семинаров по проблемам терроризма и экстремизма. Так, 25 октября 2019 года в Югорском государственном университете состоялся научный семинар на тему ««Бытовой» (молодежный) экстремизм». В работе семинара приняли участие преподаватели, студенты, магистранты и аспиранты. Основные доклады касались проблем «бытового» (молодежного) экстремизма и основ его профилактики.

Также осуществляется преподавание специального курса «Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму» не только для юристов, но и для студентов иных специальностей¹. Целью изучения

¹ Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму : рабочая программа дисциплины. Одобрена на заседании Ученого совета Юридического института Югорского государственного университета,

данной дисциплины является усвоение основных способов и навыков противодействию экстремизму и терроризму. В качестве основных задач учебной дисциплины выступают: ознакомление студентов с состоянием и перспективой развития знаний в области противодействия экстремизму и терроризму; привитие студентам навыков формализации и использования уголовно-правовой информации в процессе противодействия экстремизму и терроризму; приведение в систему и закрепление умений использования и самостоятельного пополнения уголовно-правовых знаний, необходимых для правильного противодействия экстремизму и терроризму.

Работа с родителями обучающихся может осуществляться посредством проведения тематических родительских собраний. И здесь, как представляется, упор необходимо делать на групповые формы работы.

И еще, в рамках предупреждения идеологии терроризма необходимо проведение специальных исследований профилактики распространения идеологии терроризма, вообще, и преступности несовершеннолетних с позиций молодежных криминально-активных неформальных объединений (правые и левые скинхеды, антифашисты и др.), в частности. Результаты такого рода исследований следует публиковать в соответствующих пособиях [3], и распространять в обществе [2].

Индивидуальный уровень профилактики идеологии терроризма предполагает, прежде всего, выявление лиц, склонных к восприятию идей террористической деятельности, а также склонных к проявлениям ненависти или вражды по отношению к лицам другой национальности. Такого рода «выявление» возможно посредством мониторинга информации в социальных сетях, выявления неблагополучных семей, а равно в ходе индивидуальных бесед с представителями различных молодежных групп. Далее, в зависимости от степени угрозы проявлений идей одобрения терроризма, следует реализовывать меры индивидуальной профилактики, включая решение вопросов о привлечении виновных к юридической ответственности.

протокол № 03 от 14 февраля 2019 г. Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2019. 15 с.

Список литературы

1. Бурков, А. А. Возможности профилактики националистического экстремизма в образовательных учреждениях / А. А. Бурков // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 4. — С. 73–78.
2. Кулягин, И. В. Профилактика распространения идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде / И. В. Кулягин // Обзор.НЦПТИ. — 2016. — № 8. — С. 15–27.

3. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы : методическое пособие / авт.-сост.: П. Н. Ермаков, И. В. Абакумова, А. Г. Штейнбух. — Москва : Кредо, 2018. — 76 с.

References

1. Burkov, A. A. Vozmozhnosti profilaktiki natsionalisticheskogo ekstremizma v obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh / A. A. Burkov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. — 2012. — № 4. — S. 73–78.
2. Kulyagin, I. V. Profilaktika rasprostraneniya ideologii terrorizma v obrazovatelnoy sfere i molodezhnoy srede / I. V. Kulyagin // Obzor.NTsPTI. — 2016. — № 8. — S. 15–27.
3. Profilaktika ekstremizma i terroristicheskogo povedeniya molodezhi v internet-prostranstve: traditsionnye i innovatsionnye formy : metodicheskoe posobie / avt.-sost.: P. N. Yermakov, I. V. Abakumova, A. G. Shteynbukh. — Moskva : Kredo, 2018. — 76 s.

Дата поступления статьи: 03.03.2021.

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ РОССИИ

Тесленко Е. С.

Челябинский государственный университет

Челябинская обл., г. Троицк, Российская Федерация

E-mail: tes-evgenij@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос организации профилактических мероприятий проявлений экстремизма среди студентов российских вузов. Проведен анализ фактов проявлений агрессии, религиозной нетерпимости и экстремистских проявлений среди студентов различных учебных заведений. Даются рекомендации по проведению конкретных профилактических мероприятий и особенности их осуществления в условиях образовательной среды вуза. В статье так же обобщены выводы по профилактической работе как в студенческой среде в целом, так и сделаны рекомендации по организации подобной работы с учетом индивидуальных особенностей личности каждого студента.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, профилактика экстремизма, угроза национальной безопасности, безопасность образовательной среды.

Для цитирования: Тесленко, Е. С. Профилактика экстремистских проявлений среди обучающихся в вузах России / Е. С. Тесленко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 51–57.

PREVENTION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS AMONG STUDENTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF RUSSIA

Ye. S. Teslenko

Chelyabinsk State University

Troitsk, Chelyabinsk region, Russian Federation

E-mail: tes-evgenij@yandex.ru.

Abstract. The article considers issue of organizing preventive events of manifestations of extremism among students of Russian universities. An analysis of the facts of manifestations of aggression, religious intolerance and extremist manifestations among students of various educational institutions was carried out. Recommendations are made on the implementation of specific preventive events and the peculiarities of their implementation in the educational environment of the university. The article also summarizes the conclusions on preventive work both in the student environment as a whole and made recommendations on organizing such work taking into account the individual personality of each student.

Keywords: extremism, terrorism, extremism prevention, threat of national security, safety of the educational environment.

For citation: Teslenko, Ye. S. Prevention of Extremist Manifestations among Students in Higher Education Institutions of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 51–57. (In Russ.)

Введение

Актуальность поставленного вопроса, а именно о необходимости профилактики экстремизма в студенческой среде, на сегодняшний день, к сожалению, подтверждается печальными примерами современной жизнью (современной действительностью) и требует обсуждения на научно-монографическом уровне.

Президент России В. В. Путин на расширенной коллегии МВД России, прошедшей 28 февраля 2019 года отметил, что на сегодняшний день важным приоритетом является профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, причем проводить непрерывную работу с «группами риска», пресекать попытки вовлечения несовершеннолетних

в преступность деятельность. Отдельно в докладе было выделено направление «профилактики экстремизма в молодежной среде, как одно из важнейших на сегодняшний день»¹.

Спору нет, российские правоохранительные органы успешно справляются с проявлениями экстремизма и терроризма, успешно осуществляют защиту граждан от преступных посягательств и несмотря на попытки международных террористических организаций разместить свои филиалы, всецело противостоят их проникновению на территорию Российской Федерации.

Однако, несмотря на явные успехи правоохранительных органов в борьбе с преступными проявлениями, несмотря на значительное количество ежегодных научных конференций, и круглых столов по теме профилактики экстремизма и терроризма, мы должны отметить то факт, что это не есть полноценное решение проблемы распространения экстремистских идеологических проявлений в молодежной среде [3; 4].

Описание исследования

Мы не можем с полной уверенностью сказать, что такую «вирусную болезнь», как экстремизм и крайние радикальные взгляды на жизнь общества нами били, побеждены окончательно и наши усилия лишили ее благодатной почвы для развития вновь и вновь.

Есть множество компетентных точек зрения и мнений экспертного сообщества на поставлены проблемы перед нашим современным миром. Российская Федерация столкнулась с указанной проблемой не первой из мировых держав, но именно мы прошли почти все негативные стадии указанных «болезненных» проявлений, наши усилия не прошли даром и усилия не затрачены зря, однако, несмотря на, то обстоятельство, что в России уже прошла «прививка» общества терроризмом и экстремизмом все еще приходится сталкиваться с этими явлениями в самых разных регионах и проявлениях.

Изучая поставленный вопрос не один год, можно с уверенностью сказать, что все уроки, несмотря на их видимый результат, были выучены и ошибки учтены, поэтому они не повторяются на нашей территории вновь. С благодарностью можно обратиться к правоохранительным органам России за то, что у нас не взрывают людей домами и не берут в заложники десятки безобидных гражданских людей,

что каждый погибший отмщен справедливым и законным возмездием в суде.

Существующие тенденции иногда агрессивного, а иногда и закамуфлированного внедрения радикальных политических и религиозных идей в студенческую среду в настоящее время имеет опасные последствия для будущего нашей страны. И не только в демографическом аспекте (средний возраст уехавших воевать в Сирию за террористические идеи 26–27 лет)² так и в экономическом (ведь недоучившийся студент — это потерянный специалист в какой-либо отрасли народного хозяйства страны).

Однако, молодежь в силу своих природных и социальных особенностей, а также в силу отсутствия должного жизненного опыта и критического взгляда на события способна к быстрым переменам во взглядах, как в положительную сторону, так и в отрицательную. Студенческая среда в указанном плане отличается еще и сверхбыстрой адаптационной способностью к внешним событиям (призывам, лозунгам), что в дальнейшем активно воздействует на общественную жизнь и может вызывать определенные социальные изменения.

А социальная природа и отчасти психологические особенности молодых людей, их неполная трудовая занятость и повышенная потребность в общении, самоутверждении и завоевании внимания со стороны других членов общества, отчасти объясняют стремление молодых людей к объединению в небольшие группы, которые будут их основной «зоной комфорта». Стремясь к тому, чтобы быть признанными и понятыми, молодые люди тяготеют к вступлению в группы похожих на себя.

Хотелось бы отметить, что, как показывает практика, силовые и репрессивные методы борьбы с преступностью обычно оказываются недостаточно эффективными для достижения поставленной цели. Эти методы воздействия всегда носили лишь вынужденный, ситуативный характер и были характерны для реагирующей политики борьбы с преступностью [2, с. 64–65]. И эта точка зрения отнюдь не нова, уже в XVIII в. великий итальянский гуманист и реформатор Чезаре Беккариа выдвинул идею, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать, и именно в этом — главная цель всякого хорошего законодательства, которое является искусством вести людей к возможно большему счастью или к возможно меньшему несчастью [1, с. 150].

¹ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 20.12.2020).

² Четиль Ханссен (Kjetil Hanssen) Образование и семейное положение боевиков ИГИЛ удивило исследователей // ИноСМИ.RU : [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/military/20160423/236269804.html> (дата обращения: 18.07.2020).

Современные тенденции общественной жизни тоже требуют пристального изучения, так как именно здесь формируется питательная среда, где «вирус» радикализма и крайней нетерпимости получает свое начало и развитие. Молодежь, получая в период обучения в вузе вторичную социализацию наиболее интересный объект для неблагоприятного воздействия на их взгляды и ближайших круг убеждений со стороны радикальных экстремистских организаций.

Идея приоритетности общесоциального предупреждения стала обретать обоснованную научную форму уже в XIX в., когда итальянский ученый Энрико Ферри особо отметил, что именно социальная превенция добирается до отдаленных корней преступления, чтобы его уничтожить, она борется с ним косвенными средствами, основанными на свободном проявлении психологических и социологических законов [7, с. 307].

Общесоциальное предупреждение, хотя и потребует более масштабного приложения усилий и больших ресурсных затрат, а подведение итогов его воздействия может быть отложено на неопределенный срок, но и результат его будет куда более полновесным и пролонгированным [5].

Для исследования отдельных аспектов проведения профилактической работы экстремистских проявлений в вузе, следует учитывать, что конкретно молодежному экстремизму присущи некоторые особенности и в первую очередь — это неформальный характер молодежных экстремистских групп.

Во-вторых, участники таких групп редко имеют полное понимание того, чем занимается их группа и кто руководит их деятельностью, а ряд членов экстремистских групп имеет и весьма смутное представление даже об идеологической и исторической подоплеке организаций, в которые они входят. Они во многом ориентируются только на внешние проявления неформального движения, а именно на громкую фразеологию лозунгов, внешнюю атрибутику (отличительные знаки членов групп) и другие выдуманные аксессуары.

В среде молодежных неформальных групп наблюдается наличие лидера-руководителя, мнение которого может быть непререкаемым. Он появляется во всех случаях из-за повышенной внушаемости молодежи. Такой лидер передает (транслирует) экстремистские идеи и оказывает влияние на поведение (образ жизни) молодого человека через свой реальный или наигранный авторитет.

Присутствие такого лидера-руководителя обычно рассматривается молодыми людьми

как особая гарантия от возможного провала при совершении преступлений и является стимулом для совершения противоправных действий, младшие члены группы как бы чувствуют свою неуязвимость. При этом сам лидер рассчитывает на полное подчинение его воли, на возможность избежать в случае задержания ответственности за непосредственное участие в совершении конкретного преступления и на присвоение существенной доли доходов (в случае внешнего финансирования) от преступной деятельности такой группы.

Здесь так же следует отметить, что не последнюю роль для членов неформальных радикальных групп играет и возможность почувствовать себя членом некоего «тайного общества» или даже «ордена», имеющего право безнаказанно творить расправу над неудобными людьми или с их точки зрения не такими как они.

Психологические теории объясняют проявление такой агрессии в первую очередь, как выражение страха перед окружающей действительностью и дальнейшей жизненной неопределенностью молодого человека.

В некоторых случаях именно экстремизм в среде молодых людей является вполне закономерным явлением, поскольку выступает в качестве своеобразной «защитной» психологической реакции на внешнее давление и внутренние нерешенные конфликты [6].

Как показывает нам правоохранительная практика, экстремистские убеждения и взгляды на территории России всегда формируются извне и редко появляются как идеологические проявления в отдельно взятом индивидууме (как источник «просветления»). К сожалению, молодому человеку такие идеи приносят извне более старшие и опытные люди (причем не всегда знакомые) или уже заразившиеся (завербованные) сверстники. Дело в том, что такие идеи, как расовое превосходство, религиозная чистота и единственно истинная точка зрения на социальные и политические события в стране сами по себе не проявляются в общественных процессах взаимодействия и коммуникации индивидуумов.

Как правило, есть источник, и он практически во всех случаях внешний (зарубежный) или местный, но поддержанный (профинансированный) извне, вот почему рассматриваемая проблема не является чисто внутренним делом нашей страны, а носит транснациональный характер. Но современная действительность свидетельствует нам о том, что Россия решает эти проблемы только с незначительным числом своих союзников (страны СНГ, ОДКБ и БРИКС), а остальные

страны чаще безразличны к призывам для объединения усилий в борьбе с такими угрозами современному миру.

Развитие связи и реклама электронного социального взаимодействия людей за последнее время в среде радикальных сообществ вызвали некоторые устойчивые тенденции к объединению членов таких групп по «сетевому» принципу. Такой принцип предполагает большую самостоятельность в деятельности организации и их независимость от классического иерархического построения взаимоотношений в группах. При «сетевой» организации образуются несколько самостоятельных ячеек и нет централизованного управления нижестоящих групп вышестоящим.

Как правило такие «сетевые» организации действуют автономно и не связанные друг с другом все время, в определенный день и час, указанный организаторами противоправной акции, объединяются в большую группу, даже не подозревая, что управляемы единым центром.

Отдельно можно отметить и некоторое стремление малой радикальной группы общаться и присоединяться к какой-нибудь «солидной» экстремистской организации или радикально настроенному объединению. Причем, молодой человек, пришедший в организацию такого рода, может и не являться экстремистом изначально, а в процессе психологической и идеологической обработки, причем, иногда с сильными методиками внушения чужой воли он становится им. Он становится носителем экстремистских идей посредством участия в деятельности этой организации и постепенного усваивания ее идеологии. Негативная роль старших по возрасту лиц и зачастую ранее судимых, заключается в ориентировании участников группы на различные формы противоправного поведения и постепенного утверждения в их сознании представлений о вседозволенности и безнаказанности.

На практике сегодня все реже и реже встречаются молодежные экстремистские группы, которые возникают без участия взрослых и без иностранного финансирования.

В связи с указанными обстоятельствами необходимо осуществлять активное противодействие экстремизму именно на уровне первичных малых неформальных групп, не дожидаясь, когда проявления крайней нетерпимости примет системный характер с печальными последствиями в виде массовых акций или террористических актов.

Решить вопрос о качественном «лечении» (профилактики) экстремизма можно только лишив такие идеологические устремления

и взгляды почвы для переноски и развития этого «вируса».

Успех работы по профилактике проявлений экстремизма в студенческой среде во многом зависит от степени взаимного доверия и уровня налаженного взаимодействия между администрацией вуза и правоохранительными органами, общественными и религиозными организациями, а в некоторых аспектах и со СМИ. Трагические события в учебных заведениях США, Франции, Норвегии и недавно произошедшие в Симферополе, свидетельствуют о том, что в противодействии экстремистским проявлениям требуется своевременное и полноценное взаимодействие и взаимопонимание между указанными ранее субъектами и учебными заведениями.

Молодому человеку кроме эмоциональной компенсации нужны пояснения, доказательства, авторитетное мнение и им это предоставляют на все 100 процентов. Однако различить, где истина (правда), а где ложь (неправда) не каждый может сразу, на это нужен определенный жизненный опыт или взрослая осторожность, которой пока еще не было сформировано у обучающегося в вузе.

Следует признать такой факт, что в современном обществе присутствует дефицит позитивного воздействия на молодежную среду и на конкретного подростка. К сожалению, семья зачастую не в полной мере выполняет такие важнейшие функции, как формирование чувства психологической защищенности, в результате чего может проявиться агрессивный способ самоутверждения в группе.

У некоторых молодых людей в период взросления и самостоятельности наблюдается повышенная конфликтность, что вызывает новый уровень притязаний со стороны молодого человека. На этом фоне вовлечение в различные организации, в том числе и радикального толка, может сформировать в них готовность к фанатичному жертвованию собой ради «высокой» цели.

Иногда «сверхопекаемость» со стороны родителей и запрет на набивание шишек в детском возрасте приводит для некоторых молодых людей к занятиям крайне экстремального толка, в том числе и с суицидным подтекстом (организация синий кит и подобные им).

На первый план работы по профилактике проявлений экстремизма в образовательной среде Российских вузов выходит правильная и умелая работа по разъяснительной (воспитательной) работе в студенческой среде, которую должны проводить педагогические работники и администрация вуза. Не всегда авторитет педагога помогает избежать проблем, доверие,

как показывает практика, не всегда может своевременно среагировать на проявившуюся проблему в академической группе или у отдельно взятого студента.

Принципы профилактических мероприятий:

- честность и открытость;
- ненавязчивое постоянство и непрерывность;
- привлечение специалистов к обсуждению сложных и профессиональных вопросов;
- наглядность;
- объективность;
- в некоторых случаях применение индивидуального подхода.
- наиболее тесное взаимодействие с правоохранительными органами.

Для организации профилактической работы в молодежной среде следует учесть ряд обстоятельств, среди которых можно выделить:

- уровень воспитанности и сформированной культуры молодого человека;
- особенности организации педагогического процесса в вузе;
- наличие в вузе необходимого специалиста;
- состояние мер, направленных на правовое воспитание;
- уровень организации досуга (вне учебной деятельности);
- наличие возможности у вуза места для организованного проведения свободного времени учащимися;
- степень использования современных средств для коммуникации среди студентов;

Выводы

Результативность профилактической работы, прежде всего, зависит от профессиональных, интеллектуальных, культурных и личностных качеств педагогов, и лиц ответственных за данное направление деятельности в вузе.

Следует своевременно засечь тот момент, когда проблема стучится в дверь, здесь надежда на профессионализм и опыт педагогического работника, который отметит первые признаки изменений в поведении и взглядах обучающегося. В беседе с человеком, попавшим в сложную социальную или психологическую ситуацию можно и даже нужно выяснить максимально подробно причины симпатий к экстремистским организациям, личность лиц, вовлекающих студентов в неформальные группы, в какой период времени проходят совместные акции и площадки для встреч и общения (которые могут быть и сетевыми). Такая беседа не должна выглядеть как процессуальное

действие (допрос), однако в процессе беседы можно положительно влиять на взгляды обучающегося, его интересы, можно совместно выработать пути решения сложных жизненных вопросов и выбрать модель поведения для выхода из нелегкого положения молодого человека.

Поэтому одним из важных предложений по-нашему мнению может стать организация курсов повышения квалификации педагогов по выявлению указанной проблемы в молодежной среде с привлечением представителей правоохранительных органов и представителей религиозных конфессий. Так же специализированное периодическое тестирование обучающихся на предмет возникновения радикальных взглядов в студенческой среде с последующим индивидуальным консультированием.

Студенческая среда не однородна, и сплотить ее может только общее дело (работа) и постоянное взаимодействие всех участников социальных и профессиональных взаимоотношений. Проведение системной педагогической работы по социализации молодого человека в студенческой группе. Необходимо умелое налаживание обратной связи специалист и обучающийся для разработки стратегии профилактики экстремистских убеждений в вузе. Дело в том, что без помощи старшего и имеющего жизненный опыт педагога редко удастся помочь студенту, попавшему под влияние пагубных идей.

Знание условий и особенностей студенческой среды в вузе, этнического состава, культуры обучающихся, понимание тенденций в поведении студентов позволит определить направление и содержание некоторых профилактических мероприятий, что выдвигает педагогических работников в число инициаторов мероприятий, направленных на профилактику преступлений экстремистского толка.

Приходящие в нашу страну из-за рубежа экстремистские взгляды и радикальные религиозные тезисы преследуют цель не только дестабилизации политической обстановки в стране, но и является источником заработка немалых сумм, поэтому следует обращать внимание на мелкие финансовые взаимоотношения в студенческой среде.

Нельзя исключить из повестки дня профилактики экстремизма такой фактор, как социализация молодежи. Проводить мероприятия направленные на социальную адаптацию следует, опираясь на отечественный положительный опыт, традиции народов России и эффективно функционирующую систему легальных молодежных социальных институтов. В рамках мероприятий по социализации должны

быть учтены такие мероприятия, которые направлены на воспитание взаимного уважения как к личности индивида, так и к его правам в целом, мероприятия патриотического содержания, следует придерживаться культурной открытости на всем протяжении обучения студентов в вузах.

Профилактические мероприятия следует проводить регулярно, не позволяя себя утешать тем обстоятельством, что если несколько лет ничего не происходило, то и далее ничего не произойдет ведь как говорил Герман Мелвилл в романе «Моби Дик»: штиль — это мягкая оболочка шторма. Молодой человек, попавший в пока ему не знакомую среду нуждается в поддержке педагога и его мягком опекунстве, особенно если опоры на своих одноклассников пока нет.

Профилактические мероприятия:

— публичные просветительские лекции, в том числе и правового содержания, для повышения правовой культуры студентов;

— дискуссионные площадки совместно с представителями религиозных конфессий;

— активные и спортивные (командные) мероприятия;

— изучение личности лидеров экстремистских организаций и разъяснение их высказываний с критической стороны (дискредитация лидера);

— совместные туристические походы (где есть совместная командная работа);

— повышение квалификации и профессиональное обучение педагогов по вопросам выявления и профилактики экстремизма в вузе;

— встречи с представителями правоохранительных органов;

— активные мероприятия по адаптации иногородних и иностранных студентов;

— ликвидация безграмотности по вопросам отечественной истории, традициях и культуре своего народа, общественно-политическим процессам;

— формирование взаимного уважения к национальной культуре;

— взаимодействие с представителями учреждений культуры и прежде всего краеведческими музеями для проведения исторических лекций и экскурсий;

— привитие любви и уважения к России, ее истории и традициям;

— проведение ежегодных психологических тестирований и социологических опросов в целях составления представления о состоянии напряженности внутри академических групп;

— в некоторых случаях нельзя исключать и разъяснительную работу с родителями обучающегося, которые могут подсказать некоторые пути решения проблемы, наблюдая за своим ребенком внутри семьи.

— организация некоторой части досуговых мероприятий внутри вуза (спорт, культура, клубы по интересам);

— проведение ежегодной диспансеризации обучающихся с целью выявления аномалий психического развития.

Заключение

В целом же предупреждение преступлений экстремистской направленности требует комплексного подхода, объединения усилий многих субъектов, постоянного сочетания мер общего и индивидуального предупреждения на всех этапах предупредительной деятельности [8].

И вуз должен взять на себя не такую уж и малую часть этой необходимой ноши для формирования будущего нашей страны как в профессиональном, правовом, так и в социальном плане. Ведь практика нам свидетельствует о том, что в тех учебных заведениях, где проводится целенаправленная работа по оздоровлению социально-психологического климата в молодежной среде, в заинтересованности подростков по проведению интересного и социально-полезного досуга, экстремистские взгляды теряют свою привлекательность и силу.

Список литературы

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; сост., предисл. В. С. Овчинский ; пер. с итал. М. М. Исаева. — Москва : ИНФРА-М, 2004. — 184с.

2. Горшенков, Г. Н. Криминологический словарь / Г. Н. Горшенков. — Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2004. — 240 с.

3. Камалева, А. Р. Поликультурное образование и виктимологическая профилактика идеологии экстремизма и терроризма среди современной российской молодежи: социологический аспект / А. Р. Камалева, С. Ю. Грузкова // Социология образования. — 2018. — № 1. — С. 92–98.

4. Кулягин, И. В. Профилактика распространения идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде / И. В. Кулягин // ОБЗОР.НЦПТИ. — 2016. — № 8. — С. 15–27.

5. Маркова, Ю. В. К вопросу о приоритетности мер общесоциального предупреждения в сфере противодействия экстремизму / Ю. В. Маркова // Современные проблемы молодежного экстремизма

в Российской Федерации: состояние и тенденции : материалы круглого стола (Москва, 25 октября 2007 г). — Москва : ВНИИ МВД России, 2008. — 224 с.

6. Предложения по совершенствованию деятельности подразделений по делам несовершеннолетних по предупреждению экстремистских проявлений среди подростков и молодежи. — Москва : ВНИИ МВД России, 2004.

7. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри ; сост., предисл. В. С. Овчинский. Москва : ИНФРА-М, 2005. — 658 с.

8. Черкасов, Р. В. Предупреждение преступлений, совершаемых участниками неформальных молодежных движений экстремистской направленности / Р. В. Черкасов, А. И. Савельев // Современные проблемы молодежного экстремизма в Российской Федерации: состояние и тенденции : материалы круглого стола (Москва, 25 октября 2007 г). — Москва : ВНИИ МВД России, 2008. — 224 с.

References

1. Bekkaria, Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh / Ch. Bekkaria ; sost., predisl. V. S. Ovchinskiy ; per. s ital. M. M. Isaeva. — Moskva : INFRA-M, 2004. — 184s.

2. Gorshenkov, G. N. Kriminologicheskii slovar / G. N. Gorshenkov. — Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskiy gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo, 2004. — 240 s.

3. Kamaleeva, A. R. Polikulturnoe obrazovanie i viktimologicheskaya profilaktika ideologii ekstremizma i terrorizma sredi sovremennoy rossiyskoy molodezhi: sotsiologicheskii aspekt / A. R. Kamaleeva, S. Yu. Gruzkova // Sotsiologiya obrazovaniya. — 2018. — № 1. — S. 92–98.

4. Kulyagin, I. V. Profilaktika rasprostraneniya ideologii terrorizma v obrazovatelnoy sfere i molodezhnoy srede / I. V. Kulyagin // OBZOR.NTsPTI. — 2016. — № 8. — S. 15–27.

5. Markova, Yu. V. K voprosu o prioritetnosti mer obshchesotsialnogo preduprezhdeniya v sfere protivodeystviya ekstremizmu / Yu. V. Markova // Sovremennye problemy molodezhnogo ekstremizma v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i tendentsii : materialy kruglogo stola (Moskva, 25 oktyabrya 2007 g). — Moskva : VNIИ MVD Rossii, 2008. — 224 s.

6. Predlozheniya po sovershenstvovaniyu deyatelnosti podrazdeleniy po delam nesovershennoletnikh po preduprezhdeniyu ekstremistskikh proyavleniy sredi podrostkov i molodezhi. — Moskva : VNIИ MVD Rossii, 2004.

7. Ferri, E. Ugolovnaya sotsiologiya / E. Ferri ; sost., predisl. V. S. Ovchinskiy. Moskva : INFRA-M, 2005. — 658 s.

8. Cherkasov, R. V. Preduprezhdenie prestupleniy, sovershaemykh uchastnikami neformalnykh molodezhnykh dvizheniy ekstremistskoy napravlenosti / R. V. Cherkasov, A. I. Savelev // Sovremennye problemy molodezhnogo ekstremizma v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i tendentsii : materialy kruglogo stola (Moskva, 25 oktyabrya 2007 g). — Moskva : VNIИ MVD Rossii, 2008. — 224 s.

Дата поступления статьи: 18.02.2021.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РАЙОННЫХ И ГОРОДСКИХ СУДАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Киселева К. А.

Новоуральский городской суд

г. Новоуральск, Свердловская обл., Российская Федерация

E-mail: tuffkan@gmail.com.

Аннотация. С 01.06.2018 года вступил в силу Федеральный закон от 23.07.2016 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации“», которым введены новые принципы рассмотрения уголовных дел судом присяжных, так рассмотрение уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, с особенностями, предусмотренными законом, теперь возможно и на уровне городских и районных судов общей юрисдикции. Эти нововведения стали следующим этапом внедрения в российскую судебную систему рассмотрения уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей. Хотя сам институт присяжных существует в российском праве уже с 2004 года, возникают резонные вопросы: готова ли судебная система к применению данного института на уровне районных и городских судов, несущих на себе основной груз рассмотрения уголовных дел и действительно ли так необходимо его применение именно на данном этапе судопроизводства?

Ключевые слова: судебная система, районный и городской суд, присяжные заседатели, суд присяжных, правосудие, вердикт, снисхождение.

Благодарности: автор признателен Сергееву Андрею Борисовичу, доктору юридических наук профессору за научное руководство при подготовке данной статьи.

Для цитирования: Киселева, К. А. Проблемы реализации суда присяжных в районных и городских судах малых городов / К. А. Киселева // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 58–64.

PROBLEMS OF JURY TRIAL IMPLEMENTATION IN DISTRICT AND CITY COURTS OF SMALL TOWNS

K. A. Kiseleva

Novouralsk City Court

Novouralsk, Sverdlovsk Region, Russian Federation

E-mail: tuffkan@gmail.com.

Abstract. From 01.06.2018 the Federal Law of 23.07.2016 entered into force no. 209-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Jurors of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation’”, which introduced new principles for the consideration of criminal cases by a jury, for example, consideration of criminal cases with the participation of a jury, with the specifics stipulated by law, now it is possible at the level of city and district courts of general jurisdiction. These innovations became the next stage in the introduction into the Russian judicial system of considering criminal cases in court with the participation of jurors. Although the institution of the jury itself has existed in Russian law since 2004, reasonable questions arise: is the judicial system ready to apply this institution at the level of district and city courts, which bear the main burden of considering criminal cases, and is it really necessary to apply it specifically in this stage of legal proceedings?

Keywords: judicial system, district and city courts, jurors, jury, justice, verdict, leniency.

Acknowledgements: The author is grateful to Andrey Borisovich Sergeev, Doctor of Law, Professor for his scientific guidance in the preparation of this article.

Введение

Суд присяжных, как гарант объективности рассмотрения уголовного дела и справедливости назначаемого наказания, существовал в российском законодательстве до образования Советского государства, затем, после Революции был упразднён. Учитывая, что образовавшая после развала СССР Российская Федерация тяготела к соединению с Европой, суд присяжных вновь появился в судебной системе, пока только как гарантия, предусмотренная ст. 20 ч. 2 Конституции РФ [4, с. 62]. Следуя идее евроинтеграции, Российская Федерация 28.02.1996 года приняла решение о присоединении к Совету Европы, а также подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в связи с чем, с момента подписания указанного Протокола 16.04.1997 года, в России был введён мораторий на применение смертной казни. По итогу Протокол № 6 так и не был ратифицирован до настоящего времени, но мораторий остался. Учитывая имевший место в 90-е годы XX века разгул преступности, оснований для полной отмены смертной казни не усматривалось и споры об обоснованности моратория продолжались. Разрешил их Конституционный суд РФ, установив в Постановлении от 02.02.1999 г. № 3-П, что до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может.

Следует обратить внимание, что начиная с 1996 года суд присяжных рассматривается именно как гарант объективности рассмотрения уголовного дела и справедливости назначаемого наказания исключительно по тем уголовным делам, где подсудимый (подсудимые) обвинялись в совершении преступления, за совершение которого может быть назначено наказание в виде смертной казни [6, с. 58–64].

Описание исследования

В современной России для регулирования данной категории рассмотрения дел был принят Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов

общей юрисдикции в Российской Федерации», который действует и на сегодняшний день.

Применение на практике такого способа осуществления правосудия, как суд присяжных, даже на уровне судов субъектов показало, что эта система далека от совершенства, и довольно сложна. Уровень же районных и городских судов общей юрисдикции практически неспособен внедрять данный институт по причинам, приведённым далее.

Суды общей юрисдикции районного уровня не имели и не имеют ни материально-технического, ни кадрового оснащения для эффективной работы по рассмотрению дел с участием присяжных заседателей. Анализ первого опыта рассмотрения районными и городскими судами Новосибирской области, являющейся тестовым регионом, показал, что ряд существенных проблем [2, с. 14], возникающих как на стадии принятия решения о рассмотрении дела с участием присяжных, так на стадиях подготовки и собственно рассмотрения.

В теории суд присяжных заседателей — это своего рода идеальная модель осуществления справедливого правосудия, имеющая демократическое начало, соответствующая менталитету российского народа [1, с. 309], но на практике применения такого вида суда, возникает множество проблем.

В соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) на стадии ознакомления с материалами дела по уголовным делам, которые могут быть рассмотрены с участием суда присяжных, следователь обязан разъяснить обвиняемому право заявить ходатайство о применении данного порядка и его содержание. И хотя суд присяжных, согласно требований ст. 334 ч. 1 УПК РФ, может разрешать лишь вопросы о том имело ли место событие преступления, доказанности того, что деяние совершил подсудимый и виновности подсудимого в совершении преступления, халатное отношение со стороны лица, осуществляющего следствие к разъяснению положений закона [5, с. 68], а также юридическая неграмотность лиц, привлекаемых к ответственности, влекут за собой большое количество часто необоснованных ходатайств о рассмотрении дела с участием присяжных. Заявлению данных ходатайств способствует и мнение, что в процессе подсудимый и защитник смогут «надавить на жалость» «судей от народа», пусть и бездоказательно, но продемонстрировать, что следствие велось с обвинительным уклоном,

доказательства получены с нарушением закона, а подсудимый если уж и причастен к совершению преступления, то невиновен или заслуживает снисхождения.

При заявлении обвиняемым данного ходатайства вся дальнейшая нагрузка по его разрешению ложится на суд. На стадии обязательного предварительного слушания судья повторно разъясняет подсудимому порядок и последствия рассмотрения дела с участием присяжных, акцентирование внимания подсудимого и стороны защиты на полномочиях присяжных, пояснение, что все вопросы, касающиеся допустимости доказательств и методов следствия, рассматриваются в отсутствие присяжных, зачастую ведёт к отказу подсудимого от ранее заявленного ходатайства.

В случае если подсудимый настаивает на удовлетворении ходатайства, то начинается стадия подготовки состава суда к рассмотрению дела.

Если рассматривать эту модель осуществления правосудия изнутри, на взгляд сотрудника аппарата суда, который курирует подготовку дел данной категории, то здесь есть ряд проблем.

Начиная с первой стадии подготовки к рассмотрению уголовного дела с участием присяжных заседателей, сотрудник аппарата суда сталкивается с проблемой подбора кандидатов в присяжные заседатели. Списки кандидатов в присяжные заседатели, подготовленные органами местного самоуправления, представленные в суд, состоят из граждан, проживающих в данном субъекте и соответствующих требованиям закона. Здесь необходимо отметить, что в малых провинциальных городах довольно низкая численность населения, и естественно не все жители города могут подходить на роль кандидата в присяжные заседатели. Зачастую в списки попадают граждане, проживающие в близлежащих городах, что сразу делает проблематичной явку таких лиц в суд. Конечно, изначальный фильтр граждан попадающих в этот список отбирает дееспособных лиц в возрасте от 25 лет, не состоящих в наркологическом и психиатрическом диспансере и без судимости, но здесь не учитываются иные факторы, которые могут существенно повлиять на исход того или иного рассматриваемого уголовного дела.

Кроме того, лица, которые вошли в списки муниципального образования как кандидаты в присяжные заседатели, зачастую уклоняются от исполнения своего долга в осуществлении правосудия путём неявки по вызову, мотивируя свой отказ религиозными принципами, занятостью по работе/службе, либо иными

причинами, которые можно признать уважительными. В подавляющем большинстве ходатайства кандидатов в присяжные заседатели о невозможности их участия в отправлении правосудия удовлетворяются, поскольку стороны обвинения, защиты и суд понимают, что кандидат, заявивший подобное ходатайство, в дальнейшем может саботировать рассмотрение дела путём неявки, что повлечёт только затягивание судебного процесса.

Сотрудник аппарата суда, производящий отбор кандидатов в присяжные заседатели на начальном уровне, по средствам случайно выборки производимой программой ГАС «Правосудие» ПИ «Присяжные»¹ должен дополнительно проводить работу с каждым предложенным системой кандидатом, направленную на выяснение отказа от участия, причин неявки, либо заинтересованности в исходе дела, что также выбивает основную работу суда (сотрудника аппарата суда) из колеи. Стоит отметить, что программный продукт ГАС «Правосудие» ПИ «Присяжные» не может учитывать всех аспектов, необходимых для подбора независимых жюри присяжных, которые должны вынести справедливый вердикт по уголовному делу.

На данном этапе сотрудником аппарата суда проводится большая работа с кандидатами в присяжные заседатели. Если в полученном по средствам выборки предварительном списке имеются граждане, которые не могут быть в коллегии присяжных, сотрудник аппарата суда вручную удаляет фамилии этих граждан. После формирования предварительного списка программа автоматически формирует приглашения, подлежащие направлению кандидатам.

И здесь же возникает вторая проблема в работе с присяжными заседателями, явка по приглашению в суд зачастую не полная. И в связи с систематическими неявками кандидатов в присяжные заседатели процесс отбора может существенно затрудняться, повлиять на это сотрудник аппарата суда по большому счету не может, поскольку в современных реалиях довольно сложно собрать такое количество человек, кроме того, списки могут содержать не точные данные о кандидатах, в частности это может касаться смены места жительства, изменения иных данных, которые

¹ Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 № 161 (ред. от 28.10.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51699/ (дата обращения: 01.02.2021).

могут повлиять на результаты отбора и своевременного уведомления кандидатов.

Практически каждый гражданин, приглашенный в качестве кандидата в присяжные заседатели, задается вопросом — почему же именно его выбрали, и зачастую отказываются от участия в суде, либо сообщают по телефону о том, что не явятся в назначенный день, порой даже без уважительных на то причин просто по своим внутренним убеждениям. Многие граждане попросту боятся участвовать в суде в качестве присяжных, поскольку опасаются расправы с той или иной стороны, участвующей в деле.

Кроме того, граждане, являющиеся кандидатами в присяжные заседатели, не всегда осознают своего положения и роли в процессе осуществления правосудия в суде такого формата. Сотрудником аппарата суда производится регистрация прибывших кандидатов и беседа с ними, в которой разъясняются права и обязанности, а также порядок проведения отбора и самого судебного процесса.

Сотруднику суда необходимо максимально понятно и вежливо донести до гражданина о значимости данного процесса осуществления правосудия. Полагаем, чтобы в будущем максимально упростить данный процесс, а также повлиять на правосознание граждан, необходимо наиболее обширно в программе общеобразовательных учреждений обучать школьников юридической грамотности.

Что касается процесса формирования коллегии присяжных заседателей, то здесь уже выясняются обстоятельства для отвода того или иного кандидата. В малых городах люди говорят друг о друге: «я его знаю, либо я его знаю, но лично не знаком» следовательно, если кандидат в присяжные заседатели знаком лично или знает что-то о лице, обвиняемом в совершении преступления, либо о потерпевшем, то у него может сложиться определенная точка зрения по настоящему уголовному делу, причем как положительная, так и негативная, а также предвзятое мнение о причастности и виновности обвиняемого в рассматриваемом уголовном деле.

Кроме того, немалую роль играет освещение расследуемых уголовных дел в СМИ. Под СМИ подразумеваются также официальные интернет-порталы субъектов РФ, публикации в социальных сетях, либо по местному радио и телевидению, что также может сказаться на решении конкретного присяжного в рассмотрении дела и его окончательном вердикте.

Стоит учитывать, что данные слушания проводятся в открытых судебных заседаниях, то есть в суде могут присутствовать слушатели

со стороны обвиняемого, которые могут оказывать неправомерное влияние на присяжного заседателя вне стен суда.

Что касается материально-технического и кадрового обеспечения районных и городских судов, то известной «бедой» практически всех городских и районных судов является то, что здания, а иногда и помещения, в которых они размещены, были «приспособлены» для осуществления правосудия [3, с. 56]. Так, к примеру, в Свердловской области имеются Невьянский городской, Шалинский районный, Сосьвинский суды общей юрисдикции, у которых в своем распоряжении лишь один зал судебных заседаний, используемый судьями при необходимости по графику, и при заявлении обвиняемым/обвиняемыми ходатайства о рассмотрении уголовного дела коллегией присяжных заседателей, парализуется работа суда в целом. Сосьвинский суд вообще является одноставным. Теоретически данная проблема может быть разрешена путём создания «выездных сессий» районных судов, не укомплектованных надлежащим образом, на базе более крупных судов. Определённым резервом для разрешения данной проблемы могут являться площадки судов субъектов, специально спроектированных для рассмотрения уголовных дел, в том числе с участием присяжных.

Рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей, в среднем занимает 5 рабочих дней, и то, при условии явки всех лиц, участвующих в деле, в судебное заседание. В настоящее время и без того достаточно проблематично рассмотреть уголовное дело в общем порядке, поскольку как подсудимые, противодействуют суду, например: скрываются, либо являются в суд в состоянии опьянения, либо вообще допускают без уважительных причин неявку в судебное заседание, даже при оформлении в отношении них принудительного привода, тем самым затягивая процесс рассмотрения дела, так и сами потерпевшие, по сути — инициаторы судебного разбирательства, либо же свидетели допускают указанные ранее противодействия, направленные на затягивание рассмотрения дела по существу.

Здесь стоит отметить, что законодатель считает, что все граждане сознательны и не допускают неявок в суд без уважительной причины, в жизни же все абсолютно иначе, поэтому, в случае рассмотрения уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей, достаточно сложно сотруднику аппарата суда обеспечить полную явку как лиц, участвующих в деле, так и кандидатов/присяжных заседателей в один день, или же на все запланированные для слушания дела дни.

Что касается самого процесса рассмотрения уголовного дела коллегией присяжных заседателей, то стоит отметить, что в законодательстве имеются пробелы, в частности вопроса о снисхождении и о вынесении вердикта в целом.

Согласно ч. 1 ст. 348 УПК РФ, оправдательный вердикт является обязательным для судьи, и в данном случае должен быть постановлен лишь оправдательный приговор, данная формулировка «сковывает» полномочия судьи и лишает права внести законное и обоснованное решение. В этой связи и по аналогии с обвинительным вердиктом, необходимо дополнить ч. 1 ст. 348 УПК РФ и изложить следующим образом: «Оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей обязателен для председательствующего, за исключением случаев, когда имеются достаточные основания для постановления обвинительного приговора ввиду того, что установлено событие преступления, и/или доказано участие подсудимого в совершении преступления».

Также необходимо пересмотреть п. 5 ст. 343 УПК РФ, полагаем, что в случае, когда мнение присяжных о виновности подсудимого разделено поровну, то необходимо оставить разрешение данного вопроса председательствующему. Данная мера будет являться более правильной, поскольку профессиональный судья имеет познания в области права, учитывает все обстоятельства дела, в том числе вопрос о допустимости доказательств, детально исследует все нюансы данного уголовного дела, и может дать правовую оценку доказательствам и действиям лиц, участвующих в деле.

В части разрешения вопроса о снисхождении, стоит отметить, что законодатель не дает точного определения и не устанавливает границ данного понятия. Ввиду этого, необходимо точно сформулировать определение «снисхождения», а также установить критерии данного явления.

Снисхождение является милостью, но в Уголовно-процессуальном законодательстве данное определение не приемлемо, поскольку не имеет точного представления и определения этого самого «снисхождения», полагаю, что необходимо «снисхождение» приравнять к обстоятельствам смягчающим наказание, перечисленным в ст. 61 УПК РФ.

Наряду с установленными проблемами одной из немаловажных проблем в осуществлении деятельности судов, направленной на обеспечение судебного делопроизводства и правосудия в целом является финансирование. Бюджет, выделяемый на год, для судов на судопроизводство в целом, не только на суды

присяжных, является недостаточным настолько, что во втором полугодии сотрудникам аппарата суда, а также самим судьям приходится обеспечивать ресурсами свой состав и отдел делопроизводства, как минимум покупать расходные канцелярские материалы, а также предоставлять свою технику, не говоря уже о переоборудовании залов судебных заседаний для коллегии присяжных, и обеспечении необходимой мебелью залов для проведения консультаций с кандидатами в присяжные заседатели, а также для отдыха и совещания присяжных во время рассмотрения уголовного дела по существу. Как уже ранее отмечалось, не все суды общей юрисдикции имеют дополнительные помещения для размещения кандидатов в присяжные заседатели, а далее и самой коллегии присяжных заседателей.

Здесь же стоит отметить, что «работа» присяжных заседателей не является безвозмездной, и вопрос выплаты вознаграждения как кандидатам, так и самим присяжным заседателям является достаточно щепетильным. Довольно большое количество граждан в настоящее время являются самозанятыми, либо же трудоустроены не официально, в таких случаях они не могут предоставить сотруднику аппарата суда документы о среднедневной заработной плате, и фактически потеряют свой заработок в момент исполнения обязанностей «судьи», конечно им положено вознаграждение в размере $\frac{1}{2}$ от оклада судьи того суда, где рассматривается уголовное дело, пропорционально дням «отработанным» в суде, но эта сумма может быть значительно ниже той, что гражданин может заработать за это время, и в этой связи многие граждане отказываются от исполнения обязанностей присяжных заседателей. Данный вопрос также касается и индивидуальных предпринимателей.

Если говорить о кандидатах в присяжные заседатели либо о самих присяжных, кто по своей работе занимает высокооплачиваемые должности, например топ-менеджер в крупной компании, то здесь тоже необходимо учитывать, что Судебный Департамент на выплату вознаграждения такому лицу понесет колоссальные расходы.

Вопрос выплаты вознаграждения присяжным необходимо привести к единой сумме, по аналогии с установленными цифрами в вопросах оплаты защитников в суде, поскольку будет несправедливо уже по отношению к самим «судьям от народа», что кто-то получит одну сумму, а кто-то намного больше, хотя все они выполняют, по сути, равные обязанности.

Помимо явных проблем в области осуществления правосудия с участием присяжных

заседателей, имеются и статистические данные, которые подтверждают излишнее распространение института суда присяжных до уровня районных/городских судов.

Статистика по данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации говорит о сравнительно небольшом количестве дел, рассматриваемых в суде присяжных заседателей.

Так, в 2018 году поступило 398 уголовных дел с ходатайством о рассмотрении судом присяжных, но окончено было лишь 318 дел, из которых приговор вынесен по 280 делам, 2 уголовных дела прекращено, 28 дел возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а также 8 уголовных дел отправлено по подведомственности либо на новое рассмотрение с роспуском коллегии присяжных заседателей (ч. 5 ст. 348 УПК РФ)¹, таким образом, на каждый субъект РФ приходится 4,6 дел, рассматриваемых с участием присяжных в год. В 2019 году эти показатели по России были значительно выше: 724 уголовных дела поступило с ходатайством о рассмотрении в суде присяжных, 212 дел осталось с предыдущего отчетного периода (2018 года), окончено было всего 773 дела, в том числе постановлен приговор по 717 делам, 1 прекращено, 51 уголовное дело было возвращено в порядке ст. 237 УПК РФ, и в итоге на каждый субъект рассмотрел по 8,7 дел². Статистика 1-го полугодия 2020 года показывает динамику снижения количества дел: 285 уголовных дел были не окончены на начало года, в течение отчетного периода 308 дел

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.02.2021).

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.02.2021).

поступило, окончено всего 243 дела, из которых по 226 вынесен приговор, 1 прекращено, 14 дел возвращено прокурору для устранения недостатков в порядке ст. 237 УПК РФ, органам предварительного расследования с отказом в принятии или прекращении уголовного дела по ст. 446.2 УПК РФ, 2 дела отправлены на новое рассмотрение по ч. 5 ст. 348 УПК РФ³. Кроме того, стоит учитывать, что за первое полугодие 2020 года почти 90 % оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных, было отменено в апелляционном порядке.

Конечно, после 2018 года суд присяжных стал более популярным и доступным, поэтому в 2019 году резко увеличилось количество ходатайств о назначении рассмотрения дела судом присяжных, но после того, как стали известны данные о небольшом количестве оправдательных приговоров, а также об их отмене в апелляционных судах, количество ходатайств о том, чтобы обвиняемых отдали на суд народа, стало постепенно снижаться.

Заключение

Приведенные статистические данные говорят о малом количестве дел, с участием присяжных заседателей, тенденция рассмотрения таких дел идет на спад, что приводит к выводу об отсутствии необходимости реализации суда присяжных на уровне районных и городских судов РФ.

Таким образом, полагаем излишним расширением сферы применения суда присяжных заседателей до уровня судов районных и городских, поскольку, затраты как временные, кадровые, так и материально-технические являются довольно большими и не оправдываются сферой применения осуществления правосудия институтом присяжных.

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.02.2021).

Список литературы

1. Вискребцев, Б. С. Влияние социокультурной идентичности российского общества на формирование отечественного уголовно-процессуального законодательства и правовые позиции России в европейском суде по правам человека / Б. С. Вискребцев, А. Б. Сергеев // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 6 (145). — С. 307–310.
2. Медведев, С. В. Первый опыт рассмотрения районными судами дел с участием присяжных заседателей / С. В. Медведев // Законность. — 2019. — № 5. — С. 14–16.
3. Орлов, А. С. Организация осуществления правосудия присяжными заседателями в районных судах / А. С. Орлов // Российская юстиция. — 2017. — № 5. — С. 55–57.
4. Пашин, С. А. Становление правосудия : монография / С. А. Пашин. — Москва : Р. Валент, 2011. — 456 с.

5. Рябоконеv, С. И. Взаимосвязь качества противодействия преступности и уровня профессионального образования сотрудников органов внутренних дел (на примере досудебного производства) / С. И. Рябоконеv, А. Б. Сергеев // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 4 (50). — С. 65–73.

6. Сергеев, А. Б. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон / А. Б. Сергеев, А. Н. Савченко // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — № 19 (348). — С. 58–64.

References

1. Vyskrebtshev, B. S. Vliyaniye sotsiokulturnoy identichnosti rossiyskogo obshchestva na formirovaniye otechestvennogo ugolovno-protsessualnogo zakonodatelstva i pravovyye pozitsii Rossii v evropeyskom sude po pravam cheloveka / B. S. Vyskrebtshev, A. B. Sergeev // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2020. — № 6 (145). — С. 307–310.

2. Medvedev, S. V. Pervyy opyt rassmotreniya rayonnyimi sudami del s uchastiem prisvyazhnykh zasedateley / S. V. Medvedev // Zakonnost. — 2019. — № 5. — С. 14–16.

3. Orlov, A. S. Organizatsiya osushchestvleniya pravosudiya prisvyazhnym zasedatelyami v rayonnykh sudakh / A. S. Orlov // Rossiyskaya yustitsiya. — 2017. — № 5. — С. 55–57.

4. Pashin, S. A. Stanovlenie pravosudiya : monografiya / S. A. Pashin. — Moskva : R. Valent, 2011. — 456 s.

5. Ryabokonev, S. I. Vzaimosvyaz kachestva protivodeystviya prestupnosti i urovnya professionalnogo obrazovaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del (na primere dosudebnogo proizvodstva) / S. I. Ryabokonev, A. B. Sergeev // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2019. — № 4 (50). — С. 65–73.

6. Sergeev, A. B. O moralnoy i pravovoy spravedlivosti pri rassmotrenii sudami voprosa o vozmozhnosti prekrashcheniya ugolovnogo dela v svyazi s primireniem storon / A. B. Sergeev, A. N. Savchenko // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. — 2014. — № 19 (348). — С. 58–64.

Дата поступления статьи: 10.02.2021.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ) ДАННЫХ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Рудаков Б. В.

*Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: rudakovbv@susu.ru.*

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования цифровых данных, хранящихся и циркулирующих в информационных телекоммуникационных системах, в ходе производства следственных действий и их дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовным делам. Проводится анализ основных проблем использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам и пути их преодоления, учитывая особенности широкого спектра цифровой информации в современных условиях, а также рассматриваются проблемы, сопряженные с изъятием цифровой информации из компьютерных хранилищ.

Ключевые слова: цифровые данные, электронные данные, документ, цифровые доказательства, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Рудаков, Б. В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам / Б. В. Рудаков // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 65–71.

ON THE ISSUE OF THE USE OF DIGITAL (ELECTRONIC) DATA IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

B. V. Rudakov

*South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: rudakovbv@susu.ru.*

Abstract. The article is devoted to the problems of using digital data stored and circulating in information telecommunication systems during investigative actions and their further use as evidence in criminal cases. The analysis of the main problems of the use of digital (electronic) data in evidence in criminal cases and ways to overcome them, taking into account the features of a wide range of digital information in modern conditions, is also considered the problems associated with the removal of digital information from computer storages.

Keywords: digital data, electronic data, document, digital evidence, criminal proceedings.

For citation: Rudakov, B. V. On the Issue of the Use of Digital (Electronic) Data in Evidence in Criminal Cases. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 65–71. (In Russ.)

Введение

Компьютерная техника, современные телекоммуникационные технологии и, в целом, информация, представленная в цифровом (электронном) виде стали органичными составляющими современной жизни. Как и прочие достижения научного прогресса, компьютерные технологии, основанные на цифровой информации, используются не только во благо человека, общества и государства, но и для

совершения преступлений. Спектр криминальных проявлений, использующих возможности современных компьютерных технологий, так же достаточно широк.

Компьютеры, информационные сетевые технологии и электронная информация в настоящее время являются рутинными элементами повседневной действительности.

Процессы информатизации развиваются в современном мире с чрезвычайной скоростью,

что, наряду с глобализацией, приводит к существенным качественным изменениям практически всех сторон деятельности человека. Бурное развитие информационных технологий привело к образованию нового виртуального информационного пространства. Такой мощный процесс не мог не оказать влияние и на преступную деятельность, как объективную составляющую социума.

Современных преступников в глобальной информатизации привлекает множество ее особенностей, не нашедших пока отражения в законодательстве.

Так, в настоящее время существующее информационное пространство фактически не имеет границ, постольку может находиться под юрисдикцией какого-либо одного государства лишь частично [3, с. 55], постольку, поскольку на территории конкретного государства находится оборудование, осуществляющее обработку, накопление и передачу информации. Сама же информация передается практически глобально, быстро и без ограничений. Соответственно, преступники получают возможность осуществлять удаленную и, как правило, достаточно стойко зашифрованную связь между соучастниками, находящимися, порой, в различных государствах, что привело в настоящее время к сильнейшему росту количества и массовости экстремистских движений, трудно контролируемый правоохранительными органами оборот денежных средств, полученных преступным путем, возможность реализации наркотических средств и т. п. [10, с. 199]

Описание исследования

Явление информатизации находит отражение и в деятельности по противодействию преступности. Электронные носители информации были включены в Уголовно-процессуальный закон России как новый вид вещественных доказательств¹. Как и любое явление, информатизация общества несет в себе две единичных противоположности.

С одной стороны, цифровые данные образуют, как правило, электронные следы, которые позволяют судить о совершении человеком различных действий с материальными устройствами в информационном пространстве [9, с. 25]. Практика правоохранительной деятельности свидетельствует о том, что работа с такими следами позволяет эффективно выяснить объективную истину по уголовным делам. К электронным следам можно отнести

также видеофиксацию расследуемого (фиксируемого) события (его приготовления, совершения или сокрытия), которую можно получить с различных устройств фиксации видеоизображения (автомобильных видеорегистраторов, камер видеонаблюдения, цифровые фотоснимки и видео-, аудиозапись смартфонов и видео-фотокамер, GPS-навигаторов, информацию, сохраненную в памяти различных электронных устройств (терминалы платежных систем банков, паркоматов электронные валидаторы городского транспорта, коммунальных и иных услуг и др. [1; 8, с. 301].

С другой стороны, работа с классическими вещественными доказательствами преступной деятельности прошла достаточно длительный период совершенствования, нашла достаточно полное отражение в процессуальных нормах права и продолжает гармонично развиваться, используя современные достижения науки и техники.

Отличие от «классических» вещественных доказательств, цифровые данные по своей природе виртуальны, могут быть изменены (уничтожены, созданы), и на настоящем этапе развития наук и технологий зачастую не позволяют с достаточной для доказательственной степени объективности выявить и зафиксировать следы таких воздействий и вызывают достаточно обоснованные сомнения в достоверности полученной цифровой информации.

Объективная реальность такова, что в настоящее время законодатель в сфере совершенствования уголовно-процессуального законодательства практически не успевает за развитием информационных технологий. Своевременное определение проблем и отыскание возможных вариантов их преодоления в данном направлении становится как некогда актуальным [6].

Несмотря на то, что в последнее время наблюдается существенный рост активности законодателя в разработке норм, регулирующих получение, собирание и хранение цифровых доказательств, в рассматриваемом направлении остается множество неразрешенных практических вопросов.

Так, несмотря на то, что в настоящее время цифровая информация может существовать не только в электронном виде, уголовно-процессуальный закон ограничивается только более узким определением «электронный носитель информации» (п. 5 ст. 82 УПК РФ)² в контексте особенностей хранения такого вида носителя информации.

¹ О внесении изменений в УПК РФ : Федер. закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.01.2021).

Сам по себе электронный носитель информации, не заполненный электронной информацией достаточно редко может являться доказательством как таковым — интерес, как правило, представляет именно хранимая на нем информация. Проблемой может явиться и само значение термина «электронный», поскольку, например, на оптическом диске информация хранится строго говоря не в электронной форме, а при бурном развитии технологий кроме электронной формы могут возникнуть и множество других способов хранения информации, основанные на иных явлениях и процессах, не имеющих отношения к электронной форме существования информации.

Проблема ограничения понятия «электронный» в определенной степени решена в Типовом законе ЮНСИТРАЛ¹ об электронной торговле, одобренного 16 декабря 1996 г. Резолюцией 51/162 на 85-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, в котором в ст. 2 для обозначения подобного рода информационных источников используется термин «datamessage», который можно перевести как «информационное сообщение» (в оригинале перевода используется не совсем удачный для русской стилистики вариант «сообщение данных») и определяется как «информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными, электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими»².

Таким образом, представляется целесообразным в свете современных тенденций развития технологий, вместо понятия «электронная информация» использовать термин «машинная информация», а термин «электронный носитель информации» заменить на «машинный носитель информации» как более универсальный³.

Процедура получения электронных доказательств с различных устройств обработки, накопления и хранения цифровой (электронной) информации так же может содержать ряд правовых проблем.

¹ Комиссия ООН по праву международной торговли ЮНСИТРАЛ (англ. United Nations Commission on International Trade Law).

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию // United Nations Commission On International Trade Law : [сайт]. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/05-89452_Ebook.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

³ Далее в статье для исключения разночтений будет использоваться принятый термин «электронный» вместо «машинный».

Согласно п. 2 части 1 статьи 164 УПК РФ «...Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста».

В настоящее время обращение с простыми электронными носителями информации в виде, например, флеш-накопителей является практически бытовым навыком и, по-видимому, уже доступно такому достаточно образованному человеку как обычный эксперт-криминалист или сам следователь. Загруженность следователей в настоящее время достаточно велика, а привлечение специалиста для работы с простыми электронными носителями информации потребует от организатора следственного действия дополнительных организационных усилий. На современном этапе развития информационного общества оценивать риск утери или изменения данных электронных носителей в простейших типичных следственных ситуациях вполне может сам следователь, и только при необходимости принимать решение о привлечении к следственным действиям соответствующего специалиста, руководствуясь ограничениями ст. 164.1. УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий»⁴. Таким образом, предлагается исключить из п. 2 ч. 1 статьи 164 УПК РФ «...Электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста» и в случаях, не требующих наличия глубоких специальных познаний, изъятие электронных носителей информации можно производить в отсутствие специалиста.

Другая проблема работы с цифровыми данными возникает в ситуации, когда носитель информации (например, сервер) находится вне территории, непосредственно доступной следователю для проведения изъятия информации в рамках классических видов необходимых для этого следственных действий (осмотр, обыск, выемка). Возможное решение проблемы — направление поручения в соответствующие территориальные следственные подразделения, как правило потребует значительного времени, что сопрягается с возможной потерей необходимой информации из-за возможного намеренного противодействия либо динамики изменения данных работающих устройств обработки информации.

Решением проблемы получения информации с удаленного источника в перспективе могли бы стать варианты развития и введения

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

в процессуальную практику такого вида следственного действия, как дистанционное получение компьютерной (машинной) информации. Данный подход потребует, безусловно, проработки значительного количества процессуальных деталей, внедрения в процессуальную практику специальных элементов электронного делопроизводства и преодоления инертности осторожного в технических новациях законодателя. К сожалению, к настоящему времени даже попытки внедрения в процессуальную практику дистанционного проведения таких, относительно простых в оценке участниками процесса следственных действий, как допрос, предъявление для опознания и т. п. пока отвергается законодателем [5, с. 108].

В пользу возможности в будущем процессуальной реализации дистанционного получения компьютерной информации следует отметить, что такое действие возможно посредством доступа к интересующей информации с компьютера, оснащенного специальным программным обеспечением, управляемого специалистом. При этом достаточно давно существуют и используются в оперативной практике программно-аппаратные средства, позволяющие объективно фиксировать весь спектр необходимых для доказывания данных в отношении получаемых дистанционно информации. По сути, при получении удаленного доступа к интересующему накопителю информации создается программно-аппаратный комплекс, в котором роль интерфейса выполняет компьютер специалиста, а один из носителей данных находится на удалении, но физически связан с интерфейсом. Насколько принципиальным в процессуальном плане является физическая длина проводника между интерфейсом и накопителем интересующей информации? Следует учесть, что и при обычных следственных действиях рабочая станция, управляющая сервером с массивом жестких дисков, содержащих изымаемые данные, может находиться в разных с ним помещениях и соединяться с ним достаточно сложными и физически достаточно длинными каналами передачи данных. С какой дистанции удаления одного компонента от другого в данном случае станет невозможным проведение классических следственных действий, ставящих целью получение компьютерной информации? Для решения подобной проблемы следует учитывать возможности оперативно-розыскной деятельности, в рамках которой с 2019 года¹

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 11.01.2021).

был вестен такой вид оперативно-розыскного мероприятия как Получение компьютерной информации. При решении вопросов санкционирования таких мероприятий так же следует учитывать, что в момент доступа к интересующей информации специалист и программно-аппаратный комплекс (т. е. по количеству компонентов большая часть системы) будет локализован в пространстве под юрисдикцией конкретных судебных властей и только носитель информации — на удалении.

Полученные в результате оперативно-розыскного мероприятия результаты в дальнейшем будут предоставляться органам дознания, следователю или в суд в соответствии с процедурой, установленной Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд².

Возможности развития процессуальных действий с целью дистанционного получения компьютерной информации открывает Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185, в соответствии с которой «в случае, когда компетентные органы производят обыск или получают аналогичный доступ к определенной компьютерной системе или ее части... и имеют основания полагать, что искомые данные хранятся в другой компьютерной системе или ее части..., и когда такие данные на законном основании могут быть получены из первой системы или с ее помощью, такие органы имели возможность оперативно распространить производимый обыск или иной аналогичный доступ на другую систему» (ст. 19)³. Присоединение России к этой конвенции и внесение соответствующих изменений в УПК позволило бы значительно оперативней противодействовать киберпреступности, особенно учитывая, что значительное количество интересующих правоохранительных органы данных хранится на серверах, расположенных за рубежом,

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70531824/> (дата обращения: 11.01.2021).

³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13526#0758338112987414> (дата обращения 11.01.2021).

а так же в физически распределенных облачных хранилищах на которых проведение классических следственных действий либо крайне затруднено, либо в рамках существующих правовых норм и состояния международных взаимоотношений невозможно¹.

В связи с актуальностью рассматриваемой проблемы предлагались возможные пути ее решения посредством внедрения в уголовный процесс такого следственного действия как «обыск посредством удаленного доступа» [4, с. 87].

В качестве одного из аргументов против внедрения в практику «обыска посредством удаленного доступа» приводится то, что в отличие от классического обыска не происходит изъятия самого исходного материального носителя информации, а только лишь копирование информации с него, что, по мнению оппонентов, неминуемо приводит к модификации исходных данных, и, как следствие, утрате ими доказательственного значения. Но ведь и в ходе ставшей классической фиксации обстановки в ходе проведения следственных действий на фотопленку с последующей печатью с нее фотографий на основе фотохимического процесса так же происходит определенная модификация и потеря информации (изменение параметров контрастности, цветности, потеря определенных деталей в следствии ограничения разрешающей способности и т. п.). Тем не менее не предлагается представлять суду саму обстановку на месте следственного действия, а ограничиваются фотографиями. Таким образом, основной проблемой внедрения в практику «обыска посредством удаленного доступа» являются сомнения в полноте достоверности получаемой в результате его проведения информации. В этой связи предлагается для проведения «обыска посредством удаленного доступа» разработать и применять специально разработанное, прошедшее государственную сертификацию программно-аппаратное обеспечение, методике действий и подготовленного и сертифицированного специалиста, которые сведут к допустимому минимуму искажение получаемой информации.

Проблема укрепления степени достоверности представляемой в уголовном процессе информации может быть в значительной степени решена техническими способами.

¹ Карташов И. И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 155. С. 23–25. URL: <http://cscb.su/n/0115s01/0115s01008.htm> (дата обращения 11.01.2021).

Современное состояние развития информационных технологий дает возможность аутентификации электронной (цифровой) информации с помощью электронной цифровой подписи², которая в соответствии с действующим законодательством обладает юридической силой³.

Электронная цифровая подпись — это реквизит электронного документа, полученный в результате криптографического преобразования информации (ее шифрования с использованием специального программно-аппаратного обеспечения), позволяющий проверить отсутствие изменения информации (целостности), в электронном документе после формирования электронной подписи под электронным документом, принадлежность подписи владельцу (авторство), а в случае успешной идентификации подписи подтвердить сам факт подписания электронного документа (неотказуемость). Таким образом, сформированная электронная цифровая подпись связана как с автором, так и с самим документом с помощью криптографических методов, и не может быть подделана с помощью обычного копирования, а документ изменен после его подписания.

Встраивание в специальные технические средства специализированных программно-аппаратных компонентов с уникальными неизменяемыми электронными цифровыми подписями, привязанными к конкретному устройству, и, соответственно, к формируемой в результате его применения цифровой (электронной) информации наряду с использованием персональной электронной цифровой подписи лицом, проводящим следственное действие, при соответствующем организационном и нормативном обеспечении может в значительной степени решить проблему обеспечения достоверности и допустимости фиксируемой цифровой (электронной) информации [7, с. 50], которую в последующем предполагается использовать в доказывании по уголовным делам.

За рубежом уже достаточно давно внедряются и апробируются методы работы с электронными (цифровыми) материалами

² Информационная технология Криптографическая защита информации. Процессы формирования и проверки электронной цифровой подписи: ГОСТ Р 34.10-2012 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-34-10-2012> (дата обращения 11.01.2021).

³ Об электронной подписи : Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 11.01.2021).

в качестве доказательств [2; 11, с. 137]^{1,2,3}, даже в таких далеких странах, как Занзибар⁴.

¹ Bazin, Philippe. (2008). An Outline of the French Law on Digital Evidence. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, Vol. 5, pp. 179–182. URL: <http://sas-space.sas.ac.uk/5543/1/1864-2592-1-SM.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

² Jolita Kančauskienė. Computer forensics and electronic evidence in criminal legal proceedings: Lithuania's experience. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, 2019, Vol. 16, pp. 11–24. URL: <https://journals.sas.ac.uk/deeslr/article/view/5015/4932> (дата обращения: 11.01.2021).

³ Киберпреступность. Модуль 4 введение в цифровую криминалистику // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) : [сайт]. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime_Module_4_Introduction_to_Digital_Forensics_RU.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

⁴ Makulilo, A. B. The admissibility and authentication of digital evidence in Zanzibar under the new Evidence Act. *Digital Evidence and Electronic Signature Law Review*, 2018,

Заключение

Следует признать, что современные процессы информатизации общества однозначно ведут к практически полному отказу в ближайшем будущем от делопроизводства на бумажных носителях как следствие реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁵. Очевидно, что в весьма недалеком будущем процессуальное делопроизводство столкнется с проблемой необходимости отказа от документов на бумажных носителях и перехода к фиксации доказательственной информации в форме электронных (цифровых) документов, включая аудио-, фото-, видеоматериалы в цифровом формате. Vol. 15, pp. 48–59. URL: journals.sas.ac.uk/deeslr/article/view/4895/4843 (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения 16.01.2020).

Список литературы

1. Зуев, С. В. Цифровое видеопроколирование в расследовании преступлений: проблемы и перспективы / С. В. Зуев // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 22 мая 2020 г.) / под редакцией Д. В. Бахтеева. — Екатеринбург : УрГЮУ, 2020. — С. 461–464.
2. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран : монография / Д. В. Балашов [и др.] ; под ред. С. В. Зуева. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 216 с.
3. Искевич, И. С. Актуальные проблемы определения юрисдикции при расследовании преступлений в информационном пространстве: международно-правовой аспект / И. С. Искевич, М. Н. Кочеткова, А. М. Попов // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2016. — № 4. — С. 54–58.
4. Ищенко, Е. П. О криминалистике и не только : избранные труды / Е. П. Ищенко. — Москва : Проспект, 2016 — 528 с.
5. Овчинникова, О. В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы / О. В. Овчинникова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 1 (47). — С. 108–116.
6. Основы теории электронных доказательств : коллективная монография / А. Н. Балашов [и др.] ; под ред. С. В. Зуева. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 400 с.
7. Рудаков, Б. В. Проблемы использования материалов видео- и звукозаписи, полученных во внепроцессуальном порядке, для формирования доказательственной базы / Б. В. Рудаков // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2014. — № 2 (3). — 2014. — С. 48–52.
8. Скобелин, С. Ю. Современные возможности «электронных» следов в раскрытии и расследовании преступлений / С. Ю. Скобелин // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Орел, 29 мая 2015 г.). — Орел : Орловский юрид. ин-т МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 2015. — С. 301–305).
9. Смушкин, А. Б. Виртуальные следы в криминалистике / А. Б. Смушкин // Законность. — 2012. — № 8. — С. 23–28.
10. Чернышов, В. Н. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств / В. Н. Чернышов, Е. С. Лоскутова // Социально-экономические явления и процессы. — 2017. — Т. 12, № 5. — С. 199–203.
11. Biasiotti, M. A., Mifsud Bonnici, J. P., Cannataci, J., Turchi, F. (eds.). *Handling and Exchanging Electronic Evidence Across Europe*. Springer, 2018, 420 p.

References

1. Zuev, S. V. Tsifrovoye videoprotokolirovaniye v rassledovanii prestupleniy: problemy i perspektivy / S. V. Zuev // Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii : materialy Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy

konferentsii (Yekaterinburg, 22 maya 2020 g.) / pod redaktsiey D. V. Bakhteeva. — Yekaterinburg : UrGYuU, 2020. — S. 461–464.

2. Informatsionnye tekhnologii v ugovnom protsesse zarubezhnykh stran : monografiya / D. V. Balashov [i dr.] ; pod red. S. V. Zueva. — Moskva : Yurlitinform, 2020. — 216 s.

3. Iskevich, I. S. Aktualnye problemy opredeleniya yurisdiktsii pri rassledovanii prestupleniy v informatsionnom prostranstve: mezhdunarodno-pravovoy aspekt / I. S. Iskevich, M. N. Kochetkova, A. M. Popov // Problemy pravookhranitelnoy deyatel'nosti. — 2016. — № 4. — S. 54–58.

4. Ishchenko, Ye. P. O kriminalistike i ne tolko : izbrannyye trudy / Ye. P. Ishchenko. — Moskva : Prospekt, 2016 — 528 s.

5. Ovchinnikova, O. V. Distanttsionnye sledstvennye deystviya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy / O. V. Ovchinnikova // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2019. — № 1 (47). — S. 108–116.

6. Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv : kollektivnaya monografiya / A. N. Balashov [i dr.] ; pod red. S. V. Zueva. — Moskva : Yurlitinform, 2019. — 400 s.

7. Rudakov, B. V. Problemy ispolzovaniya materialov video- i zvukozapisi, poluchennykh vo vneprotsessualnom poryadke, dlya formirovaniya dokazatel'svennoy bazy / B. V. Rudakov // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. — 2014. — № 2 (3). — 2014. — S. 48–52.

8. Skobelin, S. Yu. Sovremennyye vozmozhnosti «elektronnykh» sledov v raskrytii i rassledovanii prestupleniy / S. Yu. Skobelin // Uголовно-protsessualnye i kriminalisticheskie problemy borby s prestupnostyu : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Orel, 29 maya 2015 g.). — Orel : Orlovskiy yurid. in-t MVD RF im. V. V. Lukyanova, 2015. — S. 301–305).

9. Smushkin, A. B. Virtualnye sledy v kriminalistike / A. B. Smushkin // Zakonnost. — 2012. — № 8. — С. 23–28.

10. Chernyshov, V. N. Problemy sobiraniya i ispolzovaniya tsifrovyykh dokazatel'stv / V. N. Chernyshov, Ye. S. Loskutova // Sotsialno- ekonomicheskie yavleniya i protsessy. — 2017. — T. 12, № 5. — S. 199–203.

11. Biasiotti, M. A., Mifsud Bonnici, J. P., Cannataci, J., Turchi, F. (eds.). *Handling and Exchanging Electronic Evidence Across Europe*. Springer, 2018, 420 p.

Дата поступления статьи: 14.01.2021.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.9

С. 72–78

ГЕНЕЗИС ОПАСНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ — БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА И МЕРЫ ПО ЕГО ПРОФИЛАКТИКЕ

Кобец П. Н.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: pkobets37@rambler.ru.

Аннотация. В современных условиях исследование проблем биологического терроризма крайне необходимо. Общество должно ясно осознавать, что из себя представляет такое явление, как биотерроризм, поскольку непредсказуемые последствия и отсутствие границ его проявления может вызвать настоящую катастрофу. С этой целью автором исследован генезис и опасность биологического терроризма. Методологической основой исследования выступил анализ, синтез, частнонаучные методы, в том числе исторический. В процессе исследования автором доказано, что применение биологического оружия террористами может оказать наибольшее воздействие, чем использование ядерного и химического оружия. Биологические агенты обладают гибкостью, самораспространением, высокой результативностью, огромным психологическим воздействием на население, в этой связи существует необходимость проведения крупного исследования рассматриваемого феномена, с целью разработки комплекса мер по его противодействию. Новизной отличаются ряд современных характеристик биотерроризма и его предупредительных мер.

Ключевые слова: террористические угрозы, разновидности терроризма, генезис биотерроризма, биологическое оружие, биотеррористическая преступность, биомедицина, биотехнология.

Для цитирования: Кобец, П. Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы — биологического терроризма и меры по его профилактике / П. Н. Кобец // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 72–78.

THE GENESIS OF A DANGEROUS TYPE OF TERRORIST THREAT — BIOLOGICAL TERRORISM AND MEASURES TO PREVENT IT

P. N. Kobets

National Research Institute

of the Ministry of Interior of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

E-mail: pkobets37@rambler.ru.

Abstract. In modern conditions, the study of the problems of biological terrorism is extremely necessary. Society should clearly understand what such a phenomenon as bioterrorism is, since unpredictable consequences and the lack of boundaries of its manifestation can cause a real catastrophe. To this end, the author has investigated the genesis and danger of biological terrorism. The methodological basis of the research is analysis, synthesis, and private scientific methods, including historical ones. In the course of the study, the author proved that the use of biological weapons by terrorists can have a greater impact than the use of nuclear and chemical weapons. Biological agents have flexibility, self-propagation, high efficiency, and a huge psychological impact on the population. In this regard, there is a need to conduct a major study of the phenomenon under consideration, in order to develop a set of measures to counteract it. A number of modern characteristics of bioterrorism and its preventive measures are new.

Keywords: terrorist threats, types of terrorism, the genesis of bioterrorism, biological weapons, bioterrorist crime, biomedicine, biotechnology.

For citation: Kobets, P. N. The Genesis of a Dangerous Type of Terrorist Threat — Biological Terrorism and Measures to Prevent It. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 72–78. (In Russ.)

Введение

Современное цивилизационное развитие свидетельствует о возможных широкомасштабных террористических атаках [8, с. 55]. Поскольку сегодня угрозы, связанные с биологическим терроризмом, становятся не только потенциально опасными, но и реальными в целях успешного противодействия рассматриваемому феномену, необходимо исследование его генезиса и мер профилактики.

Исследования, связанные с изготовлением биологического оружия, были начаты в XIX столетии, при достижении человечеством определенных знаний о патогенных микроорганизмах. И, несмотря на ряд многочисленных исторических свидетельств использования биологического оружия, до конца первой трети XX столетия его систематической разработки не было. В начале XXI столетия для всего мирового сообщества стала очевидна возможность применения в террористических целях биологических компонентов, которые могут встроиться в клетки человеческого организма, выработать яд и их убивать. Самая опасная угроза таких биологических компонентов состоит в том, что создаваемые вирусы могут выбирать отдельные человеческие группы и даже популяции в целях направленного биологического воздействия на них, а также обладают длительным латентным периодом [10, с. 419].

Материалы и методы

Представленное исследование посвящается анализу генезиса биологического терроризма, необходимости его противодействия и мерам по его предупреждению с акцентом на криминологически значимые последствия, прежде всего, такие крупные, которые уже имели место быть за рубежом. В целях исследования обозначенных научных вопросов, автором были проанализированы отечественные и зарубежные источники специальной литературы, посвященные рассматриваемой проблематике. В частности, научные статьи, специально посвященные предотвращению террористических актов с применением биологического оружия. Основная часть источников была подготовлена в течение последних пяти лет. Предпочтение было отдано данному корпусу научных исследований, поскольку в них, как правило, были рассмотрены не только, отдельные понятия, вопросы безопасности общества,

но и необходимость принятия разработки продуктивных мер по предупреждению биологического терроризма. Методологической базой исследования стали методы анализа, синтеза, частнонаучные методы, в том числе исторический, кроме того, ряд англоязычных и отечественных источников были обработаны методом контент-анализа.

Обсуждение проблемы

По мнению известной американской писательницы — историка древней науки и классического фольклориста Адрина Мэйор использование биохимического оружия обладает глубокими корнями. Ее книга «Греческий огонь, ядовитые стрелы и бомбы Скорпиона: биологическая и химическая война в Древнем мире», посвященная истокам биологической и химической войны, раскрыла древние корни ядовитого оружия и тактики. Эта книга рассказывает о самых ранних примерах биологического оружия. Как полагает Адрин Мэйор жертвами биохимической войны могли быть известные исторические личности, к которым она относит Ганнибала, Цезаря и др.¹

При Александре Македонском во время военных действий в целях воспрепятствования употреблению для питьевых нужд колодезной воды, в них бросались человеческие и животные трупы, зараженные оспой, чумой и иными инфекционными заболеваниями [7, с. 143]. Зараженные трупы могли забрасываться и на территорию осаждаемых крепостей и замков при помощи катапульта. Как, например, во время осады Каффы — современной Феодосии в 1346 г. через крепостные стены катапульты перебрасывались человеческие останки, зараженные чумой [15, с. 15].

Бесконечно сопровождавшие военные действия эпидемиологические вспышки, порою могли причинять намного значимый и невосполнимый ущерб и даже иметь значение при решении исхода отдельных битв и войн. Как например, эпидемия чумы послужила одним из факторов, обусловивших поражение Ближневосточных крестовых походов. Разнообразные эпидемии могли убивать до половины живой силы противника.

¹ Mayor, A. *Greek Fire, Poison Arrows & Scorpion Bombs: Biological and Chemical Warfare in the Ancient World*. Harry N. Abrams Publ., 2003. UPL: <https://b-ok.cc/book/2282999/13ce50> (дата обращения: 22.02.2021).

На территории Северной Америки британские военнослужащие практиковали раздачу одеял больных натуральной оспой солдат, американским индейцам, тем самым вызывая у них вспышку эпидемии. Во время военных действия франко-индийской войны 1754–1767 гг., также применялся вирус натуральной оспы. Во время первой мировой войны вооруженными силами Германии использовались споры сибирской язвы и возбудителя холеры, вынашивались цели широкомасштабного использования биологического оружия при наступательных операциях. А также в 1915 г. немецкими военными была предпринята попытка вызова эпидемии в г. Петрограде, с целью деморализации российских военных, и тем самым не позволить им использовать наступательные действия [13, с. 9].

Активной разработкой по созданию биологического оружия с использованием боевых биологических агентов во второй половине 1930-х годов занимались японские ученые. По мнению японского императора Хирохито, войну можно было выиграть при помощи научных исследований, посредством создания мощнейшего биологического оружия [16, с. 96]. Вооруженными силами Японии рассматривалась возможность использования биологического оружия на территории Советского Союза. Но, несмотря на определенные их достижения, при разработке рассматриваемого вида оружия ими не был достигнут уровень позволявший применять такой вид вооружения. Во время Второй мировой войны японские военные проводили опыты по использованию биооружия. На территории оккупированной Маньчжурии функционировали крупные японские научно-исследовательские центры, и ряд опытных полигонов, на которых испытывались биологические средства [2, с. 28]. Широкую известность получили и ряд других фактов по преднамеренному распространению японскими милитаристами возбудителей инфекционных заболеваний. Одним из самых ярких примеров в истории биологического терроризма может представлять история «Отряда 731», который функционировал в 1932–1945 гг. в японских вооруженных силах и занимался исследованием сферы биологического оружия. Специалисты этого отряда производили опыты на военнопленных, прививая им культуры живых бактерий чумы, холеры, тифа, дизентерии, сифилиса [4, с. 45].

В соответствии с данными полученными американскими исследователями в 1994 г., после окончания Первой мировой войны было зафиксировано свыше 244 фактов использования биологического и химического оружия. В дальнейшем исследователи идентифицировали

порядка 110 случаев, при которых террористами использовалось, приобреталось, проводилась угроза, или был проявлен интерес к биологическому оружию [6, с. 129].

В 1984 г. в США в штате Орегон зафиксировали случай биологического терроризма, который был совершен членами одной из религиозных сект «Раджнишис» пытавшихся повлиять на ход местных выборов. Членами этой секты была отравлена ресторанный пища бактериями сальмонеллы (микроорганизмы вызывающие тяжелые заболевания сальмонеллез, брюшной тиф и др.) в результате этих действий пострадали 753 человека [14, с. 24]. В 1991 г. в США был установлен еще один случай применения патогенных биологических агентов экстремистской группой «Патриотический совет», которая намеревалась использовать в отношении сотрудников правоохранительных органов фитотоксин — рицин (разновидность белкового яда). Попытка акта биологического терроризма была пресечена, что позволило не допустить отравление более ста человек [17, с. 86].

В 2001 г. отдельные случаи заболевания сибирской язвой были отмечены в США, по некоторым предположениям эти заболевания были вызваны сознательно [9, с. 53]. Кроме того, несколько писем, пропитанных инфекцией сибирской язвы, одновременно были доставлены в офисы ряд средств массовой информации и Конгресс США. В результате этих событий погибли пять человек [18, р. 3358]. В процессе работы после совершенного террористического акта, выявили около 10 тысяч человек, которые были заражены возбудителем заболевания и назначили им экстренное профилактическое лечение [1, с. 23].

Совершенный в 2001 г. в США террористический акт посредством отправления в почтовой корреспонденции патогенными биологическими агентами вызвал панический страх американских граждан к любым почтовым отправлениям. В стране был зафиксирован невиданный спрос на приобретение всевозможных защитных и лекарственных средств. Около 20 тысяч граждан стали принимать антибиотики без назначения врача, в связи с опасениями заболеть сибирской язвой. Небывалый страх американского населения был обусловлен не только террористической атакой биотеррористов, но и тем, что система общественного здравоохранения оказалась не готова к террористической атаке, и продемонстрировала перенапряжение [19, с. 492].

Вне всякого сомнения, фактов биологического терроризма было гораздо больше, чем их фиксировали, поскольку непросто отследить

причинно-следственную связь между террористической атакой и внезапно возникшими резонансными инфекционными эпидемиями, которые породили различные виды гриппа, атипичную пневмонию и др. В этой связи также можно отметить, что специалисты не всегда могут выявить разновидность биотерроризма. Наглядным примером могут служить факты применения биотерроризма в аграрной сфере, которые предполагают использование различных компонентов биооружия в отношении сельскохозяйственных предприятий [5, с. 11].

Пути решения проблемы

В новом тысячелетии мы можем наблюдать значительный структурный сдвиг в научно-технической сфере, и в области биоинженерии. С каждым годом мировым сообществом все отчетливее осознается опасность применения террористами биологических средств поражения. И несмотря на то, что сегодня еще недостаточно хорошо развита теоретическая и правовая основа противодействия этому общественно-опасному явлению, специальные службы и правоохранительные органы многих стран предпринимают серьезные меры и усилия, направленные на противодействие распространению и попаданию террористическим организациям биологических средств массового поражения.

Уже не секрет, что террористы все больше проявляют интерес к различным средствам массового поражения. Заинтересованность террористических организаций и отдельных лиц к новым достижениям современной биологической медицины, дает основание задуматься о выделении в отдельную отрасль биологического терроризма. При этом активно мониторить рассматриваемый вид терроризма, проводить факторией анализ его основных детерминант и исследовать эффективность предпринятых мер предупреждения.

Крайне важно учитывать, что многие смертельно-опасные патогены обладают сравнительной дешевизной производства, хранения и перевозки. При этом ряд биоагентов в настоящее время недостаточно хорошо изучен и в этой связи могут возникнуть затруднения при выборе мер по противодействию их распространения. Например, по оценкам экспертов поражающими биологическими средствами могут являться природные биологические агенты обладающие рядом новых свойств. Среди наиболее ярких примеров таких агентов можно отметить вирусы SARS и MERS [3, с. 99].

Различные информационные источники все чаще сообщают о возможности развития

наукоемкого терроризма, поскольку достижения в сфере биотехнологий легко могут быть использованы для исследований двойного назначения при усовершенствовании биооружия [11, с. 22]. В этой связи к исследованию вопросов предупреждения биотерроризма необходимо подключать различных экспертов и консультантов по профилю рассматриваемой проблемы.

Также следует учитывать, что реальная опасность биотерроризма вызвана возрастающим числом специалистов в сфере биотехнологий и доступностью информационных ресурсов, касающихся производства биопрепаратов [12, с. 25]. Поэтому во многом предупреждение биологического терроризма должно строиться с учетом использования методов оперативно-розыскной профилактики.

Очень важно отметить, что являясь одной из разновидностью терроризма, биотерроризм выступая в качестве особого явления не только представляет колоссальную опасность для всего живого, но также в случае складывания определенных неблагоприятных условий для современного общества, может выступить в качестве деструктивного механизма провоцирующего глобальные изменения в мире, которые в итоге приведут к изменениям мирового геополитического расклада сил, реформатированию нынешних общественных отношений и существующих в настоящее время параметров и характеристик социального пространства.

Необходимо отдавать приоритет режиму строжайшего контроля биологического оружия и недопущения его попадания к террористам, а также соответственно стремиться к развитию многостороннего международного сотрудничества в рассматриваемой сфере в целях его укрепления.

Несмотря на относительно хорошо развитую систему элементов мониторинга инфекционных заболеваний в Российской Федерации, автор полагает, что следует согласиться с мнением различных экспертов относительно необходимости создания единого центра мониторинга инфекционных заболеваний.

Очень важной мерой, направленной на противодействие рассматриваемого явления, могло бы стать межведомственное исследование современных особенностей биотерроризма, с привлечением к этой работе ведущих отечественных ученых и с специалистов из разных научных областей и сфер, в целях разработки профилактического комплекс биологических террористических угроз.

Также и на международном уровне возникает необходимость разработки и создания

некоего структурного подразделения, обладающего организационными, информационными и аналитическими функциями, для координирования международной деятельности по противодействию биотерроризма. Такое структурное подразделение в виде нескольких отделов, после предварительного изучения данного вопроса, можно было бы создать в рамках функционирующего при Организации Объединенных Наций Контртеррористического управления¹, Управления по наркотикам и преступности² или же Интерпола.

В обязательном порядке необходимо инициировать подготовку и принятие специальных международно-правовых и внутригосударственных нормативно-правовых актов, которые бы регламентировали процедурные вопросы, связанные с устранением последствий биологических атак, совершенных террористами. Данные нормативные акты, в том числе должны регулировать международное взаимодействие по ликвидации рассматриваемого вида террористических угроз.

¹ При ООН создано управление по контртерроризму. URL: <https://ncpti.su/news/5912/> (дата обращения: 22.02.2021).

² Управление ООН по наркотикам и преступности. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/un-and-the-rule-of-law/united-nations-office-on-drugs-and-crime/> (дата обращения: 22.02.2021).

Заключение

Таким образом, краткий анализ генезиса биологического терроризма и мер по его профилактике, позволяет утверждать о том, в период активного развития информационной эпохи, терроризм также стремится приникнуть в цифровую и технологическую сферы, внедряя в свою деятельность биомедицинские и биотехнологические технологии. При этом в 2020-х годах третьего тысячелетия существенно расширились реальные и потенциальные угрозы, которые связаны с применением особо опасных агентов биологического происхождения. В этой связи существенное значение должно отводиться систематизации и ранжированию угроз, возникающих при биотерроризме, посредством создания аналитического подразделения из ведущих экспертов рассматриваемой сферы, в том числе представителей правоохранительных органов.

Подытоживая можно отметить, что актуальные вопросы, связанные с первоочередными задачами по гарантированию безопасности и выработке результативных и более совершенных способов недопущения актов биологического терроризма, в первую очередь следует обсуждать в контексте обеспечения национальной безопасности, а также в ходе укрепления международного сотрудничества. Все выше обозначенное будет способствовать комплексному подходу и решению сложных проблем по предупреждению биологического терроризма.

Список литературы

1. Берд, К. И. Почтовая биодиверсия / К. И. Берд // Компьютерра. — 2008. — № 31 (747). — С. 21–26.
2. Бобылов, Ю. А. Генетическая бомба: тайные сценарии наукоёмкого биотерроризма / Ю. А. Бобылов. — 2-е изд., доп. Москва : Белые альвы, 2008. — 380 с.
3. Гриценко, Л. З. Актуальные вопросы биологической безопасности при нарастающей угрозе биотерроризма (лекция для студентов) / Л. З. Гриценко, В. В. Мишин, О. К. Межова [и др.] // Медико-социальные проблемы семьи. — 2019. — Т. 24, № 1. — С. 98–103.
4. Данилова, Д. В. Отношение и освящения темы «отряда 731» в публицистике и кинематографе / Д. В. Данилова, А. П. Смирнова, П. В. Чернобровкина // Вестник современных исследований. — 2018. — № 5.1 (20). — С. 44–46.
5. Жиганова, Л. П. Биотерроризм и агротерроризм — реальная угроза биобезопасности общества / Л. П. Жиганова // США и Канада: Экономика-политика-культура. — 2004. — № 9. — С. 11–14.
6. Зайцев, А. И. Терроризм — война будущего / А. И. Зайцев // Техничко-технологические проблемы сервиса. — 2018. — № 1 (43). — С. 126–133.
7. Кухаркина, О. В. Биологический терроризм и его негативные последствия (обзор) // О. В. Кухаркина, И. А. Борисова, О. А. Борисова // Труды федерального центра охраны здоровья животных. — 2013. — Т. 11, № 1. — С. 142–156.
8. Кобец, П. Н. Некоторые современные тенденции, связанные с проявлением терроризма: природа и причинный комплекс / П. Н. Кобец // Российский следователь. — 2017. — № 18. — С. 53–56.
9. Максимова, И. В. Биотерроризм — одна из угроз мировому обществу / И. В. Максимова, А. Ю. Егорова, Ю. В. Червинец // Тверской медицинский журнал. — 2016. — № 4. — С. 53.
10. Немиц, В. Ф. Проблемы предотвращения террористических актов с применением биологического оружия / В. Ф. Немиц, А. Е. Антропова // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2006. — № 4. — С. 417–422.

11. Неробеев, В. Д. Медицинские аспекты применения психотропных и геофизических технологий двойного назначения / В. Д. Неробеев, Д. В. Неробеев // *Новости медицины и фармации.* — 2013. — № 19 (476). — С. 22–23.
12. Онищенко, Г. Г. Проблемы противодействия биологическому терроризму на современном этапе / Г. Г. Онищенко, А. В. Топорков, А. В. Липницкий, Д. В. Викторов // *Инфекционные болезни. Новости. Мнения. Обучение.* — 2016. — № 1 (14). — С. 24–31.
13. Противодействие биологическому терроризму: практическое руководство по противоэпидемическому обеспечению / под ред. академика РАМН профессора Г. Г. Онищенко. — Москва : Петит-А, 2003. — 301 с.
14. Салимов, К. Н. Современные проблемы терроризма / К. Н. Салимов // — Москва : Щит-М, 2000. — 215 с.
15. Соколова, С. Н. К вопросу о биотерроризме и безопасности / С. Н. Соколова, С. А. Соколов // *Проблемы безопасности российского общества.* — 2013. — № 1. — С. 10–18.
16. Топоркова, Д. С. Эксперименты отряда 731: этика vs наука в условиях войны / Д. С. Топоркова // *Вестник научных конференций.* — 2019. — № 5-3 (45). — С. 96–97.
17. Ткаченко, Н. Н. К вопросу о понятии и мерах по борьбе с биологическим терроризмом / Н. Н. Ткаченко, Д. П. Ищенко // *Юрист-Правовед.* — 2019. — № 4 (91). — С. 83–88.
18. Hoffmaster, A., Hill, K., Gee, J., Marston, C. et al. Characterization of *Bacillus anthracis* isolates associated with fatal pneumonias: strains are closely related to *Bacillus anthracis* and harbor *B. anthracis* virulence genes. *J. Clin. Microbiol.* 2006, Vol. 44, no. 9, pp. 3352–3360.
19. Jansen, H., Breeveld, F., Stijnis, C., Grobush, M. Biological warfare, bioterrorism and biocrime. *Clin. Microbiol. Infect.* 2014, Vol. 20, pp. 488–496.

References

1. Berd, K. I. Pochtovaya biodiversiya / K. I. Berd // *Компьютерра.* — 2008. — № 31 (747). — S. 21–26.
2. Bobylov, Yu. A. Geneticheskaya bomba: taynye stsenarii naukoemkogo bioterrorizma / Yu. A. Bobylov. — 2-e izd., dop. Moskva : Belye alvy, 2008. — 380 s.
3. Gritsenko, L. Z. Aktualnye voprosy biologicheskoy bezopasnosti pri narastayushchey ugroze bioterrorizma (lektsiya dlya studentov) / L. Z. Gritsenko, V. V. Mishin, O. K. Mezheva [i dr.] // *Mediko-sotsialnye problemy semi.* — 2019. — Т. 24, № 1. — S. 98–103.
4. Danilova, D. V. Otnoshenie i osvyashcheniya temy «otryada 731» v publitsistike i kinematografe / D. V. Danilova, A. P. Smirnova, P. V. Chernobrovkina // *Vestnik sovremennykh issledovaniy.* — 2018. — № 5.1 (20). — S. 44–46.
5. Zhiganova, L. P. Bioterrorizm i agroterrorizm — realnaya ugroza bio-bezopasnosti obshchestva / L. P. Zhiganova // *SShA i Kanada: Ekonomika-politika-kultura.* — 2004. — № 9. — S. 11–14.
6. Zaytsev, A. I. Terrorizm — voyna budushchego / A. I. Zaytsev // *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa.* — 2018. — № 1 (43). — S. 126–133.
7. Kukharkina, O. V. Biologicheskii terrorizm i ego negativnye posledstviya (obzor) // O. V. Kukharkina, I. A. Borisova, O. A. Borisova // *Trudy federalnogo tsentra okhrany zdorovya zhivotnykh.* — 2013. — Т. 11, № 1. — S. 142–156.
8. Kobets, P. N. Nekotorye sovremennye tendentsii, svyazannye s proyavleniem terrorizma: priroda i prichinnyy kompleks / P. N. Kobets // *Rossiyskiy sledovatel.* — 2017. — № 18. — S. 53–56.
9. Maksimova, I. V. Bioterrorizm — odna iz ugroz mirovomu obshchestvu / I. V. Maksimova, A. Yu. Yegorova, Yu. V. Chervinets // *Tverskoy meditsinskiy zhurnal.* — 2016. — № 4. — S. 53.
10. Nemits, V. F. Problemy predotvrashcheniya terroristicheskikh aktov s primeneniem biologicheskogo oruzhiya / V. F. Nemits, A. Ye. Antropova // *«Chernye dyry» v Rossiyskom zakonodatelstve.* — 2006. — № 4. — S. 417–422.
11. Nerobeev, V. D. Meditsinskie aspekty primeneniya psikhotropnykh i geofizicheskikh tekhnologiy dvoynogo naznache-niya / V. D. Nerobeev, D. V. Nerobeev // *Novosti meditsiny i farmatsii.* — 2013. — № 19 (476). — S. 22–23.
12. Onishchenko, G. G. Problemy protivodeystviya biologicheskomu terrorizmu na sovremennom etape / G. G. Onishchenko, A. V. Toporkov, A. V. Lipnitskiy, D. V. Viktorov // *Infektsionnye bolezni. Novosti. Mneniya. Obuchenie.* — 2016. — № 1 (14). — S. 24–31.
13. Protivodeystvie biologicheskomu terrorizmu: prakticheskoe rukovo-dstvo po protivoepidemicheskomu obespecheniyu / pod red. akademika RAMN professora G. G. Onishchenko. — Moskva : Petit-A, 2003. — 301 s.
14. Salimov, K. N. Sovremennye problemy terrorizma / K. N. Salimov // — Moskva : Shchit-M, 2000. — 215 s.
15. Sokolova, S. N. K voprosu o bioterrorizme i bezopasnosti / S. N. Sokolova, S. A. Sokolov // *Problemy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva.* — 2013. — № 1. — S. 10–18.

16. Toporkova, D. S. Eksperimenty otryada 731: etika vs nauka v usloviyakh voyny / D. S. Toporkova // Vestnik nauchnykh konferentsiy. — 2019. — № 5-3 (45). — S. 96–97.
17. Tkachenko, N. N. K voprosu o ponyatii i merakh po borbe s biologicheskim terrorizmom / N. N. Tkachenko, D. P. Ishchenko // Yurist-Pravoved. — 2019. — № 4 (91). — S. 83–88.
18. Hoffmaster, A., Hill, K., Gee, J., Marston, C. et al. Characterization of Bacillus anthracis isolates associated with fatal pneumonias: strains are closely related to Bacillus anthracis and harbor B. anthracis virulence genes. *J. Clin. Microbiol.*, 2006, Vol. 44, no. 9, pp. 3352–3360.
19. Jansen, H., Breeveld, F., Stijnis, C., Grobush, M. Biological warfare, bioterrorism and biocrime. *Clin. Microbiol. Infect.*, 2014, Vol. 20, pp. 488–496.

Дата поступления статьи: 23.02.2021.

ОТТЕНОК ПАНДЕМИИ (COVID-19) В КРИМИНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Майоров А. В.

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: ab_majorov@mail.ru.*

Великий А. А.

*Челябинский государственный университет
г. Троицк, Челябинская обл., Российская Федерация
E-mail: tf_chelgu@mail.ru.*

Аннотация. Любые процессы, вызывающие изменения в обществе, не могут остаться в стороне без исследования их криминологической составляющей. Преступность явление изменчивое и зависящее от социально-экономических процессов в обществе. Многие криминологи спрогнозировали развитие преступности в обществе на период пандемии, однако не все прогнозы оказались верными.

Цель проводимого исследования: на основе официальных данных о преступности в России провести анализ криминализации российского общества в условия, связанных с введением ограничительных мер на территории страны в 2020 году.

Методы исследования: анализ, синтез, дедукция, сравнительно-правовой метод, формально-правовой метод, статистический метод.

Результат исследования: проведен анализ официальных данных уровня преступности в России за период пандемии, вызванной распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), который показал снижение количества преступлений общеуголовной направленности. Качественные характеристики преступности свидетельствуют о трансформации преступности и увеличении преступлений совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на 73,4 %, в том числе с использованием сети «Интернет» — на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи — на 88,3 %. Криминализация российского общества в условиях пандемии COVID-19 показала, что требуются новые формы противодействия как на законодательном уровне, так и в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: преступность; криминологический анализ; состояние преступности; статистика; пандемия; коронавирус.

Для цитирования: Майоров, А. В. Оттенок пандемии (COVID-19) в криминализации российского общества / А. В. Майоров, А. А. Великий // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 79–84.

A SHADE OF PANDEMIC (COVID-19) IN THE CRIMINALIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

A. V. Mayorov

*Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: ab_majorov@mail.ru.*

A. A. Velikiy

*Chelyabinsk State University
Troitsk, Chelyabinsk Region, Russian Federation
E-mail: tf_chelgu@mail.ru.*

Abstract. Any processes causing changes in society cannot be left without the study of their criminological component. Crime is a changeable phenomenon that depends on socio-economic processes in society. Many criminologists have predicted the development of crime in society during the pandemic period, but not all predictions were correct.

The aim of the current research: on the basis of the official data on crime in Russia to analyze the criminalization of Russian society in the conditions associated with the introduction of restrictive measures in the country in 2020.

Research methods: analysis, synthesis, deduction, comparative legal method, formal legal method, statistical method.

Research result: analysis of official data on the crime rate in Russia during the pandemic period caused by the spread of corona virus infection (COVID-19), which showed a decrease in the number of crimes of general criminal nature. Qualitative characteristics of crime show the transformation of crime and the increase in crimes committed with the use of information and telecommunication technologies by 73.4 %, including the use of Internet — by 91.3 %, the use of cell phones — by 88.3 %. The criminalization of the Russian society in conditions of COVID-19 pandemic has shown that new forms of counteraction both at legislative level and in law enforcement are required.

Keywords: crime; criminological analysis; state of crime; statistics; pandemic; corona virus

For citation: Mayorov, A. V., Velikiy, A. A. A Shade of Pandemic (COVID-19) in the Criminalization of Russian Society. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 79–84. (In Russ.)

Введение

Вот уже год, как весь мир находится в условиях переживания процесса пандемии (COVID-19), которая поразила большинство социальных институтов во всех государствах. Справедливо отметила В. А. Казакова, что «коронавирусная пандемия представляет собой негативное биосоциальное явление... по своей сущности, а главное, воздействию на жизненные процессы, близка к такому негативному социальному явлению, как преступность (в том случае, если не является одним из ее глобальных проявлений)» [3, с. 289]. В условиях специальных режимов и особого контроля изменилась и сама преступность, выразившаяся в особой «ковидной» криминализации общества. В таких условиях роль криминологии как юридической науки крайне важна и значима.

Проблема распространения коронавирусной инфекции серьезно изменила общество и взаимоотношения в нем, что не осталось без внимания и со стороны криминологов. Многие исследователи в своих научных работах осветили возникшую проблему с точки зрения криминализации в обществе, высказались о возможных угрозах со стороны криминального мира и спрогнозировали динамику преступности в нашей стране. В своем исследовании В. А. Зикеев отметил, что «... возникли вопросы, связанные с противодействием преступности в условиях социальных потрясений. Дестабилизирующая с точки зрения криминологической безопасности ситуация возникает вследствие, во-первых, переориентирования государственной системы безопасности на противодействие эпидемиологической угрозе, во-вторых, ускоренной трансформации преступности: изменения её структуры и инструментария» [2, с. 53].

В настоящее время есть уникальная возможность исследовать состояние криминализации в российском обществе за период 2020 года, анализируя статистические данные о состоянии преступности в нашей стране, сделать выводы о сделанных ранее прогнозах и увидеть, насколько трансформировалась преступность в обществе, с учетом особых условий созданных в нашей стране.

Описание исследования

В марте 2020 года во многих странах мира, в том числе и в России Правительством страны были введены различного рода ограничительные меры, с целью недопущения распространения коронавирусной инфекции COVID-19, одним из которых стал режим самоизоляции. Многие крупные предприятия, организации, юридические лица и индивидуальные предприниматели, выполняя постановления и распоряжения правительства и органов власти субъектов Российской Федерации, приостановили деятельность, сократили численность работников и служащих, перешли на дистанционную (удаленную) форму работы. Экономическая ситуация стала напряженной не только в нашей стране, но и во всем мире. По мнению криминологов, высказанного на тот момент «все это не может не сказаться на уровне преступности, поскольку многие граждане будут лишены легального источника дохода, а молодые люди из числа выпускников образовательных организаций не смогут трудоустроиться. Как известно, безработица среди молодежи является неизбежным спутником любой капиталистической системы» [4, с. 82].

В опубликованных ранее научных работах ряд криминологов высказали свое мнение о преступлениях, которые вызовут рост статистики общеуголовной преступности.

По мнению большинства ученых-криминологов, следовало ожидать преступлений в условиях пандемии следующей направленности: корыстной и корыстно-насильственной; политической; связанных с межличностными конфликтами; совершенных трудовыми мигрантами; совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [4, с. 82]. Также указывалось на существенное увеличение числа латентных преступлений, обосновывая использованием сил и средств полиции не по прямому назначению; рост числа насильственных преступлений, в том числе совершаемых женщинами и молодежью; рост корыстно-насильственного рецидива; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений; развитие структуры и рост организованной преступности [1, с. 42].

Выводы исследователей о преступности в новых условиях были однозначны, они утверждали о том, что преступность приобретает более разнообразные формы. Насильственная преступность активизируется из-за возникающих конфликтов в семье, спровоцированных ухудшающимся материальным положением, алкоголизацией, невозможностью покинуть жилище [3, с. 290]. По данным омбудсмена Татьяны Москальковой, весной 2020 г. количество случаев бытового насилия в России выросло в 2,5 раза¹.

Официальная статистика МВД России на тот период (январь — май 2020 года) свидетельствовала о том, что в условиях начавшегося социально-экономического кризиса снижается общее число зарегистрированных преступлений: в мае 2020 г. зарегистрировано на 5,6 % преступлений меньше, чем в прошлом году. При этом количество убийств и покушений на убийство уменьшилось на 2,0 %, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 8,9 %, грабежей — на 13,4 %, разбоев — на 24,4 %. Выросло на 85,1 % число преступлений, совершаемых с использованием ИТ-технологий. Мошенничеств с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), возросло на 103,6 %².

Однако вопреки высказываниям экспертов опасениям роста криминальной активности мигрантов и роста домашнего насилия, не было зафиксировано в рассматриваемый период.

¹ Москалькова попросила освободить от спецпропусков жертв домашнего насилия // РИА Новости. 5.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200505/1570974736.html> (дата обращения: 12.02.2021).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — май 2020 года // Оф. сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/20422560/> (дата обращения: 12.02.2021).

Иностранцами гражданами в мае 2020 г. совершено на 10,9 % преступлений меньше, чем в мае 2019 г., а число противоправных деяний в сфере семейно-бытовых отношений сократилось на 13,0 %³.

Особо стоит отметить распространение мошеннических схем, которые отличались особым разнообразием в условиях пандемии. Например, мошенники осуществляли спам-рассылку с просьбами перевести деньги на борьбу с COVID-19 на счет якобы Всемирной организации здравоохранения или якобы на специальный счет, открытый Правительством РФ. Известны случаи, когда мошенники продавали аппараты искусственной вентиляции легких либо по заведомо завышенной цене, либо аппараты, которые не работали, либо просто брали за аппараты деньги и исчезали. Также были случаи, когда преступники приходили к жертве в костюмах химической защиты и говорили человеку, что он контактировал с большим коронавирусом. [4, с. 83–84].

Проблему, связанную с увеличением роста фальсификации и мошеннических схем продажи медицинских препаратов, отметило Европейское полицейское агентство (Европол). Оно констатировало, что «организованные банды очень быстро адаптировали свои методы и наживаются на глобальном кризисе, используют в своих целях резко возросший спрос на определенные товары, снижение мобильности граждан, пребывание большей части людей дома и их удаленную работу, ограничения общественной жизни, а также рост тревоги и страхов на фоне пандемии» [6, с. 196–196].

Рост мошенничества в условиях пандемии был обусловлен по мнению ряда экспертов тем, что существовала всеобщая паника; сложной обстановкой в стране и мире; слабой осведомленностью многих граждан о коронавирусе; недоверчивым отношением отдельных граждан к официальной информации [4, с. 83–84], а также повсеместное распространение фейков и заведомо ложной информации.

На законодательном уровне были приняты ряд поправок и изменений в действующее законодательство. В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) включили две новые статьи об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ), редакция которых, по мнению многих ученых, «оставляет желать лучшего». Были внесены изменения и в ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Указанные изменения, по мнению В. А. Казаковой, «нельзя назвать удачным, так как оно не только

³ Там же.

представляет собой отступление от принципа системного правотворчества, но и содержит прямые противоречия действующему уголовному законодательству» [3, с. 291]. Вносимые изменения в действующее законодательство, по мнению Л. В. Готчиной, спровоцирует рост числа преступлений [1, с. 41].

Несмотря на то, что данное законодательное решение носило в большей степени ситуативный характер, в целом ситуативная регуляторная политика стала отличительной особенностью государства в период пандемии. По мнению В. А. Зикеева, «принятые акты в большинстве случаев являются обоснованными» [2, с. 54]. С. Ф. Милюков считает, что «определённую положительную роль в деле разрешения накопившихся криминогенных противоречий сыграло бы принятие новых криминологически обоснованных УК, УПК, УИК и КоАП РФ, проекты которых без спешки должны пройти обстоятельную правовую и криминологическую экспертизу» [5, с. 17].

Мы также разделяем указанную позицию и считаем, что указанные нормы были приняты в рамках основных правовых мер, направленных на защиту граждан от угрозы распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Статистика преступности за 2020 год по России

Статистические данные МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации за 2020 год свидетельствуют о снижении числа зарегистрированных преступлений против личности. По сравнению с прошлым годом их количество уменьшилось на 5,1 %, в том числе убийств и покушений на убийство — на 3,2 %, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью — на 6,7 %. Количество граждан, погибших от преступных посягательств, сократилось на 5,2 %. Число лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью, — на 6,9 %.

По итогам 2020 года отмечается уменьшение числа разбоев — на 21,7 %, грабежей — на 16,2 %, общего количества краж — на 3 %, в том числе квартирных — на 22,6 % и краж транспортных средств — на 27,1 %.

Показатели статистики подтверждают эффективность профилактической работы подразделений МВД России с несовершеннолетними. Количество преступлений, совершенных ими и при их участии, в 2020 году уменьшилось на 9,1 %.

В прошлом году на 2,5 % сократилось число уголовно наказуемых деяний, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, и на 14,7 % — в состоянии наркотического опьянения.

Снизилась криминальная активность в миграционной сфере. На 1,5 % сократилось число преступлений, совершенных на территории России иностранными гражданами и лицами без гражданства, и на 4,9 % — в отношении них.

Безопаснее стало в общественных местах, снижение преступности на 10 % (620,8 тыс.). Снизилась уличная преступность. На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 364,5 тыс. (-9,9 %) преступлений, в том числе: 14,6 тыс. (-24,8 %) грабежей, 124,6 тыс. (-18,5 %) краж, 1,8 тыс. (-23,3 %) разбойных нападений.

В 2020 году зафиксировано снижение на 9,5 % числа преступлений в семейно-бытовой сфере, в том числе на 15,8 % — фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5 % — вреда средней тяжести, на 10 % — легкого вреда здоровью¹.

Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 512,8 млрд руб., что на 18,3 % меньше аналогичного показателя прошлого года².

Общее же число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось на 1 % (2044,2 тыс.), тяжких и особо тяжких — на 14 %. Основное влияние на рост тяжких преступлений по итогам 2020 года оказало увеличение количества криминальных деяний данной категории, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Киберпреступность 2020 года

В 2020 году число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 % (510,4 тыс.), в том числе с использованием сети «Интернет» — на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи — на 88,3 %.

В апреле 2020 года был представлен доклад международных экспертов под названием «Киберпреступность: угрозы в период пандемии COVID-19 / Cybercrime: Threats during the COVID-19 pandemic»³. В докладе указывалось на ряд объективных факторов, которые подвергают опасности пользователей

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года // Оф. сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 14.02.2021).

² Состояние преступности по России за январь — декабрь 2020 года // Оф. сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 14.02.2021).

³ Prem Mahadevan. Cybercrime. Threats during the Covid-19 pandemic // Global Initiative. URL: <https://globalinitiative.net/analysis/cybercrime-covid-19/> (дата обращения: 14.02.2021).

компьютеров и сети Интернета в условиях, вызванных карантином. Так увеличение использования домашних офисов привело к росту киберпреступности, направленной на небезопасные персональные сети Wi-Fi и незащищенные компьютеры, что выразилось в серьезных нарушениях или потере данных. Удаленная конференц-связь, технология, использующая Zoom, спрос на который значительно увеличился в марте 2020 года, оказалась особенно уязвимой. Рост зависимости от дистанционного банковского обслуживания и платежных приложений, стало наиболее заметным именно в банковском секторе. Стремительно растет число поддельных сайтов, где рекламируются контрафактные лекарства и медицинская техника. Пандемия создала поистине неограниченные условия и возможности для развития всевозможных видов криминального использования информационно-коммуникационных технологий [6, с. 196].

Рост преступности в киберпространстве прогнозируется многими исследователями. Стоит отметить, что кибермошенничество с каждым годом увеличивает свой негативный показатель, все больше граждан становятся жертвами в киберпространстве. В этой связи назрела острая необходимость в совершенствовании мер противодействия с киберпреступностью и изменения тактики выявления, раскрытия, расследования и предупреждения аналогичных преступлений правоохранными органами.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ состояния криминализации общества позволяет говорить о том, что преступность, как негативное социальное явление, способна адаптироваться и трансформироваться с учетом социально-экономических перемен в обществе, выявляя слабые стороны охраны прав граждан со стороны государства и правоохранительных органов. Не смотря на принятые усилия и экстренное введение изменений действующего уголовного законодательства, ответственность была усилена лишь в части касающейся пространства заведомо ложной информации

и нарушения санитарно-эпидемиологических правил. Прогнозы криминологов о развитии структуры преступности были оставлены без внимания со стороны законодателя, карательных действий за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет».

Справедливо отмечает В. А. Казакова, что «коронавирусная пандемия — лишь отдельный частный случай проявления условий чрезвычайной ситуации, которая может в любой момент повториться, а вместе с ней и все сопутствующие явления, в том числе криминальные» [3, с. 293]. Происходящие изменения криминализации в обществе должны быть восприняты не только учеными, но и законодателем, с целью оценки действующего правового и процессуального законодательства и последующего его совершенствования.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что ситуация с пандемией вируса COVID-19 отразилась не только на количественных и качественных показателях преступности, но и на формировании нового портрета преступника, способного «на удаленке» совершать противоправные деяния, причиняя вред своим жертвам. Многие члены общества оказались не готовы к такой виктимологически-опасной ситуации со стороны киберпреступности. Не смотря на усилия правоохранительных органов по противодействию преступности в условиях пандемии COVID-19, которые были направлены на реализацию мер виктимологической профилактики, положительный результат был достигнут лишь в отношении насильственной преступности.

Необходимо направить усилия уголовной политики государства на разработку эффективных мер защиты общества в условиях чрезвычайных ситуаций, стихийных и общественных бедствий. Криминализация в условиях пандемии COVID-19 показала, что требуются новые формы противодействия, как на законодательном уровне, так и в правоохранительной деятельности.

Список литературы

1. Готчина, Л. В. Коронавирус и изменения в структуре преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (57). С. 40–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-i-izmeneniya-v-strukture-prestupnosti> (дата обращения: 04.03.2021).
2. Зикеев, В. А. Криминологические аспекты последствий пандемии COVID-19 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (57). — С. 52–56. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-aspekty-posledstviy-pandemii-covid-19> (дата обращения: 04.03.2021).

3. Казакова, В. А. Криминальные аспекты коронавирусной пандемии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2020. — № 3 (836). — С. 288–294.

4. Мацкевич, И. М. Пандемия и криминализация общества: как помешать появлению порочного круга. Часть 1 / И. М. Мацкевич, Е. В. Бочкарева // Мониторинг правоприменения. — 2020. — № 3 (36). — С. 81–87. — DOI 10.21681/2226-0692-2020-3-81-87.

5. Милуков, С. Ф. Криминологические хроники времён пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (57). — С. 13–18. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-hroniki-vremyon-pandemii> (дата обращения: 04.03.2021).

6. Уразалиев, М. Вопросы криминализации общества в условиях пандемии — новые угрозы и вызовы // Review of law sciences. — 2020. — № 2. — С. 192–197. — DOI 10.24412/2181-1148-2020-2-192-197.

References

1. Gotchina, L. V. Koronavirus i izmeneniya v strukture prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2020. — № 2 (57). S. 40–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-i-izmeneniya-v-strukture-prestupnosti> (data obrashcheniya: 04.03.2021).

2. Zikeev, V. A. Kriminologicheskie aspekty posledstviy pandemii COVID-19 // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2020. — № 2 (57). — S. 52–56. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-aspekty-posledstviy-pandemii-covid-19> (data obrashcheniya: 04.03.2021).

3. Kazakova, V. A. Kriminalnye aspekty koronavirusnoy pandemii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. — 2020. — № 3 (836). — S. 288–294.

4. Matskevich, I. M. Pandemiya i kriminalizatsiya obshchestva: kak pomeshat poyavleniyu porochnogo kruga. Chast 1 / I. M. Matskevich, Ye. V. Bochkareva // Monitoring pravoprimeneniya. — 2020. — № 3 (36). — S. 81–87. — DOI 10.21681/2226-0692-2020-3-81-87.

5. Milyukov, S. F. Kriminologicheskie khroniki vremen pandemii // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2020. — № 2 (57). — S. 13–18. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-hroniki-vremyon-pandemii> (data obrashcheniya: 04.03.2021).

6. Urazaliev, M. Voprosy kriminalizatsii obshchestva v usloviyakh pandemii — novye ugrozy i vyzovy // Review of law sciences. — 2020. — № 2. — S. 192–197. — DOI 10.24412/2181-1148-2020-2-192-197.

Дата поступления статьи: 20.03.2021.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА И ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА ПО ПРИЗНАКУ ПРЕДМЕТА

Меньшикова А. Г.

*Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: menshikova_anna@mail.ru.*

Забродина В. В.

*Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: leran.00@mail.ru.*

Аннотация. Авторами в статье определяется основное отличие мошенничества от фальшивомонетничества по признаку предмета. На основании анализа доктрины уголовного права, разъяснений высшей судебной инстанции, материалов конкретной судебной практики, связанной с рассмотрением вопросов квалификации мошенничества с использованием поддельных денежных знаков и фальшивомонетничества, устанавливаются основные критерии «существенного сходства» как характеристики предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ. По результатам исследования предлагается включить в действующее постановление Пленума Верховного суда «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» дополнительные разъяснения, раскрывающие понимание «существенного сходства». Подобные положения будут способствовать единообразию в правоприменительной деятельности, помогут избежать ошибок в квалификации преступлений, таких как мошенничество и фальшивомонетничество.

Ключевые слова: мошенничество, фальшивомонетничество, существенное сходство, постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Для цитирования: Меньшикова, А. Г. К вопросу о разграничении мошенничества и фальшивомонетничества по признаку предмета / А. Г. Меньшикова, В. В. Забродина // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 85–89.

TO THE QUESTION OF DISTINCTION OF FRAUD AND COUNTERFEITING ON AN OBJECT

A. G. Menshikova

*Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: menshikova_anna@mail.ru.*

V. V. Zabrodina

*Ural State Law University
Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: leran.00@mail.ru.*

Abstract. The authors define the main difference between fraud and counterfeiting based on subject matter. Based on the analysis of the doctrine of criminal law, clarifications of the highest court, materials of specific judicial practice related to the consideration of the qualification of fraud with the use of counterfeit banknotes and counterfeiting, the main criteria of “substantial similarity” are established as characteristics of the subject of a crime under Art. 186 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the results of the study, it is proposed to include in the current resolution of the Plenum of the Supreme Court “On judicial practice in cases of the manufacture or sale of counterfeit money or securities” additional clarifications that reveal the understanding of “significant similarities”. Such provisions will promote uniformity in law enforcement and help to avoid errors in the classification of crimes, such as fraud and counterfeiting.

Keywords: fraud, counterfeiting, substantial similarity, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

For citation: Menshikova, A. G., Zabrodina, V. V. To the Question of Distinction of Fraud and Counterfeiting on an Object. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 85–89. (In Russ.)

Введение

В современном обществе факты обмана и злоупотребления доверием в преступном мире становятся довольно распространенным явлением. Подтверждением этому является и то, что преступления, совершаемые подобным способом, в официальной статистике занимают лидирующие позиции. Так, из всех зарегистрированных в 2020 г. преступлений против собственности, около 27,5 % приходится на мошенничество¹. При этом стоит отметить, что прирост данного преступления по сравнению с 2019 г. составил 30,5 %². Среди зарегистрированных в 2020 году экономических преступлений более 47 % составляет изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг³, которое традиционно относится к смежному с мошенничеством составу преступления.

Постановка проблемы

В науке уголовного права вопросам разграничения мошенничества и фальшивомонетничества уделяется значительное внимание. И даже, несмотря на существование официальных разъяснений Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о мошенничестве и об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг, в правоприменительной практике возникают сложности в оценке при квалификации подобных деяний.

Основной проблемой в разграничении мошенничества с фальшивомонетничеством при всём многообразии подходов в ее решении является понимание признаков предмета преступления. Предметом мошенничества является чужое имущество или право на это имущество. В соответствии со ст. 128 ГК РФ, к имуществу относятся, в том числе, и наличные деньги, и документарные ценные бумаги⁴. Что в свою

очередь является предметом преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ. И именно своеобразная характеристика денежных купюр, монет или ценных бумаг с одной стороны сближает, а с другой стороны позволяет разграничить мошенничество и фальшивомонетничество. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» главной отличительной особенностью предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, является «существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами»⁵. При этом установление «явного несоответствия фальшивой купюры подлинной, исключающее ее участие в денежном обращении», позволяет такие действия квалифицировать как мошенничество⁶. Использование высшей судебной инстанцией таких оценочных категорий как «существенное сходство» и «явное несоответствие» не вносит ясности в понимание предмета и мошенничества, и фальшивомонетничества.

Обсуждение проблемы

В научной литературе выделяют различные критерии существенного сходства при отличии подделки от оригинала. Так, Н. С. Пономарева в качестве основного критерия называет способность подделки находиться в обращении в течение какого-либо периода времени [5, с. 22]. Такая характеристика предмета не вносит ясности в понимание «существенного сходства», поскольку автор использует иную оценочную категорию. Но данная позиция не лишена рационального смысла. Следует отметить, что правоприменители зачастую отмечают в своих решениях на способность подделки находиться в обращении как свойство предмета фальшивомонетничества. В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда рассмотрела уголовное дело по апелляционному

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года // МВД РФ : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 10.03.2021).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года // МВД РФ : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 10.03.2021).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года.

⁴ Гражданский кодекс РФ (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Рос. газета. 1994. 8 декабря (№ 238–239).

⁵ О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (пункт 3) // Российская газета. 2001. 25 апреля (№ 80–81).

⁶ Там же.

представлению прокурора на приговор Яранского районного суда, которым С. и М. были осуждены по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Преступление было совершено путем внесения в платежные терминалы поддельных купюр, обладающих некоторыми признаками подлинных банковских билетов, но не имевшими существенными сходства с ними. Прокурор в своем апелляционном представлении выражает свое несогласие с квалификацией осужденных и отмечает, что, если денежные билеты были приняты платежными терминалами, то соответственно поступили в денежное обращение. Прокурор полагает, что необходимо переквалифицировать действия С. и М. на ч. 1 ст. 186 УК РФ. Но суд признает доводы прокурора несостоятельными и оставляет приговор без изменения, ссылаясь на то, что принятие платежными терминалами поддельных купюр не влечет необходимость квалификации действий осужденных по ч. 1 ст. 186 УК РФ¹. Аналогичное решение просматривается и в приговоре Курчатковского районного суда. Использование платежного терминала при сбыте фальшивых купюр не оценивается как поступление подделок в денежное обращение, поэтому такое поведение не способно причинить ущерб государственной денежной системе, что влечет квалификацию содеянного как мошенничество².

Н. В. Образцова, определяя признаки предмета фальшивомонетничества, указывает на то, что «поддельные денежные знаки и ценные бумаги нельзя отличить от оригинала без специальных знаний, средств и методов» [4, с. 84]. Также В. В. Загайнов придерживается похожего мнения, что «поддельными являются только такие деньги, которые имеют «существенное сходство» с настоящими денежными знаками, только при том условии, что установление подделки будет требовать использования технических средств» [2, с. 7]. Соответственно данные авторы связывают установление «существенного сходства» предмета в фальшивомонетничестве исключительно с использованием специального оборудования, технических средств.

Правоприменительная практика не является исключением. Так, Сыктывкарский районный суд рассмотрел уголовное дело

в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ. Подсудимый Г. и его адвокат в судебном заседании не согласились с квалификацией по ч. 1 ст. 186 УК РФ, утверждая, что деньги не имели существенного сходства с подлинными. Однако суд пришел к выводу, что оснований для переквалификации действий Г. не имеется, поскольку установлено, что представленные к оплате купюры имели существенное сходство с оригиналом, поддельность купюры была установлена только лишь после ее проведения через специальное устройство, предназначенное для проверки денежных купюр, что свидетельствуют о существенном сходстве денежных знаков³.

В доктрине уголовного права в рассматриваемом вопросе встречаются и иные точки зрения, раскрывающие признаки предмета фальшивомонетничества через исключение конкретных описаний поддельных купюр, используемых при совершении мошенничества.

Если есть наличие цветных искажений, изображения на лицевой и оборотной стороне не совпадают, отсутствуют защитные волокна и водяные знаки, а на сгибе денежного билета появляются белые полосы, то в таком случае невозможно говорить о существенном сходстве [6, с. 24]. Б. В. Волженкин считал, что «к предмету преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, нельзя относить купюры с наклеенными надписями, изображениями, номиналом, иными фрагментами, так как указанные способы подделки не придают купюрам существенное сходство и могут быть легко обнаружены при внешнем осмотре» [1, с. 241]. Следовательно, если в обычных условиях, с первого взгляда, возможно обнаружить поддельные денежные купюры, которые отличаются невысоким качеством, визуально не имеют сходства с подлинными, то обмен таких купюр представляет собой мошенничество. Показательна в связи с этим судебная практика. Так, одним из оснований переквалификации с ч. 1 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 186 УК РФ стало установление признаков «существенного сходства» поддельных купюр с оригиналом. Суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия О., так как купюры, которые сбывал обвиняемый, имели высокое явное сходство с подлинными. Далее суд конкретизировал в чем выражалось такое сходство: наличие и взаимное расположение атрибутов изображений на купюре, графическая точность воспроизведения форм

¹ Апелляционное определение № 22-484/2015 от 10 марта 2015 г. по делу № 22-484/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/olhCoth6216j/?regular-> (дата обращения: 10.03.2021).

² Приговор № 1-497/2015 от 23 сентября 2015 г. по делу № 1-497/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dzhNA3J7SCgl/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular- (дата обращения: 10.03.2021).

³ Приговор № 1-589/2017 от 23 октября 2017 г. по делу № 1-589/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jev4Pjj8Wuv/> (дата обращения: 10.03.2021).

и размеров основных крупных, кроме того на купюре был расположен водяной знак, относящийся к одной из степеней защиты¹.

В научной литературе встречается и противоположная точка зрения, в соответствии с которой такой признак как «существенное сходство» не имеет значения для квалификации содеянного как фальшивомонетничество. Так, Н. В. Мостович отмечает, что «каждая поддельная купюра должна квалифицироваться как фальшивомонетничество, независимо от того, имеет ли она «существенное сходство» с оригиналом или нет» [3, с. 28]. Аргументируя свою точку зрения, автор утверждает, что умысел преступника в любом случае направлен на подделку фальшивых купюр с целью их дальнейшего сбыта, даже если потерпевший принял подделку, то сбыт в таком случае состоялся. Бесспорно, существенное значение для привлечения к уголовной ответственности имеет установление вины субъекта к совершаемому деянию, но без определения существенных признаков предмета преступления это сделать фактически невозможно. Подтверждением является и правоприменительная практика. Суды при принятии решения особое внимание уделяют объективному установлению и описанию, как предмета фальшивомонетничества, так и предмета мошенничества с использованием поддельных купюр. Единообразного подхода среди правоприменителей и ученых к пониманию «существенного сходства» как основной характеристики в отграничении мошенничества от фальшивомонетничества не наблюдается. Но проведенное исследование позволило выделить основные критерии, которыми руководствуются суды и представители науки уголовного права, в характеристике данной оценочной категории. Во-первых, способность поступления в денежное обращение предмета фальшивомонетничества. Во-вторых, установление существенного сходства с оригиналом подлинной купюры возможно только с помощью специальных технических средств или устройств. В-третьих, существенное сходство будет иметь место тогда, когда денежные купюры, монеты и ценные бумаги совпадают по форме, размеру,

¹ Апелляционное определение № 22-1390/2013 от 4 сентября 2013 г. по делу № 22-1390/2013 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jrswmG6XCm/>?regular- (дата обращения: 10.03.2021).

цвету, рисунку, материалу, основным реквизитам с находящимися в денежном обращении подлинными денежными знаками.

Пути решения проблемы

Представляется, что для единообразного толкования в правоприменительной практике такой оценочной категории как «существенное сходство» необходимо дать соответствующие официальные разъяснения, дополнив действующие положения Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг»:

1. В пункт 3 добавить абзац следующего содержания: «Существенное сходство поддельных денежных знаков или ценных бумаг с подлинными будет иметь место тогда, когда денежные купюры, монеты и ценные бумаги совпадают по форме, размеру, цвету, рисунку, материалу, основным реквизитам с находящимися в денежном обращении подлинными денежными знаками, имеют водяной знак, при условии, что установление подделки будет требовать использования технических средств»;

2. «В тех случаях, когда купюра явно не соответствует подлинной (купюры с наклеенным номиналом, подписями, изображениями и т. п., что исключает их участие в денежном обращении), а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия должны быть квалифицированы как мошенничество»;

3. «Техническая возможность принятия платежными терминалами поддельных денежных купюр при очевидном несоответствии общего внешнего вида, качества изготовления, содержания цветочных и буквенных обозначений подлинным билетам Банка России, не влечет необходимость квалификации действий по ст. 186 УК РФ, такие действия следует квалифицировать, как мошенничество».

Заключение

Данные предложения позволят исключить произвольное толкование данного признака со стороны правоприменительных органов, будут способствовать единообразию в следственной и судебной практике по вопросу разграничения мошенничества и фальшивомонетничества по признаку предмета.

Список литературы

1. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. — 765 с.

2. Загайнов, В. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг ; по материалам Восточно-Сибирского региона : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Загайнов Владимир Владимирович. — Иркутск, 2008. — 25 с.
3. Мостович, Н. В. Правоприменительные ошибки в квалификации подделки денежных знаков или ценных бумаг / Н. В. Мостович // Российский следователь. — 2012. — № 5. — С. 27–30.
4. Образцова, Н. В. Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Образцова Наталья Владимировна. — Москва, 2005. — 201 с.
5. Пономарева, Н. С. Проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации фальшивомонетничества / Н. С. Пономарева // Российский следователь. — 2007. — № 2. — С. 21–24.
6. Яни, П. С. Вопросы квалификации фальшивомонетничества / П. С. Яни // Законность. — 2015. — №2. — С. 20–24.

References

1. Volzhenkin, B. V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti po ugovolnomu pravu Rossii / B. V. Volzhenkin. — Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press, 2007. — 765 s.
2. Zagaynov, V. V. Uголовно-правовая i kриминологическая kхарактеристика izgotovleniya ili sbyta poddelnykh deneg ili tsennykh bumag ; po materialam Vostochno-Sibirskogo regiona : spetsialnost 12.00.08 «Uголовное право i kриминология; uголовно-исполнительное право» : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Zagaynov Vladimir Vladimirovich. — Irkutsk, 2008. — 25 s.
3. Mostovich, N. V. Pravoprimenitelnye oshibki v kvalifikatsii poddelki denezhnykh znakov ili tsennykh bumag / N. V. Mostovich // Rossiyskiy sledovatel. — 2012. — № 5. — S. 27–30.
4. Obratsova, N. V. Uголовная otvetstvennost za izgotovlenie ili sbyt poddelnykh deneg ili tsennykh bumag : spetsialnost 12.00.08 «Uголовное право i kриминология; uголовно-исполнительное право» : dis. ... kand. yurid. nauk / Obratsova Natalya Vladimirovna. — Moskva, 2005. — 201 s.
5. Ponomareva, N. S. Problemnye voprosy uголовно-правовой kvalifikatsii falshivomonetnichestva / N. S. Ponomareva // Rossiyskiy sledovatel. — 2007. — № 2. — S. 21–24.
6. Yani, P. S. Voprosy kvalifikatsii falshivomonetnichestva / P. S. Yani // Zakonnost. — 2015. — №2. — S. 20–24.

Дата поступления статьи: 16.03.2021.

ЖЕРТВА И ПРОСТРАНСТВО

Радостева Ю. В.

Уральский государственный юридический университет

г. Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: la-venta@mail.ru.

Аннотация. Человек не существует вне пространства. В тоже время в постоянном стремлении к комфорту и безопасности индивид воздействует на окружающий мир, преобразуя пространство вокруг. Последствием этого является и увеличение круга возможных угроз, в том числе с позиции криминальной активности. Так стремление к коллективности и всемирная унификация процесса урбанизации привели к возникновению городов и мегаполисов. Последние, ранее обеспечивающие безопасность и выживаемость, в том числе посредством повышения сплоченности, наоборот, приобрели свойство небезопасности, одной из возможных причин чего выступают просчеты средового проектирования. В зарубежной криминологии предупреждение преступлений посредством средового проектирования активно разрабатывается с 80-х годов прошлого века и даже сформировалось в самостоятельную стратегию предупреждения преступности на основе экологического дизайна (CPTED). Однако существующие при этом подходы, ориентированные, в первую очередь, на изучение взаимодействия преступника и среды, в целях выявления степени ее влияния на вариативность поведения человека, свидетельствуют о необходимости расширения научно-исследовательского интереса, в том числе и за счет аналогичного изучения жертвы и ее взаимодействия с пространством и средой. Указанное обусловлено, прежде всего, значимостью самой жертвы, как одного из элементов механизма преступного поведения, представляющего собой процесс взаимодействия индивидов и пространственно-средовых факторов.

Ключевые слова: жертва, безопасность, преступление, предупреждение преступлений, пространственно-средовое проектирование.

Для цитирования: Радостева, Ю. В. Жертва и пространство / Ю. В. Радостева // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 90–93.

VICTIM AND SPACE

Yu. V. Radosteva

Ural State Law University

Yekaterinburg, Russian Federation

E-mail: la-venta@mail.ru.

Abstract. Human does not exist outside of space. At the same time, in a constant striving for comfort and safety, the individual influences the world around him, transforming the space around him. The consequence of this is an increase in the range of possible threats, including from the position of criminal activity. Thus, the desire for collectivity and the worldwide unification of the urbanization process led to the emergence of cities and megacities. The latter, which previously ensured safety and survival, including through increased cohesion, on the contrary, acquired the property of insecurity, one of the possible reasons for which is the miscalculations of environmental design. In foreign criminology, crime prevention through environment design has been actively developed since the 80s of the last century and even formed into an independent crime prevention strategy based on environmental design (CPTED). However, the existing approaches, focused primarily on the study of the interaction of the offender and the environment, in order to identify the degree of its influence on the variability of human behavior, indicate the need to expand research interest, including through a similar study of the victim and her interaction with space and environment. This is due, first of all, to the importance of the victim itself, as one of the elements of the mechanism of criminal behavior, which is a process of interaction between individuals and spatial and environmental factors.

Keywords: victim, security, crime, crime prevention, spatial-environmental design.

For citation: Radosteva, Yu. V. Victim and Space. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 90–93. (In Russ.)

Введение

Человек немислим вне пространства, как формы существования материи. Порождением потребностей человека, выступает деятельность, направленная на преобразование окружающего мира, благодаря которой постоянный рост уровня жизни, комфорта и безопасности воспринимается абсолютно естественно. В своем стремлении к созданию такого комфортного и безопасного пространства человек всегда использовал пространственные формы для своей защиты. Он обустроивал жилище в недоступных для проникновения чужаков местах, регулировал способы проникновения в эти внутренние пространства, выстраивал заградительные сооружения и многое другое.

Но человек — существо коллективное и там, где он поселяется, возникает множество жилищ, соседствующих друг с другом. По мере роста их количества, образовались кварталы, поселения, города, мегаполисы. Последние, ранее обеспечивающие безопасность и выживаемость, в том числе посредством повышения сплоченности, наоборот, приобрели свойство небезопасности (за счет повышенной плотности населения, дефицита средств жизнеобеспечения, жилищных, транспортных проблем, недостатка личного пространства и просчетов, связанных с его организацией и т. д.).

Очевидно, что на сегодняшнем этапе развития человечества большая часть окружающего его пространства так или иначе подверглась воздействию человека. А с увеличением этого преобразующего влияния, соответственно, выросли и масштабы опасностей, порождаемых им, в том числе и с позиций криминального поведения. Последнее, будучи процессом происходящим в определенном времени и в пространстве, неизбежно мотивационно обусловлено этим оказываемым на него влиянием внутренних и внешних факторов среды [2, с. 176].

Таким образом, и механизм конкретного преступления представляет собой процесс взаимодействия индивидов (преступника, жертвы, иных лиц) и пространственно-средовых факторов, формирующий их поведение и реализующий его.

Материал и методы

Существующие подходы к проблеме обеспечения безопасности того или иного пространства (городского, уличного, дорожного и т. д.) носят преимущественно предметно-отраслевой характер, что является очевидно

недостаточным для создания безопасной и комфортной среды и, в конечном счете, решения основной стратегической задачи обеспечения безопасности личности от внутренних и внешних угроз. Требуется совершенно новый интегрированный подход, включающий объединение технической и гуманитарной составляющих проблемы обеспечения пространственно-средовой безопасности, основанный на теоретических выводах средовой криминологии (криминологии среды), как разновидности ситуационного направления предупреждения преступлений, т. е. выделении элементов окружающей среды и пространства, оказывающих криминогенное воздействие на человека и виктимизацию жертвы и последующем анализе степени их влияния на вариативность поведения человека.

Результаты и обсуждение результатов

Действия преступника зачастую зависят не только от его личностных установок, стремлений, наклонностей и прочего. В большинстве случаев в конкретном преступлении между преступником и жертвой имеется взаимосвязь. Как в свое время образно выразился Ганс фон Гентиг «часто преступник и жертва подходят друг к другу как замок и ключ» [4, с. 384]. Используемые же ими при этом среда и пространство, наряду с иными составляющими, также оказываются не всегда случайным фактором, взаимовлияющим и взаимообуславливающим их поведение.

Соответственно, подобные характеристики среды и пространства вполне могут быть подвержены корректировке с позиции, например, минимизации удобства и возможности совершения преступления.

Влияние пространственных факторов на формирование отношений между людьми, как криминальных, так и некриминальных, стало предметом исследования еще с начала 60-х годов XX столетия. Появившиеся направления — энвайронментальная криминология, средовая криминология и др. изучают преступность и виктимизацию в связи с особенностями среды и с учетом того как индивиды и группы организуют собственную активность пространственно. Вспомним теорию «виктимности 7 секунд» американского исследователя Бетти Грейсон, утверждавшей, что обычный преступник не нападает на жертву просто так, не обращая внимания, что за личность перед

ним. Но в отсутствие внешних условий для этого положительный результат может оказаться и недостижим¹. Указанный вывод вполне коррелирует с новейшими исследованиями в области нейробиологии о том, что мозг человека подготавливается к мыслительной активности еще до того момента как человек это осознает.

Соответственно, когда человек сталкивается с выбором из каких-либо альтернатив избирательности своего поведения, о которых нужно подумать, то изначальные зачатки мыслей уже находится в подкорке подсознания. Как только наше подсознание приступает к выбору о дальнейшем поведении, исполнительные отделы мозга выбирают тот вариант мысли, чей сигнал оказывается сильнее остальных. Иначе говоря, в случае, когда подсознательная активность находит отклик в одном из возможных существующих выборов, мозг с большой долей вероятности выберет указанный вариант среди предложенных альтернатив, поскольку именно этот сигнал усиливается подсознательной активностью» [5].

Таким образом, установке преступника об удобстве/неудобстве территории для совершения преступления, как, например: ограниченность пространства, его открытость или, наоборот, закрытость для специального или социального контроля; расстояние до иных объектов, в том числе объектов безопасности (например, опорных пунктов полиции, систем фото и видео фиксации и др.) или объектов, имеющих соответствующие маркеры безопасности (наличие специальных знаков о ведущемся наблюдении, наличии систем охраны и др.); возможности (невозможности) слияния преступника со средой, при которой его присутствие в данном месте не должно привлекать внимания или вызывать подозрения; степень посещаемости территории; возможности перемещения на ней (способы, количество направлений, удобство использования тех или иных видов транспорта и др.); возможность беспрепятственного сокрытия преступления и преступника и т. д.) зачастую противостоит обратная установка жертвы относительно данной территории и пространства: как безопасного либо нет.

Указанная установка одновременно доминантно распределяется с иными ценностями и факторами (например, удобства, экономии, привычек, стереотипов поведения, когнитивных установок и предвзятостей и т. д.).

Соответственно, задача преобразования территории и пространства в целях придания

им свойств безопасности (включая антикриминальную) осложняется за счет необходимости создания предпосылок индивидуального субъективного ранжирования индивидом-пользователем пространства и территории приоритета безопасности в числе иных ценностных установок избирательности своего поведения и нивелирования возможности негативной оценки мер безопасности, как существенно осложняющих жизнь (требующей значительных временных, экономических, психологических, физических и иных затрат).

Дополнительным позитивным результатом такого воздействия при помощи факторов среды и пространства является то, что он одновременно может корреспондирующе влиять на избирательность индивида в выборе антикриминального правомерного варианта поведения и снижении уровня виктимности поведения жертвы. Трэвисом Хирши, основоположником теории социального контроля, по этому поводу было замечено, что при всей поливариативности мотивации людей к совершению преступления и уклонения от его совершения, второе (что останавливает людей от совершения преступления) важнее, чем первое. Соответственно, в поисках различий между лицами, совершающими преступления и не совершающими их, следует прежде всего искать не присутствие или отсутствие «зеленого цвета» на совершение правонарушения, а, наоборот, тот «красный цвет», который останавливает людей от совершения преступления [3, с. 205].

Выводы

Совершенствование мер по предупреждению преступности требует поиска новых моделей по достижению указанной цели.

Среди таких относительно новых способов противодействия преступности является предупреждение преступлений при помощи пространственно-средового проектирования, как разновидности ситуационного подхода к изучению конкретной ситуации в генезисе процесса криминальной и предкриминальной активности, развертывающегося в конкретном пространстве и времени. Указанный подход имеет существенные наработки в зарубежной криминологии.

Ситуационные модели предупреждения преступности разрабатывались в числе теорий, которые ряд авторов условно именуют теориями рационального выбора (теория сдерживания, собственно теория рационального выбора, теория самоконтроля, теория возможностей и др.) [1, с. 350].

Это предполагает, с одной стороны, возможность воздействия на ситуацию совершения

¹ Виктимология и девиантное поведение // Портал о психологии. URL: <https://psychologus.ru/viktimologiya-i-deviantnoe-povedenie> (дата обращения: 14.03.2021).

преступления (сдерживающего, устраняющего, минимизирующего и т. д.), с другой — позволяет оценивать эффективность предупреждения по количеству лиц, воздержавшихся от их совершения, что фактически и является идеальной целью создания условий безопасности в обществе.

Подобная модель предупреждения преступлений посредством средового проектирования с 80-х годов 20-го столетия сформировалась в самостоятельную стратегию предупреждения преступности на основе экологического дизайна (CPTED), широко используемого во многих странах (США, Великобритании, Нидерландах, Финляндии, Норвегии, Франции и др.).

Несмотря на значительное внимание зарубежной криминологии данному направлению криминологического знания, следует отметить его пробельность в части изучения влияния пространства на жертву, выступающую нередко

не менее значимым элементом механизма преступного поведения, что требует по-новому переосмыслить уже достигнутое.

Заключение

Мотивационная обусловленность избирательности поведения индивида в конкретной жизненной ситуации (преступника, жертвы, иных лиц) зависит от многих факторов, включая факторы пространства. В силу этого последние вполне могут быть предметом криминологического изучения в целях последующей корректировки с позиции придания им свойств сдерживания от того или иного негативно-разрушительного варианта поведения (криминального, виктимного и т. д.).

Изложенное обуславливает возможность включения в исследовательский потенциал методик средового проектирования с позиции его воздействия не только на преступника, но и на его потенциальную жертву.

Список литературы

1. Гуринская, А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Гуринская Анна Леонидовна. — Санкт-Петербург, 2018. — 555 с.
2. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. — 5-е изд. перераб. и доп. — Москва : Норма : Инфра-М, 2018. — 800 с.
3. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. — Санкт-Петербург : Питер, 2003 — 864 с.
4. Hansvon Henting. *The Criminal and His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime*. New Haven: Yale University Press, 1948, 461 p.
5. Koenig-Robert, R., Pearson, J. Decoding the contents and strength of imagery before volitional engagement. *Scientific reports*, 2019;9(1):3504. DOI: 10.1038/s41598-019-39813-y.

References

1. Gurinskaya, A. L. Anglo-amerikanskaya model preduprezhdeniya prestupnosti : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovovno-ispolnitelnoe pravo» : dis. ... d-ra yurid. nauk / Gurinskaya Anna Leonidovna. — Sankt-Peterburg, 2018. — 555 s.
2. Kriminologiya : uchebnik / pod red. V. N. Kudryavtseva, V. Ye. Eminova. — 5-e izd. pererab. i dop. — Moskva : Norma : Infra-M, 2018. — 800 s.
3. Kriminologiya / pod red. Dzh. F. Shelli. — Sankt-Peterburg : Piter, 2003 — 864 s.
4. Hansvon Henting. *The Criminal and His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime*. New Haven: Yale University Press, 1948, 461 p.
5. Koenig-Robert, R., Pearson, J. Decoding the contents and strength of imagery before volitional engagement. *Scientific reports*, 2019;9(1):3504. DOI: 10.1038/s41598-019-39813-y.

Дата поступления статьи: 15.03.2021.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 351.74/.76

С. 94–97

ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ СОБСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Поспеев К. Ю.

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: Pospееv65@mail.ru.

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема охраны собственных объектов органов внутренних дел от беспилотных летательных аппаратов, которая по представлению автора складывается из двух компонентов: нормативного регулирования и использование различных технических средств обнаружения и пресечения полета беспилотного летательного аппарата. Разработаны предложения по совершенствованию мер обеспечения охраны собственных объектов органов внутренних дел от беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: собственные объекты органов внутренних дел, беспилотный летательный аппарат, обнаружение и пресечение полета беспилотного летательного аппарата.

Для цитирования: Поспеев, К. Ю. Проблема охраны собственных объектов органов внутренних дел от беспилотных летательных аппаратов / К. Ю. Поспеев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 94–97.

THE PROBLEM OF PROTECTING THE INTERNAL AFFAIRS BODIES' OWN FACILITIES FROM UNMANNED AERIAL VEHICLES

K. Yu. Pospееv

South Ural State University

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: Pospееv65@mail.ru.

Abstract. The article deals with the problem of protecting the internal affairs bodies' own facilities from unmanned aerial vehicles, which, according to the author, consists of two components: regulatory regulation and the use of various technical means for detecting and suppressing the flight of an unmanned aerial vehicle. Proposals have been developed to improve measures to ensure the protection of internal affairs bodies' own facilities from unmanned aerial vehicles.

Keywords: own objects of the internal affairs bodies, unmanned aerial vehicle, detection and suppression of the flight of an unmanned aerial vehicle.

For citation: Pospееv, K. Yu. The Problem of Protecting the Internal Affairs Bodies' Own Facilities from Unmanned Aerial Vehicles. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 94–97. (In Russ.)

Введение

Беспилотный летательный аппарат (БПЛА) — это летательный аппарат, выполняющий полет без пилота на борту и управляемый в полете автоматически, оператором с пункта управления или сочетанием указанных способов.

На сегодняшний день БПЛА получают все большее распространение в самых различных

сферах жизни. По назначению их можно разделить на: гражданские (для перевозки грузов, строительства), потребительские (например для видеосъемки), боевые (для выполнения военных целей).

Именно первые два вида БПЛА скрывают в себе большую опасность, поскольку они общедоступны и их можно использовать в противоправных целях.

Террористические группы и лица, ведущие противоправную деятельность, применяют БПЛА для решения следующих задач [1; 2]:

— проникновение за периметр охраняемых объектов органов внутренних дел;

— транспортировка самодельных взрывных устройств;

— причинение повреждений зданиям, сооружениям, объектам инфраструктуры, а также транспортным средствам органов внутренних дел;

— перемещение запрещенных средств или их заброска на охраняемую территорию.

Использование таких беспилотников существенно повышает общественную опасность, поскольку они без труда могут залететь на практически любую территорию и атаковать объект, в том числе и на территорию собственных объектов органов внутренних дел (далее — ОВД). В связи с этим возникает необходимость нормативного регулирования полета БПЛА.

Описание исследования

В декабре 2019 года был издан Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который урегулировал некоторые вопросы, связанные с БПЛА¹. Однако данным Законом ничего не сказано о территориях, в воздушном пространстве которых летать запрещено. По сути дела, территория ОВД никак не защищена от полетов БПЛА, а ведь она тоже может быть объектом нападения со стороны преступников. Также самое можно сказать и про исправительные учреждения.

В приложении к Приказу Министерства транспорта РФ от 1 июля 2019 г. № 207 «О внесении изменений в приложение к приказу Министерства транспорта Российской Федерации от 17 декабря 2018 г. № 451 „Об установлении запретных зон“» перечислены координаты зон, в воздушном пространстве которых находится БПЛА запрещено, например, над атомными станциями или некоторыми заводами². Но нет ни слова о запрете полетов БПЛА в воздушном пространстве собственных объектов органов внутренних дел.

Приказ МВД России от 31.12.2014 г. № 1152 «Об обеспечении безопасности объектов органов

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.01.2021).

² О внесении изменений в приложение к приказу Министерства транспорта РФ от 17 декабря 2018 г. № 451 «Об установлении запретных зон» : Приказ Министерства транспорта РФ от 1 июля 2019 г. № 207 (с изм. и доп.) // СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.01.2021).

внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств» устанавливает классификацию объектов в зависимости от угрозы нападения на них³.

В соответствии с этим приказом все объекты органов внутренних дел можно поделить по 4 категориям.

Проанализировав подробно защиту объектов и категории в соответствии с данным приказом МВД РФ можно сделать вывод, что в защиту таких объектов входит: инженерные ограждения, ограждения и иные препятствия, способствующие затруднить проникновение нарушителя на территорию правоохранительного органа; КПП; усиление стен, перекрытий и перегородок путем установки со внутренней стороны помещения металлических решеток или сеток; технические средства охраны, такие как охранная сигнализация, охранное видеонаблюдение, системы экстренного оповещения, технические средства досмотра.

Подводя итог, рассмотренные выше средства защиты объектов и категории обеспечивают надежную охрану от неправомерного проникновения лиц и транспортных средств, но от атаки со стороны беспилотных летательных аппаратов данные устройства не смогут защитить объекты поскольку в настоящее время нет специальных приборов для обнаружения и ликвидации БПЛА, а охранное видеонаблюдение осуществляет наблюдение лишь за периметром объектов и не сможет установить беспилотный летательный аппарат, который летает так высоко над землей.

Еще одним средством защиты собственных объектов ОВД от нападения является введение специального плана «Крепость»⁴.

Специальный план «Крепость» предусматривает два варианта действий для сотрудников правоохранительных органов при котором происходит оповещение и сбор личного состава сотрудников правоохранительных органов для охраны и обороны, а также отражения нападения на здание ОВД.

Специальный план «Крепость» отлично применяется в том случае, когда на здание ОВД нападают преступники или правонарушители, в этом случае разработаны специальные инструкции, которые направлены на защиту

³ Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств : Приказ МВД России от 31.12.2014 г. № 1152 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Что такое план «Сирена» и план «Крепость»? // Аргументы и факты : [сайт]. URL: https://aif.ru/society/safety/chto_takoe_plan_sirena_i_plan_krepost (дата обращения: 22.01.2021).

объекта ОВД, сотрудников ОВД, а также иных лиц, находящихся в момент нападения на объект или на его территории.

В законодательстве не урегулирован вопрос о запрете БПЛА находиться в воздушном пространстве территории объектов ОВД. Этот пробел в законодательстве можно решить с помощью принятия Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В Федеральный закон «О полиции» должны добавиться статьи, которые бы позволяли сотрудникам правоохранительных органов пресекать нахождение БПЛА в своем воздушном пространстве.

Необходимо внесение поправок в Приказ МВД России от 31.12.2014 г. № 1152 «Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств». Данные поправки должны содержать инструкцию по защите собственных объектов ОВД от атаки со стороны БПЛА, а также о мерах пресечения беспилотных летательных аппаратов в своем воздушном пространстве.

В ведомственных нормативных актах ОВД, регулирующих введение специального плана «Крепость» учесть возможность угрозы со стороны БПЛА и выработать меры своевременно обнаружению и ликвидации БПЛА.

Техническая задача защиты собственных объектов ОВД от угрозы со стороны малогабаритных БПЛА включает в себя: обнаружение и обезвреживание.

Предлагаются следующие пути решения для обнаружения малогабаритных БПЛА [4]:

1) использование пассивной радиолокации, которая в отличие от традиционной активной, не будет оказывать дополнительное излучение в населенных пунктах. Ученые разработали специальный прибор, позволяющий определить координаты необходимого БПЛА путем использования большого количества сигналов от сторонних источников, которые отражаются от радиолокационной цели: передатчиков сотовой связи, радиовещания, цифрового ТВ¹;

2) акустическое обнаружение. БПЛА в полёте генерирует акустические (звуковые) волны и принимаются акустическими микрофонами, которые в последующем преобразуют акустическое давление в электрический сигнал.

¹ Разработка ТУСУР позволит создать системы для отслеживания полётов дронов в городе на малой высоте // Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники : [сайт]. URL: <https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-razrabotka-tusur-pozvolit-sozdat-sistemy-dlya-otslezhivaniya-polyotov-dronov-v-gorode-na-maloy-vysote> (дата обращения: 23.01.2021).

Источниками звуковых волн, как правило являются двигательные установки летательного аппарата и лопасти его воздушных винтов. Использование акустических средств, в частности, средства акустической разведки позволит определить пеленг на БПЛА и класс (тип) БПЛА;

3) оптическое обнаружение, путем установления многоспектральной оптико-электронной системы. Данная система позволяет обнаружить и распознать объекты путем регистрации их собственного оптического излучения в различных диапазонах. Результативность оптического обнаружения БПЛА зависит от погодных условий и времени суток.

Для решения проблемы обнаружения БПЛА в настоящее время эффективно используются следующие каналы: акустический, оптический, инфракрасный и радиоканал, и канал радиоразведки. Для обнаружения малогабаритных БПЛА наиболее эффективным является акустический канал [3].

Наилучшим вариантом в защите собственных объектов ОВД было бы комплексное использование данных пассивной локации, акустического и оптического обнаружения. Это позволит повысить вероятность обнаружения БПЛА.

Заключение

Пресекать нахождение беспилотных летательных аппаратов можно несколькими способами, например [4]:

1) применение систем радиоэлектронной борьбы (РЭБ), которые обеспечивают одновременное радиоэлектронное подавление различных систем БПЛА. Эти комплексы воздействуют с помощью специальных помех, которые воздействуют на систему управления БПЛА на больших расстояниях мощным и эффективным цифровым сигналом. Современные средства РЭП могут формировать широкую номенклатуру радиоэлектронных помех; они позволяют одновременно поражать большое количество БПЛА, имеющих сходное радиоэлектронное оборудование; средства РЭП могут быть избирательными, подавляя только источники радиоизлучений с определенными параметрами. Воздействие средств РЭП будет не эффективно при условии соблюдения электромагнитной доступности БПЛА; подавление канала управления и навигации возможно только при условии активного дистанционного управления. Полет в режиме «радиомолчания» по заблаговременно заложенной программе, не позволяет вскрыть факт полета такого БПЛА;

2) использования систем физического поражения БПЛА путем применения лазерных

систем. Лазерные средства поражения, обеспечивают однозначный эффект прекращения полета БПЛА за контролируемую зону путем его нагрева с последующим разрушением. Лазерное излучение обладает высокой избирательностью, может применяться днем и ночью, а также против БПЛА, осуществляющих полет в режиме «радиомолчания» и по автономной программе. Лазерное излучение не требует проведения масштабных мероприятий по обеспечению электромагнитной совместимости с другими радиоэлектронными средствами, и электромагнитной безопасности операторов этих средств;

3) использования механических систем поражения БПЛА на небольших дистанциях, например, с помощью струи воды, сеткой. Использование сетей, применяемых с Земли или с других БПЛА, является активно развиваемым направлением. Этому способу присущи недостатки, которые ограничивают его применение при проведении специальных операций: возможность применения в пределах визуального наблюдения; зависимость от погодных условий;

4) при обеспечении максимального уровня безопасности возможно использование электромагнитного (СВЧ) оружия. Поражение электромагнитным излучением — разрушение или повреждение элементов путем использования однократных или многократных импульсных электромагнитных воздействий. Урон причиняется путем необратимого изменения физико-химической структуры элементов вследствие воздействия электромагнитных полей на материалы, которые входят в состав приборов и других компонентов этих систем;

5) использование БПЛА-перехватчиков. Например, использование БПЛА, оснащенных боеприпасами с поражающими элементами. В качестве поражающих элементов могут выступать: площадные сети или нити из высокопрочных материалов; острые, длинные иглы; различные клейкие аэрозоли; а также горючие аэрозоли.

Таким образом, грамотное использование различных технических средств увеличивает вероятность поражения БПЛА используемых в преступных целях, при этом не нанося вреда жизни и здоровью гражданам.

Список литературы

1. Аниськов, Р. В. К вопросу борьбы с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов коммерческого типа / Р. В. Аниськов, Е. В. Архипова, А. А. Гордеев, А. Н. Пугачев // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. — 2017. — № 9-10 (111-112). — С. 71-75.
2. Демьянович, М. А. Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы / М. А. Демьянович // Правопорядок: история, теория, практика. — 2019. — № 2 (21). — С. 108-112.
3. Карташов, В. М. Особенности обнаружения и распознавания малых беспилотных летательных аппаратов / В. М. Карташов, В. Н. Олейников, С. А. Шейко [и др.] // Радиотехника. — 2018. — № 195. — С. 235-243. — URL: http://openarchive.nure.ua/bitstream/document/9513/1/Kartashov_235_243.pdf (дата обращения: 11.12.2019).
4. Макаренко, С. И. Противодействие беспилотным летательным аппаратам : монография / С. И. Макаренко. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2020. — 204 с.

References

1. Aniskov, R. V. K voprosu borby s nezakonnym ispolzovaniem bespilotnykh letatelnykh apparatov kommercheskogo tipa / R. V. Aniskov, Ye. V. Arkhipova, A. A. Gordeev, A. N. Pugachev // Voprosy oboronnoy tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeystviya terrorizmu. — 2017. — № 9-10 (111-112). — S. 71-75.
2. Demyanovich, M. A. Ispolzovanie bespilotnykh letatelnykh apparatov v prestupnykh tselyakh: metody protivodeystviya i borby / M. A. Demyanovich // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. — 2019. — № 2 (21). — S. 108-112.
3. Kartashov, V. M. Osobennosti obnaruzheniya i raspoznavaniya malykh bespilotnykh letatelnykh apparatov / V. M. Kartashov, V. N. Oleynikov, S. A. Sheyko [i dr.] // Radiotekhnika. — 2018. — № 195. — S. 235-243. — URL: http://openarchive.nure.ua/bitstream/document/9513/1/Kartashov_235_243.pdf (data obrashcheniya: 11.12.2019).
4. Makarenko, S. I. Protivodeystvie bespilotnym letatelnykh apparatam : monografiya / S. I. Makarenko. — Sankt-Peterburg : Naukoemkie tekhnologii, 2020. — 204 s.

Дата поступления статьи: 26.01.2021.

ВИНОВНОСТЬ ЛИЦА В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РЕШЕНИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Хохрякова Э. А.

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: ea_hohryakova@bk.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос можно ли воспринимать представление доказательств и отражение их наличия в описательно-мотивировочной части постановления суда, как необходимость установления виновности лица в совершении преступления при освобождении лица от уголовной ответственности?

Автором представлена точка зрения, что при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, виновность лица не устанавливается. Признать лицо виновным может только суд в приговоре. Для внесения ясности по этому вопросу автор считает достаточным, чтобы Верховного Суда Российской Федерации выразил свою позицию в Постановлении Пленума, посвященном институту освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: институт освобождения от уголовной ответственности, приговор, виновность лица, судебный штраф, меры уголовно-правового характера, назначение судебного штрафа.

Для цитирования: Хохрякова, Э. А. Виновность лица в процессуальном решении об освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа / Э. А. Хохрякова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 98–101.

THE GUILT OF A PERSON IN A PROCEDURAL DECISION ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH THE APPOINTMENT OF A COURT FINE

E. A. Khokhryakova

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: ea_hohryakova@bk.ru.

Abstract. The article considers the question whether it is possible to perceive the presentation of evidence and the reflection of their presence in the descriptive and motivational part of the court decision as the need to establish the guilt of a person in committing a crime when releasing a person from criminal liability?

The author presents the point of view that when a person is released from criminal liability in connection with the imposition of a court fine, the guilt of the person is not established. Only a court can find a person guilty in a sentence. To clarify this issue, the author considers it sufficient that the Supreme Court of the Russian Federation expressed its position in the Resolution of the Plenum on the institution of exemption from criminal liability.

Keywords: institution of exemption from criminal liability, sentence, guilt of a person, judicial fine, measures of a criminal legal nature, appointment of a judicial fine.

For citation: Khokhryakova, E. A. The Guilt of a Person in a Procedural Decision on Exemption from Criminal Liability in Connection with the Appointment of a Court Fine. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 98–101. (In Russ.)

Введение

В соответствии с п. 25.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями и дополнениями) в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства в соответствии с ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ должны быть изложены доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение или предъявленное обвинение, равно как и в описательно-мотивировочной части постановления суда об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа должен содержаться вывод о том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу¹.

Правовая позиция Верховного Суда РФ, выраженная в указанном разъяснении, представляется важной для правоприменительной практики.

В отличие от освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 75, ст. 76 и ст. 76.1 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) может быть осуществлено только судом. Отсюда и вытекает обязанность суда убедиться в обоснованности подозрения (обвинения), и только при данном условии решать вопрос о возможности прекращения уголовного дела или уголовного преследования и применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа².

Описание исследования

В Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г., при изучении и обобщении практики освобождения от уголовной ответственности по основаниям,

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Верховный Суд РФ: [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8350/> (дата обращения: 26.02.2021).

² Обобщение судебной практики применения судами законодательства об освобождении лица от уголовной ответственности с назначением ему судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) за 2017 год и 1 полугодие 2018 года // Верховный Суд Республики Саха (Якутия) : [сайт]. URL: http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=607 (дата обращения: 26.02.2021).

предусмотренным ст. 76.2 УК РФ, не представлена практика по соблюдению судами вышеприведенных указаний и поэтому отсутствуют какие-либо дополнительные позиции Верховного Суда РФ по обозначенному вопросу.

Возникает вопрос — содержание указаний, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» о необходимости представления доказательств и отражение их наличия в описательно-мотивировочной части постановления суда, можно ли воспринимать как необходимость установления виновности лица в совершении преступления при освобождении лица от уголовной ответственности?

Е. В. Рябцева, исследуя правовую природу производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, приходит к выводу о том, что «при рассмотрении вопроса о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде штрафа исследуются обстоятельства уголовного дела, *виновность лица* в совершении преступления...» [5, с. 105].

В зависимости от стадии, на которой решается рассматриваемый вопрос, указывает Е. В. Рябцева, можно говорить «об особенностях предмета доказывания, усеченном характере исследуемых обстоятельств уголовного дела [5, с. 105]. Тем не менее, элементы предмета доказывания, исследуемые в данном случае, позволяют сделать вывод о рассмотрении уголовного дела по существу и решить ключевой вопрос о виновности или невиновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления. Только при наличии всей совокупности относимых, допустимых, достоверных и достаточных доказательств суд может освободить лицо от назначения наказания и применить меру уголовно-правового характера в виде штрафа» [5, с. 105].

Представляется, что такая точка зрения по решению «ключевого вопроса о виновности или невиновности лица в совершении инкриминируемого преступления», при всех оговорках автора по «особенностям предмета доказывания», при принятии процессуального решения, в результате которого лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, ошибочна.

Если уголовное дело или уголовное преследование прекращается до передачи дела в суд или судом вместо постановления по нему приговора, в том числе по основаниям, не предполагающим формулирование доводов о непричастности подозреваемого (обвиняемого,

подсудимого) к совершению преступления, то процессуальный акт, прекращающий дело, не может рассматриваться как подтверждающий виновность [4, с. 290].

К этому правильному суждению, трудно что-либо добавить, так как вопрос о виновности или невиновности лица может быть решен лишь приговором суда, что прямо закреплено в ст. 5 УПК РФ.

Также в п. 28 ст. 5 УПК РФ закреплено понятие приговора — как решения о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенного судом первой или апелляционной инстанции».

Кроме того, в п. 23 и п. 25 ст. 5 УПК РФ законодатель дает понятие таких процессуальных решений как определение и постановление, при этом раскрывая их содержание, особо подчеркивает процессуальную уникальность приговора.

Определение и постановление объединяет то, что они «любое решение за исключением приговора», так как не в «любом решении», а в приговоре суда констатируется доказанность виновности лица в совершении преступления.

На эту уникальность приговора как процессуального решения обратил внимание Верховный Суд РФ в преамбуле постановления Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», указав, что «конституционное положение о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия и обязывает суды неукоснительно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к приговору»¹.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу так же выражена ясно и недвусмысленно. Конституционный Суд РФ исходит из того, что «решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации»².

¹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 (преамбула) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ (дата обращения: 26.02.2021).

² По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова : пост. Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205929/> (дата обращения: 26.02.2021).

Соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Принимая решение об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, виновными в совершении преступления либо (что равнозначно) в деянии, содержащем все признаки состава преступления, не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми — в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения»³.

В соответствии с ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ прекращение уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции — до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Из этого можно сделать вывод, что и при отмене приговора суда первой инстанции, который был вынесен незаконно в силу неприменения правил освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, суд апелляционной инстанции при принятии постановления об отмене приговора и прекращении уголовного дела, не обязан проверять законность приговора с точки зрения доказанности виновности лица в совершении преступления.

Именно так поступают суды апелляционной инстанции, если приходят к выводу о возможности применения правил освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Так, как следует из примера, приведенного в Обзоре судебной практики судебной

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрова и Ю. Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П // Законы, кодексы, нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/Postanovlenie-KS-RF-16_P-ot-14_07_11/ (дата обращения: 26.02.2021).

коллегии по уголовным делам Калужского областного суда, суд апелляционной инстанции «принял во внимание данные о личности осужденного Л., наличие у него смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств и пришел к выводу о том, что условия, предусмотренные статьей 76.2 УК РФ, по данному делу соблюдены, исходя из указанных обстоятельств постановил приговор отменить, прекратить уголовное дело в отношении Л. в связи с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа на основании ст. 25.1 УПК РФ»¹.

Отменяя приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 15.07.2016 и принимая новое решение в отношении З. Д. Ю., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ, указывается в Обобщение судебной практики Амурского областного суда, суд апелляционной инстанции в обоснование своих выводов о прекращении уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ сослался на то, что З. Д. Ю. впервые совершил преступление средней тяжести, возместил потерпевшему ущерб и загладил причиненный преступлением вред и потерпевший не имеет к нему претензий,

¹ Обзор судебной практики судебной коллегии по уголовным делам Калужского обл.суда за III кв. 2019 г. // Калужский обл. суд : [сайт]. URL: http://oblsud.klg.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=154 (дата обращения: 26.02.2021).

обвиняемый не возражает против прекращения дела по указанным основаниям².

Заключение

Содержание смысла института освобождения от уголовной ответственности верно выражено Г. В. Вериной, полагающей, что «в освобождение от уголовной ответственности есть основания вкладывать следующий смысл: это освобождение лица, совершившего преступление, от осуждения (порицания, отрицательной оценки) в форме обвинительного приговора суда от имени государства» [1, с. 36].

При этом нельзя не учитывать наличие точки зрения о том, что при рассмотрении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности исследуется *виновность лица* и такое мнение не единично [2; 3; 5].

Представляется, что в данном случае может быть достаточно привести перечень доказательств, так как достоверность их в данной процедуре в процессуальном порядке не оценивается.

Для решения данного вопроса достаточно, чтобы Верховный Суд Российской Федерации выразил свою позицию в Постановлении Пленума, посвященном институту освобождения от уголовной ответственности.

² Обобщение судебной практики применения судами области законодательства об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Амурский обл. суд : [сайт]. URL: http://oblsud.amr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=185 (дата обращения: 26.02.2021).

Список литературы

1. Верина, Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы: монография / Г. В. Верина. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 199 с.
2. Голенко, Д. В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Д. В. Голенко // Юридический вестник Самарского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 78–82.
3. Мазюк, Р. В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве / Р. В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 2. — С. 23–35.
4. Правосудие в современном мире: монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.]; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : Норма, 2017. — 784 с.
5. Рябцева, Е. В. Правовая природа производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Е. В. Рябцева // Российское правосудие. — 2017. — № 4. — С. 101–107.

References

1. Verina, G. V. Fundamentalnye ponyatiya ugovolnogo prava Rossii: aktualnye problemy : monografiya / G. V. Verina. — Moskva: Yurlitinform, 2018. — 199 s.
2. Golenko, D. V. Sudebnyy shtraf kak inaya mera ugovolno-pravovogo kharaktera / D. V. Golenko // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — № 1. — S. 78–82.
3. Mazyuk, R. V. Sudebnyy shtraf kak alternativa prigovoru v ugovolnom sudoproizvodstve / R. V. Mazyuk // Sibirskie ugovolno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2017. — № 2. — S. 23–35.
4. Pravosudie v sovremennom mire: monografiya / V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva, A. S. Avtonomov [i dr.]; pod red. V. M. Lebedeva, T. Ya. Khabrievoy. — 2-e izd., dop. i pererab. — Moskva : Norma, 2017. — 784 s.
5. Ryabtseva, Ye. V. Pravovaya priroda proizvodstva o naznachenii mery ugovolno-pravovogo kharaktera v vide sudebnogo shtrafa / Ye. V. Ryabtseva // Rossiyskoe pravosudie. — 2017. — № 4. — S. 101–107.

ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Туркаева Л. В.

Грозненский государственный нефтяной технический университет

им. академика М. Д. Миллионщикова

г. Грозный, Российская Федерация

E-mail: turkaevalaura@mail.ru.

Аннотация. Начало 90-х годов XX века по праву считается перестроечным этапом в политической, экономической и социальной сферах общественной жизни страны, обусловившие причину совершенствования правовой системы наряду с модернизацией институтов законодательства, гражданского общества, формирования правовой культуры населения. С точки зрения данного контекста особо пристальное внимание акцентируется на создании благоприятных условий для дальнейшего развития России в русле правового государства и, следовательно, необходимость в обеспечении личностного роста молодых кадров и *формировании высококвалифицированных специалистов, способных качественно работать в различных сферах юриспруденции*, а также представлять общественные и государственные интересы повышается с каждым днем. Именно высшее профессиональное юридическое образование составляет фундаментальную основу профессионального правового сознания в современном цивилизованном обществе. В связи с этим особую актуальность приобретает правовая степень культурного просвещения российского общества и уровень профессионального правосознания страты юристов как залог эффективности в решении правовых задач, стоящих перед российским государством. Как свидетельствует историческая практика, в современном мире не что иное, как высокая степень эффективности сферы образования во многом характеризует потенциал и богатство страны.

Ключевые слова: высшее образование, юриспруденция, правовое государство, гражданское общество, профессиональное правосознание, профессиональный рост, правовая культура, личность.

Для цитирования: Туркаева, Л. В. Тенденции модернизации современной системы высшего юридического образования в России как необходимое условие формирования профессиональной правовой культуры будущих юристов / Л. В. Туркаева // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 102–108.

TRENDS IN MODERNIZATION OF THE MODERN SYSTEM OF HIGHER LEGAL EDUCATION IN RUSSIA AS A NECESSARY CONDITION FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF FUTURE LAWYERS

L. V. Turkaeva

Grozny State Oil Technical University Named After Academician M. D. Millionshchikov,

Grozny, Russian Federation

E-mail: turkaevalaura@mail.ru.

Abstract. The early 90's of the XX century is rightly considered perestroika stage in the political, economic and social spheres of public life of the country, which determined the cause of improving the legal system along with the modernization of legislative institutions, civil society, the formation

of the legal culture of the population. From the point of view of this context, special attention is paid to the creation of favorable conditions for further development of Russia in the direction of the rule of law and, consequently, the need to ensure the personal growth of young personnel and *the formation of highly qualified professionals who are able to work well in various areas of law*, as well as represent the public and state interests is increasing every day. It is the higher professional legal education that constitutes the fundamental basis of professional legal consciousness in modern civilized society. In this connection, the legal degree of cultural education of Russian society and the level of professional legal consciousness of the stratum of lawyers as a guarantee of effectiveness in solving legal tasks facing the Russian state becomes particularly relevant. As evidenced by historical practice, in the modern world, nothing but the high degree of effectiveness of the sphere of education in many ways characterizes the potential and wealth of the country.

Keywords: higher education, law, legal state, civil society, professional legal awareness, professional growth, legal culture, personality.

For citation: Turkaeva, L. V. Trends in Modernization of the Modern System of Higher Legal Education in Russia as a Necessary Condition for the Formation of Professional Legal Culture of Future Lawyers. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 102–108. (In Russ.)

Введение

Фундаментальной основой в становлении правового государства и формировании гражданского общества является качественное юридическое образование как одна из стратегических линий государственной политики страны в области образования. Являясь комплексным элементом механизма правовой интеграции личности в социальную сферу, правовое образование выполняет приоритетную задачу в повышении правовой культуры, поскольку от практического опыта и профессиональной подготовки будущих юристов зависят законотворческая и правоохранительная деятельность, правовое воспитание общества.

История мировой цивилизации еще со времен античного общества повествует о высоком предназначении профессии юриста. На начальном этапе ее постижения современные студенты знакомятся с высказыванием одного из замечательнейших древнеримских юристов Ульпиана, определивший понятие «правовое знание» как святое дело, достойное высшей похвалы и уважения, что даже деньги не в состоянии ни оценить его, ни обесценить. Значительный вклад в дальнейшее развитие законодательства и правовых учений внесла система римского права, принципы которого нашли отражение и в новейшей концепции отечественной юриспруденции.

Римские традиции права в качестве идеального прототипа были положены в основу разработки теоретических основ и методологических приемов отечественной цивилистики выдающимся российским ученым Д. И. Мейером. В последующем идеи Дмитрия Мейера нашли практическое применение в современной системе высшего юридического образования,

а точнее — в трансформации образовательного процесса (специалитет — бакалавриат — магистратура) [1, с. 17–26].

На сегодняшний день в России функционирует огромное количество высших учебных заведений юридического профиля, но, к сожалению, вопрос о степени подготовки высококвалифицированных специалистов остается открытым и требует внимания научных исследований. Необходимость модернизации новейшей системы высшего юридического образования аргументирована одной из важнейших тенденций развития социально-правовой жизни современного российского общества.

По мнению известного юриста Н. С. Бондаря, правовое образование представляет конституционную ценность, как в плане частных прав, так и в сфере публичных интересов [2, с. 4–13]. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 7; ст. 43) мысль автора относительно правового статуса данных конституционных достоинств подводит нас к выводу о том, что, во-первых, они являются неотъемлемыми составляющими основ конституционного строя и, во-вторых, представляют собой конституционное начало правового статуса личности.

Главная задача совершенствования отечественной системы высшего юридического образования заключается в том, чтобы построить устойчивый механизм стабильного развития образования, отвечающего современным стандартам государственной политики страны XXI века.

Успешная реализация проводимых реформ и модернизация в сфере высшего профессионального образования являются главной причиной новейшего подхода к системе российского

юридического образования. Но при этом нормы действующего федерального законодательства в части вопросов, отнесенных к области регулирования образования, утратили юридическую силу и в полной мере не могут отвечать установленным требованиям качественного высшего образования.

Нормативно-правовые акты, регламентирующие образовательную деятельность в Российской Федерации, содержат не все вопросы системы образования, что создает сложности в правоприменительной практике участников образовательных отношений. Главная проблема заключается в создании эффективного механизма контроля за исполнением норм законодательства, защиты прав субъектов образовательного процесса, обеспечение гарантий государства в области образования [3, с. 38].

Слаженное развитие института современного общества возможно через призму реализации глобальных задач отечественного образования при условии обеспечения высшие учебные заведения соответствующим уровнем качества для подготовки высококвалифицированных специалистов.

Аналитические исследования российско-го юридического образования свидетельствуют о том, что в системе представленной формы образования присутствуют существенные пробелы, подтвержденные фактами низкого качества готовности выпускников высших образовательных учреждений к профессиональной деятельности и процессу интеграции в социальную сферу [4, с. 77–83].

На сегодняшний день повышение качественного уровня образовательного процесса в сфере юриспруденции (практическая составляющая) и налаженного механизма в подготовке высококвалифицированных специалистов являются первостепенными условиями в выполнении поставленной задачи в системе юридического образования. А факт нормативного подтверждения свидетельствует о высокой значимости обозначенной проблемы юридического образования и влечет необходимость разработки определенных предложений в направлении обеспечения практической направленности обучения юристов [5, с. 32].

Важной основой правового образования и воспитания граждан, а также неотъемлемым условием обеспечения требуемой законности и правопорядка в России является юридическое образование. Именно поэтому масштабы должного внимания к данной проблеме приобретают значительные единицы, иначе правовые реформы в образовательной системе могут спровоцировать отнюдь не желаемый результат, а наоборот, негативные социальные

последствия в форме недовольства граждан. В связи с этим 26 мая 2009 года Президентом Российской Федерации был издан Указ № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»¹, провозгласивший целый ряд мероприятий по модернизации отечественной системы юридического образования.

В числе мероприятий по повышению качества образования можно выделить следующие:

— введение лимита на подготовку юристов в вузах не правового формата;

— сокращение количества высших учебных заведений в сфере юриспруденции;

— применение процедуры общественной аккредитации юридических вузов и факультетов;

— модернизация методики лицензирования вузов;

— введение в сферу юридического образования нового образца государственно-образовательного стандарта.

Ни для кого не секрет, что в силу своей природы знания, получаемые в процессе обучения в высших учебных заведениях, обладают таким свойством как «старение», вследствие чего возрастает острая необходимость в постоянном совершенствовании практической сферы применения этих знаний. На мой взгляд, именно этот критерий и диссонанс теоретических знаний потребностям практической сферы жизнедеятельности общества являются результатом инновационных новшеств в сфере образования, заслуживающим особого внимания.

Присоединение России в ноябре 2003 года к Болонской конвенции «Об унификации системы высшего образования в Европе» послужило поводом для формирования единой системы образовательного пространства. Реформа внедрения двухступенчатой системы образования студентов по программам «бакалавриат» и «магистратура» была воспринята Министерством науки и высшего образования России как весьма значимый этап на пути совершенствования института подготовки высококвалифицированных юристов, прогрессирующий дополнительные возможности развития образовательного стандарта. Бакалавриат обеспечивает основную правовую подготовку будущих специалистов на среднем уровне сложности, в то время как магистратура представляет собой более детальную и профессиональную стадию обучения [6].

¹ О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 26 мая 2009 г. № 599 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6624579/> (дата обращения: 10.10.2020).

В механизме государственно-правового регулирования юридическое образование характеризуется высоким уровнем значимости, что обусловлено критерием потребности в высококвалифицированных специалистах нового поколения, теоретическая и практическая подготовка которых соответствует современным реалиям.

В современном мире социальная компетентность как поведение в общественной среде, чувство коллективизма в профессиональной деятельности, инициативность и любовь к осознанному риску формируют профессионально-личностную квалификацию. Само по себе образование в виде одной квалификации не способно достичь желаемого результата, заключающегося в воспитании всесторонне развитого человека, компетентного специалиста. Для эффективности успеха была предложена идея интеграции процесса обучения и синергизм целей образования [7].

В настоящее время обязательным критерием для образовательных учреждений юридического профиля, ориентирующиеся на подготовку высококвалифицированных специалистов, является необходимость в наличии специализации. Инновационная модель формирования профессионального юриста многопрофильного формата, свободно ориентирующегося в различных сферах правовой деятельности, была предложена В. Я. Колдиным [8, с. 10–13].

Структура образовательной программы высшего юридического образования представлена в симбиозе базовой и вариативной частей, регламентированные в федеральном государственном образовательном стандарте. Сущность базовой части заключается в том, что после освоения студентами учебных дисциплин, отнесенных к ведению данного раздела, у них появляется возможность после второго года обучения пройти дальнейшее обучение по специализации на свое усмотрение. Обобщенная модель отечественного юридического образования была предложена В. В. Ершовым, согласно которой различают традиционную и специализированную формы высшего юридического образования. Если первый вариант обучения нашел практическое применение в высших учебных заведениях с юридическим уклоном, то вторая модель реализуется в специализированных учебных заведениях в целях развития качественного юридического образования и подготовки высококвалифицированных специалистов — юристов. Повышение степени правового сознания и правовой культуры возможно благодаря модернизации системы высшего юридического образования

с учетом общественных и государственных интересов [9, с. 73–76].

Исторические этапы становления и тенденции развития юридического образования в России свидетельствуют о его нынешнем состоянии и перспективах развития. Дискуссионная проблема модернизации современной системы высшего юридического образования неоднократно поднималась в широких кругах видных научных деятелей и представителей власти, кроме того данному вопросу посвящено множество статей, монографий и диссертационных работ. По мнению судьи Конституционного Суда Российской Федерации Константина Арановского, профессиональное образование сегодня претерпело ряд неблагоприятных последствий под воздействием многочисленных реформ в сфере образования, в силу которых новейшее высшее образование не в состоянии обеспечить стабильное качество и должную квалификацию дипломированным выпускникам. Нынче все более широкое распространение получают перспективы внедрения инновационных технологий и преимущества использования в юридической деятельности и в юридическом образовании искусственного интеллекта [10, с. 5–40].

Безусловно, абсолютное большинство таких предложений заслуживают признания, содействия и реализации, но при этом, невозможно представить современную систему образования без традиционной с богатым вековым опытом модель обучения с учетом нынешних реалий. В частности, сюда можно отнести:

1. Профессиональное воспитание как инновационный процесс правовой культуры будущих юристов должно основываться на общечеловеческих ценностях и строиться в соответствии с такими моральными категориями как справедливость, порядочность, сострадание к людям, уважительное отношение к законодательству, чувство ответственности за свои поступки и решения. В образовательной программе высших учебных заведений для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «юриспруденция», присутствует дисциплина «профессиональная этика», в рамках которой студенты получают азы формирования достойного морального облика будущего юриста. Для человека, связавшего свою профессию с правом, понятия «долг, честь, совесть и справедливость» должны представлять наивысшую ценность.

2. Введение в образовательный курс учебной нагрузки по римскому праву и латинскому языку с целью развития аналитических способностей у будущих юристов. Сущность

и главное предназначение данных дисциплин заключается в том, чтобы расширить общеправовой кругозор носителей юридических знаний, обогатить внутреннюю культуру и духовный мир, поскольку именно эти показатели являются ведущими регуляторами в процессе принятия кодекса профессиональной этики, не допускающий возможности отступления от норм законодательства и нарушения прав физических и юридических лиц.

3. Обучение студентов искусству грамотной, выразительной и убедительной речи, ораторского мастерства, необходимого будущим высококвалифицированным юристам вне зависимости от сферы их деятельности. Как известно, традиционная методика оценки качества знаний студентов имеет множество эффективных преимуществ, нежели сдача зачетов и экзаменов в форме письменного тестирования. Различные аспекты общения преподавателя со студентом способствуют началу дискуссионной беседы, в процессе которой у экзаменуемого вырабатывается аналитическое мышление, мобилируются интеллектуальные способности и формируется коммуникативная культура.

4. Обеспечение качества обучения иностранным языкам и зарубежным правовым системам. На сегодняшний день тенденции глобализации современного мира достигли пределов, при которых необходимость тесного сотрудничества с правовой системой ведущих мировых держав по аналогичным вопросам становится общепризнанной. Наряду со многими известными дореволюционными правоведомы современные авторы, владеющие иностранными языками, свободно апеллируют нормами зарубежного законодательства и суждениями зарубежных ученых при подготовке научных трудов сравнительного анализа правовых институтов. Данный комплекс мероприятий способствует обогащению современной концепции понятиями и конструкциями, изучение которых значительно расширяет научные представления в различных областях [11, с. 109–114].

Одним из важных атрибутов в механизме модернизации системы российского высшего образования, в частности юридического, являются условия профессорско-преподавательского состава, включающие в себя и комплекс стимулирующих средств. В силу многочисленных нововведений в образовательную сферу деятельности преподавателям нынче приходится внеаудиторную часть нагрузки проводить за учебно-методической работой (рабочие программы, фонды оценочных средств, календарно-тематические планы), когда все свободное

время можно было направить на научно-исследовательскую деятельность. На мой взгляд, научная работа приносила бы больше пользы в плане самовоспитания и саморазвития потенциала личности преподавателя, а также повышения его профессионального мастерства.

По словам судьи К. Арановского, в свете последних реформ в системе высшего юридического образования наблюдаются не особо эффективные показатели профессионального роста педагогов, что в первую очередь сказывается на качестве самого образования. В большинстве случаев причиной тому является слепое следование Федеральному государственному образовательному стандарту, требованиям государственной аккредитации и прочим контрольно-надзорным органам. За последние несколько лет невероятный вклад в систему высшего юридического образования внес Экспертный центр Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции, с легкой руки которого процедура аккредитации благополучно прошли высшие учебные заведения, имеющие право на предоставление юридического образования. В настоящее время созданы все альтернативные условия для перехода от государственной формы аккредитации к общественной, поскольку Ассоциация юристов России является экспертной организацией Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

Прогрессирующая тенденция совершенствования современного законодательства предусматривает многочисленное количество поправок и изменений, в силу которых преподаватель должен регулярно обновлять свои теоретические познания, практические навыки и компетенции, иметь глубокие представления о доктринальном толковании юридических конструкций с целью повышения уровня лекционного мастерства и качественного преподавания. Лишь в этом случае профессиональная деятельность педагога будет соответствовать требованиям нормативно-правовых актов в сфере образования и принципам профессиональной этики [12, с. 31].

Высокий уровень профессиональной культуры — важнейшее качество личности квалифицированного специалиста, достижение которого возможно благодаря предметным объектам правовой культуры юристов в ходе разрешения профессиональных ситуаций, включение будущих юристов для прохождения учебной практики в профессиональную деятельность юридической клиники, создание культурной образовательной среды высшего учебного заведения.

Заключение

В результате проведенного исследования стало ясно, что одним из приоритетных направлений модернизации российской системы высшего юридического образования должно стать: во-первых, сохранение и преумножение замечательных принципов отечественного традиционного обучения; во-вторых, создание для педагогических работников необходимых условий для повышения профессионализма, а также социального статуса педагога; в-третьих,

усиление оказываемой общественной и государственной поддержки педагогам. Допустимой мерой качества выпускника-юриста может стать и единый экзамен на вход в профессию, пробуждающий и воспитывающий в студентах личностные качества, без которых юридическая деятельность теряет высокое значение и смысл.

Образование и культура — путь дальнейшего развития России, а вне их любое преобразование общества утопично.

Список литературы

1. Арсланов, К. М. Значение идей Д. И. Мейера для современного юридического образования / К. М. Арсланов, А. Г. Демиева // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). — 2019. — № 8 (153). — С. 17-26.
2. Арбузов, С. В. Конституционное право : университетский курс : учебник : в 2 т. Т. 1 / С. В. Арбузов, Т. В. Бережная, И. А. Володько [и др.] ; под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. — Москва : Проспект, 2015. — 432 с.
3. Шестак, Н. В. Профессиональное образование и компетентностный подход / Н. В. Шестак // Высшее образование в России. — 2010. — № 3. — С. 38-43.
4. Тепляшин, И. В. Качество высшего юридического образования в современной России: актуальные вопросы / И. В. Тепляшин // Право и образование. — 2010. — № 4. — С. 77-83.
5. Берулава, Г. А. Методологические аспекты развития системы высшего образования в современном информационном обществе / Г. А. Берулава // Вестник университета Российской академии образования. — 2009. — № 1. — С. 21-35.
6. Михайлов, А. Е. Современное состояние и перспективы российского юридического образования / А. Е. Михайлов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2015. — № 4. — С. 13-18.
7. Понкин, И. В. Проблемы и перспективы юридического образования / И. В. Понкин // Право и образование. — 2019. — № 1. — С. 89-92.
8. Колдин, В. Я. Концепция профессиональной подготовки юриста широкого профиля / В. Я. Колдин // Юридическое образование и наука. — 2009. — № 4. — С. 10-13.
9. Ершов, В. В. Высшее юридическое образование и трудовое право в России: актуальные вопросы теории и практики / В. В. Ершов // Трудовое право. — 2010. — № 4. — С. 73-76.
10. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Морхат Петр Мечиславович. — Москва, 2018. — 45 с.
11. Тирских, М. Г. Аппроксимация права и взаимодействие правовых систем / М. Г. Тирских, М. Т. Аббасов // Сибирский юридический вестник. — 2016. — № 4. — С. 109-114.
12. Зайцев, В. В. О мировоззренческом аспекте методологии гражданского права / В. В. Зайцев, В. А. Рыбаков // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. — Москва : Статут, 2017. — С. 22-32.

References

1. Arslanov, K. M. Znachenie idey D. I. Meyera dlya sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya / K. M. Arslanov, A. G. Demieva // LEX RUSSICA (RUSSKIY ZAKON). — 2019. — № 8 (153). — S. 17-26.
2. Arbuzov, S. V. Konstitutsionnoe pravo : universitetskiy kurs : uchebnik : v 2 t. T. 1 / S. V. Arbuzov, T. V. Berezhnaya, I. A. Volodko [i dr.] ; pod red. A. I. Kazannika, A. N. Kostyukova. — Moskva : Prospekt, 2015. — 432 s.
3. Shestak, N. V. Professionalnoe obrazovanie i kompetentnostnyy podkhod / N. V. Shestak // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2010. — № 3. — S. 38-43.
4. Teplyashin, I. V. Kachestvo vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v sovremennoy Rossii: aktualnye voprosy / I. V. Teplyashin // Pravo i obrazovanie. — 2010. — № 4. — S. 77-83.
5. Berulava, G. A. Metodologicheskie aspekty razvitiya sistemy vysshego obrazovaniya v sovremennom informatsionnom obshchestve / G. A. Berulava // Vestnik universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya. — 2009. — № 1. — S. 21-35.

6. Mikhaylov, A. Ye. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy rossiyskogo yuridicheskogo obrazovaniya / A. Ye. Mikhaylov // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2015. — № 4. — S. 13–18.
7. Ponkin, I. V. Problemy i perspektivy yuridicheskogo obrazovaniya / I. V. Ponkin // Pravo i obrazovanie. — 2019. — № 1. — S. 89–92.
8. Koldin, V. Ya. Kontseptsiya professionalnoy podgotovki yurista shirokogo profilya / V. Ya. Koldin // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2009. — № 4. — S. 10–13.
9. Yershov, V. V. Vysshee yuridicheskoe obrazovanie i trudovoe pravo v Rossii: aktualnye voprosy teorii i praktiki / V. V. Yershov // Trudovoe pravo. — 2010. — № 4. — S. 73–76.
10. Morkhat, P. M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy : spetsialnost 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatelskoe pravo; semeynoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk / Morkhat Petr Mechislavovich. — Moskva, 2018. — 45 s.
11. Tirskikh, M. G. Approksimatsiya prava i vzaimodeystvie pravovykh sistem / M. G. Tirskikh, M. T. Abbasov // Sibirskiy yuridicheskij vestnik. — 2016. — № 4. — S. 109–114.
12. Zaytsev, V. V. O mirovozzrencheskom aspekte metodologii grazhdanskogo prava / V. V. Zaytsev, V. A. Rybakov // Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy : sbornik nauchnykh statey. — Moskva : Statut, 2017. — S. 22–32.

Дата поступления статьи: 20.10.2020.

ПРИНЦИП КУЛЬТУРНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Росенко Н. И.

*Челябинский государственный университет
г. Костанай, Республика Казахстан
E-mail: rossenko1@mail.ru.*

Аннотация. Принцип культурного детерминизма, указывающий на важную роль культуры в формировании экономических, социальных, политических структур и институтов в обществе, является необходимым и достаточным в системе формирования экономико-правовой культуры у студентов вузов. В статье описана роль принципа культурного детерминизма в построении педагогической системы по формированию экономико-правовой культуры, в контексте ее терминологического аппарата. Авторский терминологический аппарат понятия «экономико-правовая культура» включает следующие термины: «культура», «экономика», «право», «экономическая культура», «правовая культура». В статье был проведен анализ, в результате которого выявлены взаимосвязи и взаимообусловленности между родовым понятием «культура» и видовыми понятиями «экономика» и «право». Дана подробная характеристика соотношения данных социальных институтов. Итоговый контекст статьи определил необходимость и достаточность принципа культурного детерминизма для эффективного функционирования педагогической системы.

Ключевые слова: культурный детерминизм, принцип, культура, экономика, право, экономико-правовая культура.

Для цитирования: Росенко, Н. И. Принцип культурного детерминизма в системе формирования экономико-правовой культуры у студентов вузов / Н. И. Росенко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 109–113.

THE PRINCIPLE OF CULTURAL DETERMINISM IN THE SYSTEM OF FORMATION OF ECONOMIC AND LEGAL CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS

N. I. Rosenko

*Chelyabinsk State University
Kostanay, Republic of Kazakhstan
E-mail: rossenko1@mail.ru.*

Abstract. The principle of cultural determinism, indicating the important role of culture in the formation of economic, social, political structures and institutions in society, is necessary and sufficient in the system of formation of economic and legal culture among university students. The article describes the role of the principle of cultural determinism in the construction of a pedagogical system for the formation of economic and legal culture, in the context of its terminological apparatus. The author's terminological apparatus of the concept of "economic and legal culture" includes the following terms: "culture", "economics", "law", "economic culture", "legal culture". An analysis was carried out in the article, as a result of which the relationship and interdependence between the generic concept of "culture" and the generic concepts of "economy" and "law" were revealed. A detailed description of the correlation of these social institutions is given. The final context of the article determined the necessity and sufficiency of the principle of cultural determinism for the effective functioning of the pedagogical system.

Keywords: cultural determinism, principle, culture, economics, law, economic and legal culture.

For citation: Rosenko, N. I. The Principle of Cultural Determinism in the System of Formation of Economic and Legal Culture of University Students. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 109–113. (In Russ.)

Введение

Культурный детерминизм (англ. *cultural determinism*) — определение поведения человека социально-культурными причинами, убеждение того, что культура определяет кто мы на поведенческом и эмоциональном уровнях; утверждение главенствующей роли культуры в формировании политических экономических и социальных институтов в обществе¹.

Культурный детерминизм указывает на преемственность сложившихся образцов поведения в течение длительного времени, когда устоявшаяся модель поведения от одного поколения передается к следующему. Он указывает на объективные причины, создающие многочисленное разнообразие цивилизаций и культур на протяжении всего исторического пути человечества.

Теория социального развития, выявляет целый ряд концепций культурного детерминизма. Одной из наиболее известных является концепция экономического детерминизма Карла Маркса, утверждающая, что роль класса или индивида в отношениях собственности

своими постоянно изменяющимися элементами и ограничениями, отвечает за характер и становление каждой отдельно взятой культуры. Важно упомянуть концепцию культурного детерминизма, согласно которой культура определяет политические и экономические механизмы общества. Основные идеи данной концепции находят отражение в описаниях многих культур мира, на протяжении всей истории человечества, начиная с античных цивилизаций и заканчивая настоящим временем.

Описание исследования

В рамках проводимого исследования по формированию экономико-правовой культуры у студентов вузов вышеупомянутая концепция культурного детерминизма считается наиболее приемлемой и выступает в роли специфического принципа функционирования педагогической системы. Принцип культурного детерминизма в системе формирования экономико-правовой культуры у студентов вузов указывает на важную роль культуры в системе экономических и правовых отношений [2].

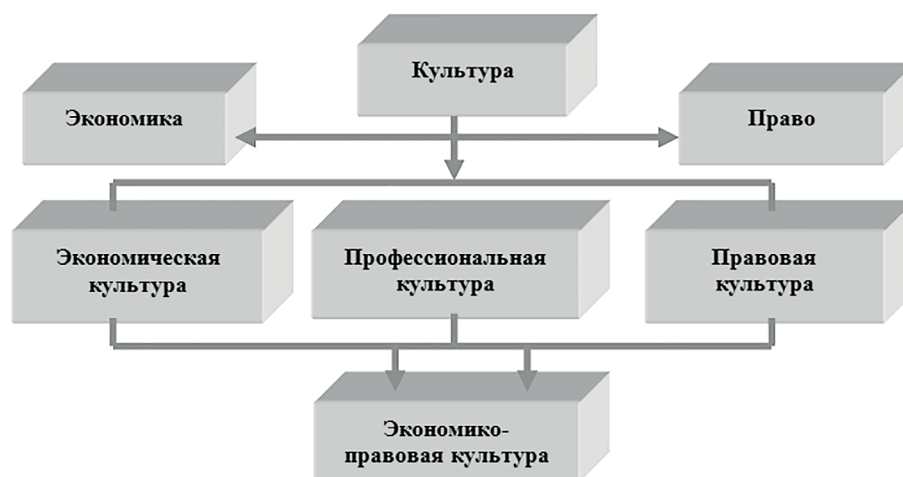

Рис. 1. Терминологический аппарат понятия «экономико-правовая культура»

на средства производства определяет культурное мировоззрение и культурные роли². Другой способ взглянуть на существующие концепции культурного детерминизма — противопоставить его с идеями детерминизма экологического, которые заключаются в том, что физический (материальный) мир, со всеми

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва : Оникс, 2010. 944 с.

² Основные культурологические концепции конца XIX — начала XX века // ReferatZONE : [сайт]. URL: <http://referatzone.com/load/referaty/kulturologija/> http://referatzone.com/load/referaty/kulturologija/osnovnye_kulturologicheskie_koncepcii_konca_xix_nachala_xx_veka/54-1-0-2074 (дата обращения: 15.01.2021).

Отдельно отметим, что важным требованием педагогики высшей школы в настоящее время является ориентация на понятие культуры как среды, «питающей и растящей» личность, как «диалога и взаимопорождения прошлых, настоящих и будущих культур», то есть ориентация на культуросообразность системы образования. Именно культуросообразная образовательная среда должна способствовать формированию у будущего специалиста качеств обеспечивающих в дальнейшем высокий уровень жизнедеятельности и жизнеудовлетворенности, а также его личностно-профессиональную конкурентоспособность и стабильность [3].

Понятие «культура» является родовым в терминологическом аппарате формируемого у студентов качества «экономико-правовая культура» (рис.1) на гиперонимическом уровне не задает его сущностные характеристики [4].

Рассмотрим внутреннюю взаимосвязь родового понятия «культура» с видовыми понятиями экономико-правовой культуры: «экономика» и «право».

Вопрос о взаимосвязях и взаимозависимостях *экономики и культуры* является наиболее сложным и запутанным в современном знании, данная тенденция определяется сложными и противоречивыми отношениями между культурой и экономикой, переживающими в наши дни переломный момент.

Относительно экономики культура, в настоящее время, находится в парадоксальном положении. С одной стороны, мы наблюдаем повсеместное признание важной роли культуры в экономике и общественном производстве. Тема культуры не только присутствует, но зачастую переполняет экономические и политические рассуждения различных научных и общественных сообществ. С другой стороны, эти рассуждения остаются в большинстве случаев только «на словах», не воплощаются (либо воплощаются частично) в практических делах. А утвердившийся в конце XX в. нелиберализм все чаще пытается свести культуру к символически-эпизодическому присутствию в бюджетных строках. Финансовые средства выделяются, как правило, на культуру в самую последнюю очередь, и по остаточному принципу, а в случае кризиса либо ухудшения экономической ситуации затраты на культуру сокращаются первыми¹. Таким образом, культура постоянно испытывает финансовую угрозу, и такое положение объясняется состоянием экономического развития государства и, в целом, состоянием экономической науки. Современная диджитализация и введение в экономику цифровых технологий еще более усиливают увлеченность экономистов математическими, статистическими и количественными методами. Но математизированная и цифровизированная экономическая наука не способна с высокой вероятностью количественно определить, квантифицировать значение культуры в экономике. Культура не позволяет все подсчитать и точно монетизировать, и эта несводимость, неподвластность точным наукам составляет ее сущность².

¹ Культура и экономика // Энциклопедия Экономиста : [сайт]. URL: <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/kultura-i-ekonomika.html#a1> (дата обращения: 15.01.2021).

² Взаимосвязь культуры и экономики // ВикиЧтение : [сайт]. URL: <https://fil.wikireading.ru/31572>.

Ко всему сказанному, добавим то обстоятельство, что не все экономические течения и школы осознали в полной мере и приняли значительное различие в терминах «экономический рост» и «общественное развитие», первый термин, как правило, обозначает количественные показатели (объем ВВП, ВНП и др.), а второй, все-таки, напрямую связан с социальным и человеческим прогрессом.

Конечно, общественное развитие тесно связано с экономическим ростом государства, но ни в коем случае не сводится полностью к нему и не исчерпывается полностью только им. Общественное развитие, в первую очередь предполагает качественное улучшение человеческого капитала, которое является не просто и не только результатом экономического роста, но и его важнейшим условием. В связи с этим, в настоящее время взаимоотношения между культурой и экономикой претерпевают глубокие трансформации: они все больше сближаются, нуждаются друг в друге. И от результата этого сближения зависит дальнейшая история человечества.

Экологические катастрофы, все более обостряющиеся глобальные проблемы требуют полного сотрудничества и взаимопомощи между экономикой и культурой. Экономика должна быть не столько эффективной, сколько «человечной», «экологической», общественно значимой и полезной. Без этого она обречет человечество на деградацию, моральное и нравственное разрушение, самоуничтожение³.

В XXI в. синергия между культурой и экономикой пытается восстановить взаимосвязи между различными видами человеческой деятельности, противопоставленными историческая эволюция. Культура все больше становится главным общественным регулятором экономики и национального производства. Она делает акцент на человеке, его свободах, способствует привитию вкуса к творчеству и обновлению, формирует внутреннюю рефлексию. Все больше становится очевидным, что для стабильного экономического роста требуется не только технологии, не только наука, но и культура (культура производства, культура труда, культура производственных отношений и т. д.). Культура определяет цели, наполняет жизнь человека смыслом, приносит ему духовные ценности. Экономика же обеспечивает жизненные условия, она дает человеку необходимые для жизнедеятельности материальные блага. Культура и экономика

³ Культура и экономика: обзор взаимосвязей // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2561> (дата обращения: 15.01.2021).

должны находиться в неразрывной связи и обща выстраивать общественное благополучие и процветание.

Симбиоз культуры и экономики способствует возникновению нового понятия «экономическая культура», являющегося составной частью терминологического аппарата понятия «экономико-правовая культура» (рис. 1).

Между *культурой и правом* существуют многосторонние диалектические взаимопроникновения и взаимосвязи, которые следует учитывать при теоретическом исследовании и в реальном процессе осуществляемых в обществе преобразований непосредственно в правовой сфере. Соотношение между культурой и правом является достаточно сложным. И культура и право тесно связаны с историей, без которой они невозможны и несостоятельны. Это социально-общественные феномены, возникшие в ходе исторического развития с целью удовлетворения общественных потребностей.

Культура возникла из потребностей усвоения, закрепления и передачи всем последующим поколениям накопленного веками духовного опыта человечества. Возникновение права также определяется политической и социально-экономической необходимостью иметь надежный и справедливый регулятор общественных отношений. Благодаря культуре существующие социальные нормы проникают во все сферы жизнедеятельности общества. Право аналогично является регулятором общественных отношений, и обеспечивает нормальные условия жизни и деятельности людей. Культура, и право выступают в качестве социального регулятора и повсеместно оказывают воспитывающее и развивающее воздействие на поведение людей — как через определенные нормы, механизмы и институты, так и как самостоятельный фактор духовно-нравственной общественной жизни.

Культура и право, как и любая целостная система, сосуществуют в определенном взаимодействии друг с другом, что выражается в многостороннем их взаимовлиянии. Они поддерживают друг друга при упорядочении общественных отношений, стремятся к формированию правовой и общей культуры как у отдельных индивидов так и, в целом, у общества [1].

Культурный процесс охватывает все сферы жизнедеятельности общества, в том числе право. Соответствуя данной правовой системе, культура специфическим образом с ней связана. Культура, являясь всеобъемлющим социальным институтом, с одной стороны детерминируется системой права, с другой — являясь

сферой познания и творчества, ее опережает. Культура — это сложный мобильный социальный феномен, который способен наиболее оперативно реагировать на возникающие трансформации общественной жизни.

Правовая система по своей природе более консервативна, она неизбежно отстает от течения жизни, в ней к тому же немало различных коллизий. Изменения в правовой системе, обусловленные культурой, способствуют обновлению общественных отношений, что, в свою очередь, вызывает либо развитие, либо отставание самой культуры. Каждый шаг в развитии культуры является, соответственно, и шагом на пути развития, обретения все большей свободы, в том числе правовой.

Заключение

Таким образом, реализуя свои функции, культура и право помогают друг другу в достижении единых целей. Однако это не означает, будто взаимодействие культуры и права протекает гладко, без особых противоречий. Причины противоречий прежде всего заключаются в том, что у них разные методы регуляции, различные критерии оценки поведения людей. Большое значение имеет и неадекватность отражения людьми реальных общественных процессов, неразвитость сознания, противоречивость и изменчивость самих социальных условий. Сегодня противоречия между культурой и правом еще более усугубились, произошло падение авторитета нравственности, духовности. Экономические проблемы, социальная напряженность, морально-психологическая неустойчивость общества еще сильнее обостряют эти противоречия. В этой связи особого внимания требует проблема формирования высокого уровня правовой культуры. Правовая культура является и фактором благотворных перемен, и условием стабильности общества. Ее отсутствие чревато беззаконием и социальными аномалиями. Понятие «правовая культура» является составной частью терминологического аппарата исследуемого понятия «экономико-правовая культура» (рис. 1).

Подведем итог: принцип культурного детерминизма, указывающий на важную роль культуры в формировании экономических, социальных, политических структур и институтов в обществе, является необходимым и достаточным в системе формирования экономико-правовой культуры у студентов вузов: во-первых, это подтверждается историческим фактом взаимовлияния таких общественных институтов как «культура», «экономика» и «право», во-вторых, его необходимость

определяется повсеместной интеграцией и мультиалистическим симбиозом вышеупомянутых общественных институтов («культура», «экономика» и «право»); в-третьих, необходимость принципа культурного детерминизма продиктована общественными потребностями в имплементации культурного компонента в контекст современной системы высшего образования.

Список литературы

1. Гусейнов, А. И. Соотношение права и культуры / А. И. Гусейнов // Социология власти. — 2005. — № 6. — С. 142–148.
2. Уварина, Н. В. Ядро педагогической концепции: закономерности, принципы актуализации творческого потенциала личности учащихся в образовательном процессе / Н. В. Уварина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. — 2012. — № 15. — С. 34–36.
3. Тишаев, Б. Б. Экономико-правовой статус личности : структурно-содержательный анализ : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... канд. юрид. наук / Тишаев Баходир Бакоевич. — Казань, 2011. — 195 с.
4. Росенко, Н. И. Содержание системы формирования экономико-правовой культуры у студентов вузов / Н. И. Росенко // Инновации в образовании. — 2017. — № 8. — С. 29–38.

References

1. Guseynov, A. I. Sootnoshenie prava i kultury / A. I. Guseynov // Sotsiologiya vlasti. — 2005. — № 6. — S. 142–148.
2. Uvarina, N. V. Yadro pedagogicheskoy kontseptsii: zakonmernosti, printsipy aktualizatsii tvorcheskogo potentsiala lichnosti uchashchikhsya v obrazovatelnom protsesse / N. V. Uvarina // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki. — 2012. — № 15. — S. 34–36.
3. Tishaev, B. B. Ekonomiko-pravovoy status lichnosti : strukturno-soderzhatelnyy analiz : spetsialnost 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya ucheniy o prave i gosudarstve» : dis. ... kand. jurid. nauk / Tishaev Bakhodir Bakoevich. — Kazan, 2011. — 195 s.
4. Rosenko, N. I. Soderzhanie sistemy formirovaniya ekonomiko-pravovoy kultury u studentov vuzov / N. I. Rosenko // Innovatsii v obrazovanii. — 2017. — № 8. — S. 29–38.

Дата поступления статьи: 21.01.21.

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Алиева Ш. М. на тему: «Правовые последствия начала и окончания вооруженных конфликтов»

Винникова Р. В.

Челябинский государственный университет

г. Челябинск, Российская Федерация

E-mail: rushana_v@inbox.ru.

Аннотация. Представлен отзыв на автореферат диссертации Алиева Ш. М. на тему: «Правовые последствия начала и окончания вооруженных конфликтов», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 «Международное право; европейское право».

Ключевые слова: отзыв на автореферат диссертации, международное право, вооруженные конфликты.

Для цитирования: Винникова, Р. В. Отзыв на автореферат диссертации Алиева Ш. М. на тему: «Правовые последствия начала и окончания вооруженных конфликтов» / Р. В. Винникова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 114–115.

REVIEW

on the Abstract of the Thesis of Sh. M. Aliev on the Theme: “Legal Consequences of the Beginning and the End of Armed Conflicts”

R. V. Vinnikova

Chelyabinsk State University

Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: rushana_v@inbox.ru.

Abstract. The review of the thesis on the topic: “Legal Consequences of the Beginning and end of armed Conflicts”, submitted for the degree of candidate of legal sciences on specialty 12.00.10 “International law; European law, is presented”.

Keywords: review of the thesis abstract, international law, armed conflicts.

For citation: Vinnikova, R. V. Review on the Abstract of the Thesis of Sh. M. Aliev on the Theme: “Legal Consequences of the Beginning and the End of Armed Conflicts”. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 1 (28), pp. 114–115. (In Russ.)

Диссертационное исследование Алиева Шамиля Мургузовича, представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполнено на тему, актуальность которой не вызывает сомнений.

Одной из важнейших задач, стоящих перед международным правом, выступает поиск эффективных правовых средств предупреждения и разрешения вооруженных конфликтов,

и специальные исследования конкретных аспектов правового регулирования вооруженных конфликтов могут немало этому поспособствовать. Учитывая непрекращающиеся вооруженные конфликты, преимущественно немеждународного характера, включая конфликты в непосредственной близости от Российской Федерации, анализ вопросов данной проблематики представляется очень своевременным и полезным.

Исследование Ш. М. Алиева, судя по автореферату диссертации, содержит целый ряд значимых в теоретическом и практическом отношении положений и выводов.

1. Автор диссертации первым обратил внимание на то, что хрестоматийное положение о разрыве дипломатических отношений в связи с наступлением состояния войны между государствами не имеет нормативного закрепления, а является «отражением практики Первой и Второй мировых войн».

2. Заслуживает внимания и одобрения авторское установление правовых последствий начала и окончания для каждого вида вооруженных конфликтов. Объем соответствующей нормативной регламентации международных вооруженных конфликтов значительно превышает «количество норм, посвященных вооруженных конфликтов немеждународного характера». В связи с этим указание автора на распространение положений Конвенции 1980 г. о запрете употребления некоторых обычных видов вооружений на немеждународные вооруженные конфликты с 2001 г. не может остаться незамеченным.

3. Диссертационное исследование Ш. М. Алиева опирается на достижения отечественной международно-правовой доктрины и одновременно вносит свой заметный вклад в разработку проблем права вооруженных конфликтов, в частности, исследование автором вопроса о применении СССР Конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. в качестве обычных норм международного права. Основываясь на анализе советского законодательства и материалов архивных документов, диссертант убедительно доказал положение об имплементации норм Конвенции в советское право.

4. Значительная часть автореферата посвящена юридическому анализу событий на Украине. Диссертантом выявлены определенные проблемы соответствия украинского законодательства, касающегося статуса территорий Донецкой и Луганской областей, нормам международного права.

По содержанию автореферата возникло два вопроса дискуссионного характера.

1. В третьем положении, вынесенном на защиту, диссертант утверждает, что «...категория „некомбатант“ упразднена в результате вступления в силу Дополнительного протокола 1 1977 г.». Но в текстах Женевских конвенций 1949 г. указанный термин не используется.

В тексте Протокола 1 напротив, термин «некомбатант» встречается. В частности, в ст. 37 «Запрещение вероломства» приводятся примеры запрещенных действий, и среди них — «симулирование обладания статусом гражданского лица или некомбатанта» (пункт «с»). В связи с этим не является ли выдвинутый автором тезис несколько преждевременным?

2. К числу международных вооруженных конфликтов диссертант относит вооруженные столкновения между государствами и конфликты, в которых народы ведут вооруженную борьбу за независимость (с. 16 автореферата). Как диссертант относится к мнению, что конфликт, в котором участвуют вооруженные силы ООН, действующие на основании главы VII Устава ООН, является международным вооруженным конфликтом?

В заключение следует отметить, что положения и выводы диссертационного исследования представляются полезными для компетентных государственных органов и лиц, осуществляющих внешнеполитическую деятельность.

Несомненно, результаты исследования могут быть применены в процессе преподавания учебной дисциплины «Международное право» и отдельных спецкурсов, а также при осуществлении научных исследований теоретических и практических проблем, связанных с правом вооруженных конфликтов, международным гуманитарным правом.

Автореферат диссертации Ш. М. Алиева свидетельствует о том, что это самостоятельное исследование, обладающее новизной, внутренним единством, логикой и последовательностью изложения, основные положения которого нашли отражение в 9 публикациях автора.

Автореферат проведенного Ш. М. Алиева диссертационного исследования соответствует установленным требованиям, а также свидетельствует о профессиональных навыках автора в сфере постановки и решения проблем, имеющих существенное значение для юридической науки и практики.

Таким образом, всё вышесказанное позволяет утверждать, что представленное диссертационное исследование выполнено на высоком теоретическом уровне, а автор диссертации Алиев Шамиль Муртузович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.10 «Международное право; европейское право».

Дата поступления: 05.03. 2021 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**БЫЗОВА ИНГА ГЕННАДЬЕВНА**

Старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорский государственный университет.

628012, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.

E-mail: ingabyzova@mail.ru.

ВЕЛИКИЙ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, директор Троицкого филиала, Челябинский государственный университет.

457100, г. Троицк, Челябинская обл., ул. Степана Разина, д. 9.

E-mail: tf_chelgu@mail.ru.

ВИННИКОВА РУШАНИЯ ВАСИЛОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

E-mail: rushana_v@inbox.ru.

ДЕНИСЕНКО ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России.

350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

E-mail: profdenisenko@mail.ru.

ЗАБРОДИНА ВАЛЕРИЯ ВИТАЛЬЕВНА

Студент, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

E-mail: leran.00@mail.ru.

КВАСОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ

Старший преподаватель кафедры организации охраны общественного порядка, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, полковник полиции.

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

E-mail: VladKwasov@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS**BYZOVA INGA GENNADEVNA**

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Yugra State University.

16 Chekhov St., Khanty-Mansiysk 628012, Khanty-Mansi Autonomous District — Ugra.

E-mail: ingabyzova@mail.ru.

VELIKIY ANDREY ANATOLEVICH

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Director of Troitsk branch, Chelyabinsk State University.

9 Stepana Razina St., Troitsk, Chelyabinsk Region 457100, Russian Federation.

E-mail: tf_chelgu@mail.ru.

VINNIKOVA RUSHANIYA VASILOVNA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Law Enforcement Organization, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

E-mail: rushana_v@inbox.ru.

DENISENKO VIKTOR VASILEVICH

Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

128 Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005, Russian Federation.

E-mail: profdenisenko@mail.ru.

ZABRODINA VALERIYA VITALEVNA

Student, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620137, Russian Federation.

E-mail: leran.00@mail.ru.

KVASOV VLADIMIR BORISOVICH

Senior Lecturer of the Department of Public Order Management at the Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel.

75 Amurskaya St., Tyumen 625049, Russian Federation.

E-mail: VladKwasov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КИСЕЛЕВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Помощник судьи, Новоуральский городской суд Свердловской области.

624130, Свердловская область, г. Новоуральск, ул. Ленина, д. 39.

E-mail: tuffkan@gmail.com.

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1.

E-mail: pkobets37@rambler.ru.

МАЙОРОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет; доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург.

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

E-mail: ab_majorov@mail.ru.

МАЙОРОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России.

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

E-mail: 1955715@rambler.ru.

МАЙОРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и муниципального права, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

E-mail: major.a@mail.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

KISELEVA KRISTINA ALEKSANDROVNA

Assistant judge, Novouralsk City Court, Sverdlovsk Region.

39 Lenina St., Novouralsk 624130, Sverdlovsk Region, Russian Federation.

E-mail: tuffkan@gmail.com.

KOBETS PETR NIKOLAEVICH

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.

25 Povarskaya St., building 1, Moscow 121069, Russian Federation.

E-mail: pkobets37@rambler.ru.

MAYOROV ANDREY VLADIMIROVICH

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University; Associate Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg.

129 Bratev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8629-9837>

E-mail: ab_majorov@mail.ru.

MAYOROV VLADIMIR IVANOVICH

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya St., Tyumen 625049, Russian Federation.

E-mail: 1955715@rambler.ru.

MAYOROVA YELENA NIKOLAEVNA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor Department of Constitutional Law and Municipal Law, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

E-mail: major.a@mail.ru.

МАХРОВА ТАТЬЯНА КИМОВНА

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, трудового права, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76.

E-mail: lotto@list.ru.

МЕНЬШИКОВА АННА ГЕННАДЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

E-mail: menshikova_anna@mail.ru.

ПОСПЕЕВ КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры, Юридический институт, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

E-mail: pospeev65@mail.ru.

РАДОСТЕВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23, оф. 410.

E-mail: la-venta@mail.ru.

РОСЕНКО НАДЕЖДА ИВАНОВНА

Преподаватель кафедры права, Костанайский филиал, Челябинский государственный университет.

110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. Бородина, д. 168-А.

E-mail: rossenko1@mail.ru.

РУДАКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ

Доцент, кафедра «Правоохранительная деятельность и национальная безопасность», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

454080, Челябинск, проспект Ленина, д. 76.

E-mail: rudakovbv@susu.ru.

MAKHROVA TATYANA KIMOVNA

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Theory of State and Law, Labor Law, South Ural State University.

76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation.

E-mail: lotto@list.ru.

MENSHIKOVA ANNA GENNADEVNA

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Criminal Law Department, Urals State Law University.

21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620137, Russian Federation.

E-mail: menshikova_anna@mail.ru.

POSPEEV KONSTANTIN YUREVICH

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Law Institute, South Ural State University (National Research University).

76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation.

E-mail: pospeev65@mail.ru.

RADOSTEVA YULIYA VIKTOROVNA

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department, Ural State Law University.

23 Komsomolskaya St., office 410, Yekaterinburg 620137, Russian Federation.

E-mail: la-venta@mail.ru.

ROSENKO NADEZHDA IVANOVNA

Lecturer of Law Department, Kostanay Branch, Chelyabinsk State University.

168-A Borodina St., Kostanay 110006, Republic of Kazakhstan.

E-mail: rossenko1@mail.ru.

RUDAKOV BORIS VIKTOROVICH

Associate Professor, Department of Law Enforcement and National Security, South Ural State University (National Research University).

76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation.

E-mail: rudakovbv@susu.ru.

СУВЕРОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Адъюнкт, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

644092, Омск, пр-т Комарова, д. 7.

E-mail: s.suverovse95@mail.ru.

SUVEROV SERGEY YEVGENEVICH

Adjunct, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

7 Komarov Ave., Omsk 644092, Russian Federation.

E-mail: s.suverovse95@mail.ru.

СУМАЧЕВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Югорский государственный университет.

628012, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.

E-mail: alekssumachev@mail.ru.

SUMACHEV ALEKSEY VITALEVICH

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Yugra State University.

16 Chekhov St., Khanty-Mansiysk 628012, Khanty-Mansi Autonomous District — Ugra.

E-mail: alekssumachev@mail.ru.

ТЕСЛЕНКО ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент Департамента образования, Троицкий филиал, Челябинский государственный университет.

457100, Челябинская область, г. Троицк, ул. Степана Разина, д. 9.

E-mail: tes-evgenij@yandex.ru.

TESLENKO YEVGENIY SERGEEVICH

, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Education, Troitsk branch, Chelyabinsk State University.

9 Stepana Razina St., Troitsk 457100, Chelyabinsk region, Russian Federation.

E-mail: tes-evgenij@yandex.ru.

ТУРКАЕВА ЛАУРА ВАХИТОВНА

Научный сотрудник кафедры «Сети связи и системы коммутации», Институт прикладных информационных технологий, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М. Д. Миллионщикова.

364011, г. Грозный, проспект Исаева, д. 100.

E-mail: turkaevalaura@mail.ru.

TURKAEVA LAURA VAKHITOVNA

Research Associate of the Department "Communication Networks and Switching Systems", Institute of Applied Information Technologies, Grozny State Oil Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov.

100. Isaeva Ave., Grozny 364011, Russian Federation.

E-mail: turkaevalaura@mail.ru.

ХОХРЯКОВА ЭЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

E-mail: ea_hohryakova@bk.ru.

KHOKHRYAKOVA ELINA ALEKSANDROVNA

Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and Law Enforcement Organization, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

E-mail: ea_hohryakova@bk.ru.

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом 8–15 страниц формата А4 должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: «Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые». Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к оформлению статей

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотация (200–250 слов) и список ключевых слов в именительном падеже (от 5 до 7 слов) на русском и английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля по 2 см с каждой стороны).
- Редактор — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- Размер шрифта (кегель) — 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») — 0,75 см.
- Междустрочный интервал — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Список литературы (ГОСТ Р 7.0.100-2018) — не менее 5 научных источников в алфавитном порядке на русском и английском языках (или в транслитерации [стандарт Госдеп. США]). Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Описания нормативно-правовых актов приводятся в виде подстрочных библиографических ссылок (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- После статьи указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты автора (обязательно).

При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами.

Для размещения статьи в нашем журнале к рукописи необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной ниже форме (отсканированную копию).
3. Аспирантам и соискателям ученой степени кандидата наук — рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо отправить на e-mail pravoporyadok74@bk.ru, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала <http://pravoporyadok74.pf>

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала <http://pravoporyadok74.pf>.

Редакция журнала